

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

На правах рукописи

Ковылин Сергей Васильевич

**ОТРИЦАНИЕ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ВАХОВСКОМ И
ВАСЮГАНСКОМ ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА,
ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Кандидат филологических наук, доцент
Фильченко А.Ю.

Томск – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОТРИЦАНИЯ	20
1.1 Отрицание в лингвистике и языковые средства выражения отрицания	20
1.2 Сфера действия отрицания: семантические и синтаксические типы отрицательных предложений	25
1.3 Цикл Есперсена	29
1.4 Стандартное отрицание	33
1.5 Множественное отрицание	35
1.6 Отрицательные местоимения и наречия	39
1.7 Прохибитив	47
1.8 Бытийное отрицание	51
1.9 Наклонение, модальность и отрицание	56
1.10 Симметрия и асимметрия при использовании отрицания	59
ВЫВОДЫ	62
ГЛАВА II. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В ВАХОВСКОМ И ВАСЮГАНСКОМ ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА, ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА	65
2.1 Стандартное отрицание в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка	65
2.1.1 Сопоставительный анализ стандартного отрицания в анализируемых диалектах	72
2.2 Прохибитив в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка	74
2.2.1 Сопоставительный анализ прохибитива в анализируемых диалектах	84
2.3 Бытийное отрицание	87

2.3.1 Бытийное отрицание в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка	92
2.3.2 Бытийное отрицание в центральных и южных диалектах селькупского языка	96
2.3.3 Отрицательные бытийные предикаты <i>nietu</i> - ‘отсутствовать’ и <i>nietu</i> ‘нету’ в центральных и южных диалектах селькупского языка.....	101
2.3.4 Сопоставительный анализ бытийного отрицания в анализируемых диалектах.....	110
2.4 Отрицательные местоимения и наречия.....	114
2.4.1 Отрицание при вопросительных и неопределенных местоимениях и наречиях в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка.....	114
2.4.1.1 Способы отрицания при местоимениях и наречиях в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка.....	123
2.4.1.2 Похожие явления в других восточных диалектах хантыйского языка	128
2.4.2 Отрицание при вопросительных местоимениях и наречиях в центральных и южных диалектах селькупского языка	129
2.4.2.1 Основные стратегии отрицания при местоимениях и наречиях в центральных диалектах селькупского языка.....	131
2.4.2.2 Основные стратегии отрицания при местоимениях и наречиях в южных диалектах селькупского языка	134
2.4.2.3 Отрицательные местоимения и наречия в центральных и южных диалектах селькупского языка	138
2.4.2.4 Некоторые способы выражения отрицания при атрибутивных конструкциях в центральных и южных диалектах селькупского языка	147
2.4.2.5 Дополнительные стратегии отрицания при местоимениях и наречиях в центральных и южных диалектах селькупского языка.....	149
2.4.2.6 Эволюция отрицательных местоимений и наречий в центральных и южных диалектах селькупского языка	151
2.4.2.7 Восстановление этимологии эмфатического элемента <i>naj</i>	154

2.4.3 Сопоставительный анализ отрицания при местоимениях и наречиях в анализируемых диалектах	155
2.5 Морфологическое отрицание в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка	159
2.5.1 Сопоставительный анализ морфологического отрицания в анализируемых диалектах	162
2.6 Отрицательные вспомогательные модальные глаголы в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка	163
2.6.1 Сопоставительный анализ выражения отрицания при модальных глаголах в анализируемых диалектах	166
2.7 К проблеме множественного отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка	169
2.7.1 Сопоставительный анализ выражения единичного и множественного отрицания в анализируемых диалектах	172
2.8 Семантические и синтаксические типы отрицания в предложении, сфера действия отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка	174
ВЫВОДЫ	180
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	185
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	190
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	194
АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ	208
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	209
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	220
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	231

ВВЕДЕНИЕ

Отрицание является сложным и многогранным явлением. Его определение и содержание во многом зависят от области его применения и подходов исследователей. Изучение отрицания до сих пор остается одной из важных задач таких наук, как лингвистика, логика, психология, математика, которые рассматривают отрицание в терминах своей дисциплины, а также затрагивают проблемы смежных областей знания, например философии. Отрицание является одним из базовых элементов системы человеческого общения.

В данной работе отрицание анализируется на материале ваховского и васюганского диалектов хантыйского языка, центральных и южных диалектов селькупского языка. Селькупский и хантыйский языки относятся к уральской языковой семье и находятся по отношению друг к другу в отдаленном генетическом родстве. Уральская языковая семья включает в себя около 30 языков и основных диалектов, расположенных на территории Евразии. Скорее всего, уральский язык-основа был распространен на территории Урала, откуда он распространился на восток, став основой самодийских и угорских языков, и на запад, став основой финно-пермских языков [Janhunen 2003: 326].

Хантыйский язык, ранее называемый остяцким, наряду с мансийским (вогульским) относится к обско-угорской подгруппе финно-угорских языков [Gulya 1961: 5] и наряду с мансийским и венгерским языками составляет угорскую подгруппу финно-угорских языков [Языки народов СССР III 1966: 9]. Самоназвание «ханты» было введено в официальную и научную практику в советское время. До этого, начиная с XVI века, хантов, как и ряд других народов, называли остяками. А в X–XV вв., до появления термина «остяк», хантов, как и манси, русские источники называли «югрой» [Аксянова, Соколова 2005: 59].

Ханты являются одним из древних аборигенных народов севера Сибири. Зоной их расселения являются территории бассейнов притоков Оби и Иртыша, а также самой Оби в нижнем и среднем течениях. В административном отношении территория расселения хантов входит в пределы Ханты-Мансийского и Ямало-

Ненецкого автономных округов Тюменской области, а также Александровского и Каргасокского районов Томской области [Терешкин 1981: 3].

Селькупский язык относится к самодийской группе уральской языковой семьи и представляет собой совокупность диалектов, существенно отличающихся друг от друга на всех уровнях языка. Под самодийскими языками подразумеваются в настоящее время следующие родственные языки: ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский [Языки народов СССР III 1966: 363]. В дореволюционной этнографической литературе селькупы именовались обычно остяко-самоедами или остяками [Селькупы: <http://russiasib.ru/selkupy/>]. Селькупы дисперсно расселены на обширной территории Западной Сибири. В основном все население сосредоточено в Томской и Тюменской областях, в Красноярском крае [Шаргородский 2002: 155].

Анализируемые нами хантыйский и селькупский языки длительное время находятся в контакте как друг с другом, так и с другими языками, а в последнее время все большее влияние на анализируемые языки оказывает русский язык. Так, на протяжении долгого времени ханты живут в контакте с другими народами – повсеместно с русскими, южными соседями издавна были татары и томско-нарымские селькупы, восточными – кеты и переселившиеся на Таз и Турухан селькупы, а также свободно кочующие эвенки, северными – ненцы [Кулемзин, Лукина 1992: 7]. Согласно Н.П. Григоровскому, в конце XIX – начале XX в. Васюганье населяли ханты, или остяки, и селькупы, или остяко-самоеды [Григоровский 1884]. В соответствии с исследованиями З. Надь, на территории бассейна р. Васюган проживали как восточные ханты, так и центральные селькупы, постоянно контактируя друг с другом. Из-за большого сходства материальной культуры и бытового уклада этих двух народов между ними часто не проводили различий, называя их остяками [Надь 2011: 12, 15, 37, 38]. Е.Д. Прокофьева отмечает, что таким же образом весь весь комплекс культуры ваховских хантов сложился под влиянием и в процессе взаимодействия культур хантов и селькупов. Об этом говорят язык ваховских хантов, некоторые элементы материальной культуры, тип шаманского костюма и бубна [Прокофьева 1952: 92].

Согласно исследованиям Л.А. Ильиной, уже в течение четырех столетий языки народов Сибири с нарастающей интенсивностью взаимодействуют с русским языком. За это время сибирские этносы прошли путь от начальных форм индивидуального и группового двуязычия и отдельных культурных лексических заимствований до общенародного двуязычия, нередко с функциональным преобладанием русского языка. Массовое двуязычие обуславливает интерференцию не только на лексическом, но и на других уровнях языковой структуры. Интерферирующее влияние русского языка проявляется в разных языковых ситуациях и типологически различных языках [Ильина 1999: 84, 85]. Как отмечает Ю.А. Морев, уже в 70-е гг. XX в. едва можно было найти такое место проживания селькупов, где бы в чистом виде сохранился какой-либо диалект или говор – словарная база значительно расширилась за счет заимствований из русского языка; во многих случаях наблюдается изменение артикуляционной базы родного говора в сторону приближения к артикуляционной базе русского языка, поскольку все селькупское население владеет русским языком [Морев 1973: 6, 7].

В анализируемых диалектах каждого из языков встречаются русские заимствования. Также, скорее всего, под влиянием русского языка, все чаще отмечается порядок слов SVO, свойственный русскому языку, вместо исконного для данных языков порядка SOV.

Диалектные классификации хантыйского и селькупского языков

Хотя исследователи часто рассматривают хантыйский язык как единую систему, в действительности он состоит из группы диалектов, которые сильно отличаются друг от друга. Диалектное членение селькупского языка обсуждалось в работах следующих ученых: К.П. Животиков [Животиков 1942: 7–18], В. Штейниц [Steinitz 1950: 8–9], Н.И. Терешкин [Терешкин 1967: 9, 11], Я. Гуйя [Gulya 1966: 5–7], П. Хайду [Hajdu 1987: 61] и др.

В нашем исследовании мы будем применять диалектную классификацию Н.И. Терешкина, разделяющего хантыйский язык на 2 диалектные группы по территориальному и фонетическому признаку – западные *hanti* и восточные

qantəu. Западные диалекты классифицируются как Х-вые, использующие звук *h*, восточные – как К-вые, использующие звук *q*. Благодаря этому признаку западохантыйские диалекты сближаются с другими угорскими языками и диалектами, а восточдохантыйские – с неугорскими финно-угорскими языками [Терешкин 1967: 9, 11].

Западные диалекты, к которым некоторые ученые относят как северные так и южные диалекты, подразделяются на 3 основных наречия: а) усть-обское (салехардское) с двумя говорами обдорских и сообских хантов; б) нижнеобское (березовское) с тремя разнотипными говорами шурышкарских, казымских и среднеобских хантов; в) иртышское с двумя однотипными группами говоров – с говорами иртышских, кондинских и демьянских хантов и с говорами усть-назымских и кеушинских хантов [Терешкин 1967: 10]. Восточные диалекты подразделяются на 2 наречия: а) сургутское с двумя разнотипными группами говоров – с говорами аганских, усть-аганских, тром-юганских, юганских, усть-юганских, а также пимских и ляминских хантов и с говорами салымских хантов; б) вах-васюганское наречие с двумя разнотипными группами говоров – с говорами ваховских и с говорами васюганских и александровских хантов [Там же]. В вах-васюганской группе мы будем отдельно выделять ваховский и васюганский диалекты.

Диалектное членение селькупского языка также является предметом споров. Можно обнаружить различные диалектные классификации с разной степенью описания и детализации. Так, можно выделить классификации на основе этнонимических, географических и различных лингвистических принципов, выделенные следующими лингвистами: Г.Н. Прокофьев [Прокофьев 1937: 93], А.П. Дульзон [Dulson 1971: 35–43], Т. Янурик [Janurik 1978], Х. Катц [Katz 1979], Е.А. Хелимский [Хелимский 2004 68–79], Э.Г. Беккер [Беккер и др. 1995а: 23] и др. Многие из классификаций носят смешанный характер.

В нашем исследовании мы будем опираться на классификацию Т. Янурика, дополненную С.В. Глушковым, А.В. Байдак и Н.П. Максимовой, согласно

которой селькупский язык можно подразделять на три диалектные группы – северную, центральную и южную [Селькупы 2013: 49–54].

Северная группа (6 диалектов): 1) тазовский – р. Таз, поселки Сидоровск, Часелька, Толька (Красноселькупского района), Кики-Акки, Ратта; 2) ларьякский (верхнетолькинский) – р. Пур, поселки Толька (Пуровского р-на), Харамбура, Кандинское, Тарко-Сале; 3) карасинский – р. Карасина, поселок Карасино; 4) туруханский – рр. Турухан, Енисей, поселки Янов-Стан, Фарково, Туруханск; 5) баихинский (баишенский) – р. Баиха, поселки Пакулиха, Баиха, Бакланиха, Сургутиха; 6) елогуйский – рр. Елогуй, Енисей, поселки Келлог, Верхне-Имбатское, Бахта, Ворогово, Сым, Ярцево. Этнонимическое название данной части селькупов – селькуп.

Центральная группа (4 диалекта): 1) ваховский – р. Вах и, вероятно, Обь между устьями Ваха и Тыма, поселки Тобольжино, Пирчино (на Оби); 2) тымский – р. Тым, поселки Нюльядрово, Ванджилынак, Лымбелькарамо, Пылькарамо, Компас, Кананак, Напас, Кочеедрово, Варгананджино, Кулеево, Нёготка, Назино, Усть-Тым, Колгуяк, Козыльцево; 3) васюганский – р. Васюган, поселки Каргасок, Ново-Югино, Старо-Югино, Маргино, Наунак, Усть-Чижалка; р. Чижалка, поселки Невалькынак, Тэделькынак, Вольджа; 4) нарымский – р. Обь, поселки Тебинак, Пыжино, Нарым, Тюхтерево, Ласкино, Басманово, Парабель, Мумышево, Невальцево, Сагандуково; р. Чузик, поселки Горелый Яр, Пудино; р. Кёнга, поселок Кёнга; р. Парабель, поселки Нельмач, Саиспаево. Этнонимическое название данной части селькупов – чумылькуп.

Южная группа (5 диалектов): 1) среднеобской – р. Обь (среднее течение Оби на территории Томской области), поселки Инкино, Киярово, Езенгино, Иванкино, Тяголово, Иготкино, Тогур, Испаево, Конерово, Островные, Колпашево, Баранаково, Тискино, Костенькино, Ново-Сондрово; 2) чаинский – р. Чая, позднее данные по этому диалекту фиксировались на р. Обь в поселках Старо-Сондрово, Чалково, Тайзаково, куда, вероятно, переехали жители р. Чаи; 3) кетский – р. Кеть, поселки Белый Яр, Карелино, Мулекша, Клюквенка, Тайна, Алипка, Максимкин Яр, Степановка, Меташкино, Пирино, Усть-Озерное,

Урлюково, Лукьяново, Зубреково, Марково, Лосиноборск, Налимкино, Айдара, Маковское; 4) верхнеобской – р. Обь от устья р. Чулым до южной границы среднеобского диалекта; 5) чулымский – по р. Чулым до среднего его течения, а также в районе впадения в р. Обь. Этнонимическое название данной части селькупов – шёшкум и шёшкуп, тюйкум, сюзсыкум (сюссокойкум).

Особое место в исследовании занимает язык селькупов, проживающих в поселках Старо-Сондрово и Ново-Сондрово: в рамках исследования мы будем относить его к сондровским говорам в рамках южной диалектной группы.

Актуальность диссертационного исследования определяется тем, что отрицание, являясь одной из фундаментальных понятийных категорий, свойственных всем языкам мира, представляет собой комплексное, многоаспектное явление, не имеющее до сих пор однозначного толкования. Более того, являясь универсальной понятийной категорией, отрицание характеризуется значительным разнообразием лингвистических средств выражения и спецификой взаимодействия с другими категориями в различных языках мира. В настоящее время наблюдается повышенный интерес лингвистов-типологов к описанию средств выражения отрицания в малоизученных языках. Данная работа посвящена сопоставительному исследованию способов выражения отрицания в малоизученных бесписьменных языках Сибири – хантыйском и селькупском.

В мире существует большое количество еще не изученных либо слабоизученных языков, численность носителей которых постоянно сокращается. Ваховский и васюганский диалекты хантыйского языка, являющиеся объектом нашего исследования, находятся на грани вымирания и являются наименее изученными из всех диалектов хантыйского языка, что делает их документацию и описание крайне актуальными. Более того, западные и восточные диалекты обнаруживают существенные различия на всех уровнях языка. Центральные и южные диалекты селькупского языка, выступающие объектом нашего сопоставительного исследования, также находятся на грани вымирания. По последним данным, полученным нами в ходе экспедиций, осталось не более 2 в

определенной степени «компетентных» носителей данных диалектов селькупского языка.

Объектом исследования являются все сферы употребления лингвистического отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка.

Предметом исследования являются лексические, морфосинтаксические и синтаксические способы выражения отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка.

Целью исследования являются описание и сопоставительный анализ способов выражения отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка и центральных и южных диалектах селькупского языка в типологической перспективе.

В соответствии с целью диссертационной работы необходимо решить следующие основные **задачи исследования**:

1) изучить формальные средства выражения, функциональные особенности и этимологию стандартного отрицания в изучаемых диалектах хантыйского и селькупского языков;

2) исследовать особенности функционирования и выражения прохибитива в анализируемых диалектах;

3) провести комплексный анализ бытийного отрицания в анализируемых диалектах;

4) рассмотреть формальные средства выражения, функциональные особенности и этимологию отрицательных местоимений и наречий в анализируемых диалектах;

5) проанализировать особенности морфологического отрицания в анализируемых диалектах;

6) изучить особенности функционирования специальных отрицательных вспомогательных модальных глаголов, выражающих имплицитное отрицание в анализируемых диалектах;

7) исследовать формальные и функциональные особенности использования единичного и множественного отрицания в анализируемых диалектах;

8) проанализировать семантические и синтаксические типы отрицания в анализируемых диалектах;

9) провести сопоставительный анализ способов выражения отрицания в анализируемых диалектах.

Эмпирическая база исследования. Эмпирическим материалом для анализа отрицания в представленных языках служат опубликованные материалы по хантыйскому и селькупскому языкам в виде словарей: «H. Paasonens Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan» [Paasonen, Donner 1926], «K.F. Karjalainen's ostjakisches Wörterbuch» [Karjalainen, Toivonen 1948], DEWOS [Steinitz et al. 1966–1993], «Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas Dialect» [Erdélyi 1969], «Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien» [Janhunen 1977], «Словарь восточно-хантыйских диалектов» [Терешкин 1981], «Словарь селькупско-русский и русско-селькупский: пособие для учащихся начальных школ» [Ириков 1988], «Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band 1, 2, 3» [Redei 1988], «Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект)» [Могутаев 1996], «Селькупский словарь. Кетский диалект» [Алатало 1998], «Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo» [Alatalo 2004], «Селькупско-русский диалектный словарь» [Быконя и др. 2005], «Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского» [Хелимский 2007а], «Северноселькупский словарь (Тазовский диалект)» [Хелимский 2007б], «Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие)» [Казакевич и др. 2010]; монографий, очерков, диссертаций, учебных пособий, разговорников и статей: «Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen» [Castren 1855], «Versuch einer ostjakischen Sprachlehre. Nebst kurzem Wörterverzeichniss» [Castren 1858], «Селькупская грамматика, ч. 1» [Прокофьев 1935], «Очерк грамматики хантыйского языка: средне-обской диалект» [Животиков 1942], «Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis» [Steinitz 1950], «Samojedische Sprachmaterialien» [Castren,

Lehtisalo 1960], «Очерки диалектов хантыйского языка. Часть первая. Ваховский диалект» [Терешкин 1961], «Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки» [Языки народов СССР III: 1966], «Eastern Ostyak Chrestomathy» [Gulya 1966], «Die ostjakischen Pronomina» [Vertes 1967], «Грамматика селькупского языка, ч. 1» [Кузьмина 1974], «Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект» [Кузнецова и др. 1980], «Chrestomathia Ostiastica» [Honti 1984], «Местоименные слова в южных диалектах селькупского языка» [Ильяшенко 1989], «Селькупский разговорник (нарымский диалект)» [Купер, Пустаи 1993], «Выражение отрицания в хантыйском языке» [Соловар, Черемисина 1994], «Грамматические категории южноселькупского глагола» [Кузнецова 1995], «Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Часть 1, 2» [Беккер и др. 1995а, 1995б], «Die Negation im Uralischen I, II, III» [Honti 1997], «Суффиксальное отрицание в селькупском языке» [Ермакова, Кузнецова 1998: 134–139], «Говори по-шёшкупски! (русско-селькупский разговорник)» [Быконя 1999], «Селькупский язык. Учебное пособие для педагогических колледжей и высших учебных заведений» [Селькупский язык 2002], «Serkáli osztják chrestomathia» [Schmidt 2008], «Аспекты грамматики восточно-хантыйских диалектов» [Фильченко 2010], «Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка» [Селькупы 2013]. Также источниковой базой диссертации послужили языковые материалы полевого архива кафедры языков народов Сибири ТГПУ, собранные за период с 1952 по 2013 г. сотрудниками кафедры ЯНС ТГПУ, в том числе собственные материалы в виде опросников-элиситаций и текстов, собранных в результате этнолингвистических экспедиций, и архива Института финно-угорских/уральских исследований Гамбургского университета, собранные в период с 1962 по 1977 г. А.И. Кузьминой.

Основным источником данных послужили архивные материалы. Материалы, собранные в результате экспедиций, дополнили и уточнили имеющиеся в архивах данные. Каждый том архивных материалов кафедры ЯНС ТГПУ и архива Института финно-угорских/уральских исследований Гамбургского университета имеет объем в среднем от 300 до 700 страниц. В целом по селькупскому языку

было проанализировано 102 тома, по хантыйскому – 7 томов, а также дополнительные архивные материалы, не оформленные в тома.

Собственные материалы были собраны во время трех этнолингвистических экспедиций: 1) август 2012 г., экспедиция в Парабельский и Каргасокский районы Томской области, населенные пункты: Парабель, Новый Васюган, грантовые проекты кафедры ЯНС ТГПУ: РФФИ № 11-06-00371 и ELDP № MDP-0259; 2) июль 2013 г., экспедиция в Каргасокский район Томской области, населенные пункты: Новый Васюган, грантовый проект кафедры ЯНС ТГПУ: ELDP № MDP-0259; 3) август 2013 г., экспедиция в Парабельский и Верхнекетский районы Томской области, населенные пункты: Парабель, Белый Яр и прилегающая территория, грантовый проект кафедры ЯНС ТГПУ: ELDP № MDP-0259. Однако большинство собранных лингвистических материалов посвящено информации не по отрицанию. Все материалы собраны у двух информантов: по хантыйскому языку – Петр Михайлович Милимов; по селькупскому языку – Ирина Анатольевна Коробейникова. Примеры параллельных опросников и данные по информантам находятся в приложении. Опросники по отрицанию разрабатывались на основе принципов, предложенных М. Миестамо, А. Тамм и Б. Вагнер-Надь [Negation in Uralic Languages 2015].

Теоретической базой исследования являются труды: по теории отрицания (L. Horn, O. Jespersen, J. Payne, P. Kiparsky, M. Haspelmath, C. Condoravdi, J. Van der Auwera, H. Zeijlstra, M. Devos, W. Croft, T. Payne, M. Miestamo, A. Giannakidou, M. Miestamo, M. Drier, E.B. Падучева); по типологии отрицания в языках мира (O. Dahl, M. Miestamo, J. van der Auwera, T. Payne, W. Croft, B. Гусев); по отрицанию в уральских языках (L. Honti, B. Wagner-Nagy, L. Van Alsenoy, J. Van der Auwera); по описанию грамматики ваховского и васюганского диалектов хантыйского языка (Н.И. Терешкин, Я. Гуйя, А.Ю. Фильченко), центральных и южных диалектов селькупского языка (Э.Г. Беккер, А.И. Кузьмина, Л.А. Алиткина, В.В. Быконя, И.А. Ильяшенко, Н.Г. Кузнецова). Данные труды в определенной мере раскрывают понятие и особенности функционирования отрицания в языках мира и уральских языках, а также являются теоретической

базой для анализа материала по ваховскому и васюганскому диалектам хантыйского языка, центральным и южным диалектам селькупского языка.

Степень разработанности проблемы. На сегодняшний день существуют различные научные работы, в той или иной степени направленные на создание полной картины отрицания в уральских языках. Результаты комплексного изучения отрицания в уральских языках нашли свое отражение в наиболее значимых трудах следующих ученых: Л. Хонти «Die Negation im Uralischen I, II, III» [Honti 1997], Б. Вагнер-Надь «On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages» [Wagner-Nagy 2011]. Под редакцией М. Миестамо, А. Тамм и Б. Вагнер-Надь был выпущен сборник трудов, посвященный изучению отрицания в уральских языках «Negation in Uralic Languages» [Negation in Uralic Languages 2015]. Данные исследования представляют собой комплексные описания отрицания в уральских языках с разной степенью детализации и помогают выделить и проанализировать основные стратегии отрицания в хантыйском и селькупском языках.

Отрицание в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка уже анализировалось в трудах ряда ученых: Н.Д. Ермаковой, Н.Г. Кузнецовой «Суффиксальное отрицание в селькупском языке», [Ермакова, Кузнецова 1998], А.Ю. Фильченко «Negation in Eastern Khanty» [Filchenko 2012], «Отрицание в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах» [Фильченко 2013], «Асимметричное отрицание в восточно-хантыйском и южно-селькупском» [Фильченко 2013б], «Negation in Eastern Khanty» [Filchenko 2015]; «Negation in Eastern Khanty narratives from the perspective of information flow» [Sosa 2015: 615–632], Б. Вагнер-Надь «On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages» [Wagner-Nagy 2011]. Данный вопрос обсуждался в грамматиках восточных диалектов хантыйского языка [Gulya 1966, Терешкин 1961], центральных и южных диалектов селькупского языка [Беккер и др. 1995б]. Однако данные труды не описывают в полном объеме все аспекты выражения отрицания в рассматриваемых диалектах, а отдельные диалекты селькупского языка до сих пор не имеют комплексного

описания отрицания. Наше диссертационное исследование призвано заполнить подобные лакуны и, кроме того, предложить альтернативную трактовку данных по некоторым аспектам выражения отрицания.

Научная новизна исследования. Данная диссертация является первым специальным комплексным научным анализом способов выражения отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка в сопоставительном плане. Предыдущие исследования по проблематике диссертации имеют определенные ограничения в плане репрезентативности данных, методологии, а также строились на иной, соответствующей своему времени, теоретической базе. Наша работа преследует цель, с одной стороны, дополнения уже имеющихся данных новым материалом, с другой стороны, выявления и объяснения некоторых не изученных явлений. Так, впервые проводится полное описание всех стратегий выражения отрицания в исследуемых диалектах хантыйского и селькупского языков, что стало результатом комплексного анализа архивных и собственных экспедиционных языковых данных и изучения имеющейся литературы по теории и типологии отрицания. Впервые рассматривается генезис отрицательных местоимений и наречий, анализируется использование единственного и множественного отрицания, и факторов влияющих на выбор множественного отрицания. Новизна исследования также заключается в том, что впервые проводится комплексный сопоставительный анализ способов выражения отрицания в рассматриваемых диалектах.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что данная работа вносит вклад в разработку типологии отрицания, и результаты исследования могут быть использованы для описания отрицания в других языках. Данное диссертационное исследование также вносит значимый вклад в документацию этих исчезающих языков и описание их грамматического строя. Практическая значимость исследования заключается в том, что материал диссертационного исследования может быть использован при создании словарей и грамматик по хантыйскому и селькупскому языкам, разработке учебных курсов

по теории грамматики, типологии, а также в практическом изучении хантыйского и селькупского языков.

Методы исследования. При написании работы применялась следующая совокупность методов:

- описательный метод;
- методы индукции и дедукции;
- методы полевого исследования;
- исторический метод – установление исторических закономерностей развития способов выражения отрицания в изучаемых языках;
- сопоставительный метод – системное выявление общих и особых способов выражения отрицания, имеющих место в изучаемых языках;
- типологический метод – анализ способов выражения отрицания, имеющих место в изучаемых языках, путем их сравнения с соответствующими явлениями отрицания в других языках.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) Полный перечень стратегий выражения отрицания в исследуемых диалектах хантыйского и селькупского языков включает: стандартное, императивное, бытийное отрицание, отрицание при местоимениях и наречиях, стратегию выражения отрицания при помощи отрицательных модальных глаголов, морфологическое, аналитическое, имплицитное отрицание, стратегию полуотрицания. В описываемых диалектах повсеместно встречаются элементы выражения отрицания, заимствованные из русского языка;
- 2) эволюционные этапы формирования отрицательных местоимений и наречий в исследуемых диалектах представляют собой континуум в виде цикла Есперсена;
- 3) исследуемые диалекты хантыйского и селькупского языков демонстрируют вариативность в использовании единичного и множественного отрицания: на выбор множественного отрицания влияют такие факторы, как эмфатический статус высказывания, контактное взаимодействие с русским языком и внутрисистемные изменения;

4) стратегии отрицания в исследуемых диалектах хантыйского и селькупского языков в целом схожи (в том числе: стандартное отрицание, отрицание при императиве, морфологическое отрицание и отрицание при помощи отрицательных вспомогательным модальных глаголов). В то же время примеры бытийного отрицания и отрицания при местоимениях и наречиях демонстрируют довольно сложный характер и выражаются как универсальными, так и уникальными для каждого языка и диалектного ареала способами.

Достоверность исследования. Достоверность полученных в ходе исследования результатов обеспечивается всесторонним анализом широкого круга теоретической литературы по проблематике работы, применением в работе устоявшегося и прошедшего апробацию теоретико-методологического аппарата, а также опорой на результаты имеющихся исследований в области отрицания в хантыйском и селькупском языках. Все обобщения и выводы подтверждаются эмпирическими данными – естественным языковым материалом по соответствующим диалектам.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов на научных конференциях: «Наука и образование. III Всероссийский фестиваль науки. XVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых» (Томск, ТГПУ, 22–26 апреля 2013 г.); «Международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа и алтаиста М.А. Кастрена (1813–1852)» (Абакан, ХГУ им. Катанова, 25–28 сентября 2013 г.); «XXVII Международная конференция по лингвистике, антропологии, этнографии и национальному образованию “Дульзоновские чтения”» (Томск, ТГПУ, 28–30 июня 2014 г.); «Системные изменения в языках России» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 16–18 октября 2014 г.); «V Международная конференция по самодистике» (Хельсинки, Хельсинкский университет, отделение финно-угорских исследований, 21–23 октября 2014 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из содержания, введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка сокращений и условных

обозначений, списка литературы, списка использованных архивных данных и приложений. Общий объем диссертации составляет 208 страниц. Список использованной литературы включает 149 наименований.

ГЛАВА I. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОТРИЦАНИЯ

1.1 Отрицание в лингвистике и языковые средства его выражения

Отрицание является одной из фундаментальных проблем лингвистики. Оно относится к числу функционально-семантических явлений, имеющих универсальный характер (отмечается во всех языках мира). Отрицание представляет особый интерес для лингвистов, так как может выражаться различными способами в разных языках, а число неописанных либо малоизученных языков на сегодняшний день довольно велико. В данной главе будут рассмотрены различные трактовки и языковые средства выражения отрицания.

Обсуждая данную проблему, следует отметить различные точки зрения, раскрывающие явление отрицания с разных сторон:

1) согласно А.М. Пешковскому, отрицание может быть интерпретировано как элемент значения предложения, который указывает, что связь, устанавливаемая между компонентами предложения, по мнению говорящего, реально не существует [Пешковский 2001: 386]. Более широко трактуется отрицание в словаре О.С. Ахмановой, где оно отределяется как выражение при помощи лексических, фразеологических, синтаксических и других средств языка того, что связь, устанавливаемая между элементами высказывания, реально не существует [Ахманова 1969: 303];

2) как отмечает Ш. Балли, отрицание выражает модальное понятие – это отказ от подтверждения [Балли 1955: 238];

3) А. Вежбицкая относит отрицание к числу семантических примитивов [Wierzbicka 1996: 64-67]. Тот же подход к интерпретации отрицания принят в «Большом энциклопедическом словаре», где отрицание охарактеризовано как одна из собственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых

смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы [Большой энциклопедический словарь 1998: 354].

Рассмотренные трактовки показывают, что лингвистическое отрицание является сложным для определения явлением и может обсуждаться с разных сторон.

Перейдем к рассмотрению видов и способов выражения отрицания. Отрицание может выражаться отрицательными словами, отрицательным префиксом (ср. рус. *не-полный*, нем. *un-bekannt* ‘незнакомый’, франц. *im-possible* ‘невозможный’), отрицательной формой глагола (тур. *okur* ‘он читает’, *okumaz* ‘он не читает’; англ. *I don't want* ‘Я не хочу’ – аналит. отрицат. форма), а может и не иметь отдельного выражения, т. е. быть компонентом значения слова, как в рус. *отказаться* = ‘не согласиться’, англ. *fail* ‘не преуспеть’ (внутрилексемное отрицание), или целого предложения, ср. *Много ты понимаешь, Чтобы я еще стала с ним связываться!* (подразумеваемое отрицание) [Большой энциклопедический словарь 1998: 354].

О.С. Ахманова выделяет следующие виды отрицания: 1) отрицание абсолютное (относящееся к высказыванию в целом); 2) отрицание двойное (не допускается правилами некоторых литературных языков, например английского); 3) отрицание логическое (удвоение отрицания является взаимно уничтожающим); 4) отрицание многократное (кумулятивное); 5) отрицание продолженное (отрицательный союз выступает как часть тавтологического союзного словосочетания). *He will not write poetry, nor he read it anymore* ‘Он не только не будет писать стихи, но и больше не будет их читать’ (*nor* ‘ни, тоже не’ – употр. в отриц. предложениях); 6) отрицание простое (однажды выраженное отрицание); 7) отрицание синтаксическое (выраженное просодическими средствами, например, в форме риторического вопроса); *Чтобы я пришла к вам в такой дождь?*; 8) отрицание словесное (с помощью лексических средств) [Ахманова 1969: 303].

Т. Пейн предлагает подразделять отрицание на следующие разновидности:

1) лексическое, где концепт отрицания является частью лексической семантики слова (*lack* ‘отсутствовать’);

- 2) морфологическое – отрицательные аффиксы;
- 3) аналитическое – отрицательные частицы и отрицательные финитные глаголы [Payne 1997: 282–284].

Кроме того, Т. Пейн выделяет также некоторые вторичные модификации, которые могут сопровождать отрицание:

- 1) альтернативный порядок слов; например, в языке Кру (Kru) в утвердительных конструкциях используется порядок слов SVO, в отрицательных – SOV;
- 2) изменение в тоне; например, многие нигеро-конголезские языки используют особый тон для глагола или вспомогательного слова в отрицательных предложениях;
- 3) нейтрализация аспектуально-временных различий; иногда в отрицательных конструкциях отмечается меньше аспектуально-временных различий, чем в утвердительных, например, в языке коми;
- 4) специальные флексии; несколько языков используют специальные маркеры лица/числа или времени/аспекта/наклонения для глаголов в отрицательных конструкциях;
- 5) альтернативные маркеры падежей; например, в русском, с определенными транзитивными глаголами в утвердительных конструкциях используется аккузатив (винительный падеж), в отрицательных – генитив (родительный падеж) [Payne 1997: 290–291].

Лингвистическое отрицание может быть выражено различными интонационными средствами. Как отмечает Д.Н. Шмелев, интонационные средства предложения могут смещать прямую семантику слов и словосочетаний; например, придавать утвердительному предложению отрицательное значение. Интонация, обычно при письменной передаче высказывания, закрепляется контекстом и, таким образом, выступает как объективно распознаваемый элемент структуры предложения. Например, в русском ответ на вопрос *Помог он тебе?* – *Да, помог* может быть произнесен как отрицание того, что он помог. Однако здесь все решается интонацией или контекстом. Вне контекста сама фраза *Да, помог*

будет воспринята как утверждение [Шмелев 1958: 63–64]. Различным эмоциональным смещениям может подвергаться значение видовых различий при экспрессивно-ироническом употреблении повелительного наклонения. Фразы *Рассказывай тут! Толкуй тут!* выражают недоверие, несогласие. *Спорь больше (нечего спорить)* и т. д. Здесь под ироническим поощрением скрывается оценка действия – возражение или осуждение этого действия [Шмелев 1958: 69]. В ряде случаев сочетания слов могут фразеологизироваться в своем эмоционально-экспрессивном значении, не допуская свободного лексического наполнения – *Велика важность!* [Шмелев 1958: 75].

Необходимо выделить такой вид отрицания, как полуотрицание (*semi-negation* | *Halbnegation*) – слово, которое служит для ослабления утверждения, как, например, франц. *guère, à peine* ‘едва-едва’ [Марузо 1960: 196].

Особым случаем лингвистического отрицания является металингвистическое отрицание [Payne 2003: 133]. Эффект такого отрицания, кажется, не отменяет логическую верность пропозиции, а утверждает ее. Если пропозиция *Y is X's father* ‘Y является отцом X’ верна, а *X is a female* ‘X является женщиной’, тогда пропозиция *X is Y's daughter* ‘X является дочерью Y’ должна тоже быть верной. Однако возможно предположить, что дочь знаменитого отца говорит *I'm not his daughter – He's my father* ‘Я не его дочь – Он мой отец’. Само содержание не отрицает верности утверждения о наличии родственных отношений, но отрицает форму, в которой они выражены. Также металингвистическое отрицание может быть использовано для возражения против фонетической формы произношения. Например, учитель, возражающий против фонетического варианта произношения слов ребенком (диалект кокни английского языка), может сказать: *That's not a fistle. It's a thistle* ‘Это не *fistle*, Это *thistle* (*thistle* ‘чертополох’)’ [Payne 2003: 133].

В уральских языках отрицание может выражаться с помощью: 1) абсолютных отрицательных глаголов или «ограниченных» отрицательных модальных глаголов; 2) отрицательных частиц; 3) отрицательных префиксов;

4) отрицательных суффиксов; 5) отрицательных частиц, которые изначально являются усилительными частицами; 6) суффиксов абессива [Honti 1977].

Вышеупомянутое свидетельствует о том, что лингвистическое отрицание – это комплексное и сложное явление, которое может быть выражено разными способами. Это позволяет перейти к рассмотрению частных аспектов лингвистического отрицания, которые в последующем будут применены в анализе, представленном во второй главе работы.

1.2 Сфера действия отрицания: семантические и синтаксические типы отрицательных предложений

В данном разделе рассматривается сфера действия отрицания и основные виды семантического и синтаксического отрицания.

Отрицание может иметь широкую и узкую сферу действия. В узкую сферу действия отрицания входит ограниченное число ‘членов, составляющих предложения’ (*clause constituents*). В широкую сферу действия отрицания входит все предложение [Brandtler 2006: 183]. Согласно Т. Гивону, когда пропозиция (предложение) отрицается, его логическое истинное значение меняется на противоположное – утверждается, что пропозиция ложная. Однако в естественных языках только часть отрицательной пропозиции может попадать в сферу действия отрицания, в то время как другая ее часть не отрицается, не попадает под эту сферу и называется пресуппозицией [Givon 2001: 378, 379].

В примерах ниже во втором случае главное предложение подвергается отрицанию, в то время как подчиненное предложение является пресуппозицией и не входит в сферу действия отрицания [Givon 2001: 379].

1) *She saw a man who stood in the corner*. ‘Она видела человека, который стоял в углу’. (Он стоял в углу, и она видела его).

2) *She did not see the man who stood in the corner*. ‘Она не видела человека, который стоял в углу’. (Он стоял в углу, но она не видела его).

Сфера действия отрицания может быть сильно сужена, сфокусирована на определенном элементе – сфокусированное отрицание. При сфокусированном отрицании некая составляющая выделяется контрастивным ударением [Givon 2001: 380–381].

Фокусировка на субъекте:

John didn't kill the goat. ‘Джон не убивал козла’. (Кто-то еще убил его, но не Джон.)

Фокусировка на объекте:

John didn't kill the goat. 'Джон не убивал козла'. (Он убил кого-то, но не козла.)

Фокусировка на глаголе:

John didn't kill the goat. 'Джон не убивал козла'. (Он сделал что-то с козлом, но не убивал его.)

Сфера действия отрицания тесно связана с семантическим и синтаксическим отрицанием. Данные типы отрицания не четко противопоставлены друг другу, так как в некоторых случаях они взаимосвязаны, что само по себе помогает лучше раскрыть природу семантико-синтаксического отрицания.

С семантической точки зрения в русском языке различают общее (полное) и частное (неполное) отрицание. Таким образом, согласно А.М. Пешковскому, предложения делятся на общеотрицательные и частноотрицательные [Пешковский 2001: 387–389]. Общеотрицательное предложение – это предложение с отрицательным сказуемым. Частноотрицательное предложение – это предложение с положительным сказуемым, но с отрицательной частицей при другом члене.

Е.В. Падучева, уточняя термины А.М. Пешковского, называет общеотрицательными предложения с оборотом «неверно, что», который подчиняет все предложение, а частноотрицательными, где оборот «неверно, что» подчиняет только часть предложения [Падучева 1974: 145].

Предложение может быть неоднозначным из-за неоднозначно выраженной сферы действия отрицания, т. е. допускается интерпретация с общим и с частным отрицанием, например: «*Она не хочет менять первоначальный план из-за вас*» = 1) '*Вы являетесь причиной того, что она не хочет менять план*' и 2) '*Она не хочет только из-за вас менять план*'. В устной речи двусмысленность частично устраняется интонацией [Большой энциклопедический словарь 1998: 354].

С синтаксической точки зрения в русской традиции различаются предикативное отрицание (отрицание при финитном глаголе или предикативе,

иначе говоря, фразовое или сентационное) и присловное отрицание [Падучева 2013: 292]. Термины «предикатное¹ отрицание» и «присловное отрицание» приблизительно соответствуют английским ‘sentential negation’ и ‘constituent negation’ [Падучева 2013: 293]. Обсуждая синтаксическое отрицание, мы также будем рассматривать термины ‘sentential negation’ и ‘constituent negation’ как предикативное и присловное отрицание.

Е.В. Падучева отмечает, что традиционная (русская) грамматика приравнивает класс предложений с предикатным отрицанием к семантически общеотрицательным предложениям, а класс предложений с присловным отрицанием – к семантически частноотрицательным. Однако она отмечает, что это не так: могут иметься все четыре возможности [Падучева 1974: 151].

1) Семантически общеотрицательные предложения с фразовым отрицанием:
Иван не пришел на работу.

2) Семантически общеотрицательные предложения с присловным отрицанием: *Он решил не все задачи.*

3) Семантически частноотрицательные предложения с фразовым отрицанием: *Он не спал долго.*

4) Семантически частноотрицательные предложения с присловным отрицанием: *Принимаются люди, не умеющие плавать.*

И.М. Богуславский выделяет самостоятельный семантико-синтаксический тип предложений с противопоставительным отрицанием, в которых частица *не* выступает в контексте противопоставления. В русском языке контраст должен быть выражен конструкцией «не *P*, а *Q*», как в (а). Второй компонент этой конструкции «а *Q*» может выступать в бессоюзном варианте (б) или вовсе отсутствовать (в) [Богуславский 1985: 61–62]:

а) *На шоферском месте сидел не обычного вида шофер, а черный длинноносый грач в клетчатой фуражке и в перчатках с раструбом* (М. Булгаков);

б) *Не недели, не месяцы – годы*

¹ Предикативное.

Расставались... (А. Ахматова);

в) *Нет, не тебя так пылко я люблю* (М. Лермонтов).

Итак, в сферу действия отрицания может входить как вся пропозиция, так и отдельные ее члены / составляющие. Основными видами семантического отрицания являются общеотрицательные и частноотрицательные предложения. Под синтаксическим отрицанием понимается предикативное и присловное отрицание.

1.3 Цикл Есперсена

Тесно связан с отрицанием лингвистический процесс, называемый циклом Есперсена. Впервые данный термин был предложен Остеном Далем и охарактеризован как процесс перехода от стратегии единичного маркера отрицания в предложении к стратегии с двойным маркером отрицания и затем снова к стратегии с единичным маркером отрицания (но с утратой первого – изначального маркера отрицания) [Dahl 1979: 88].

Причиной данного явления О. Есперсен считал фонетическую слабость изначального маркера отрицания и необходимость его укрепления дополнительным маркером – преобразованием в более сильный экспонент² [Jespersen 1917: 4]. О. Есперсен отмечал, что многократное отрицание становится обычным только в тех языках, где отрицательный элемент имеет сравнительно малый фонетический «вес», например: *ne* или *n-* в древнеанглийском, во французском, в славянских языках, *en* или *n-* в средневерхненемецком, *ou* в греческом языке, *s-* или *n-* в венгерском языке. Они легко притягиваются к различным словам, и малый фонетический «вес» этих начальных звуков или слабоударных слогов вызывает желание увеличить их число в предложении, чтобы они не остались незамеченными. Если в современном английском и немецком языках множественное отрицание стало встречаться реже, чем прежде (не наблюдается в литературном языке), то одна из причин, вероятно, состоит в том, что фонетически невесомые *ne* и *en* были замещены в этих языках более полными *not* и *nicht* [Есперсен 1958: 385].

Приведем пример цикла Есперсена из французского [Van der Auwera 2010: 2, 3, 5;
http://uahost.uantwerpen.be/vdauwera/vdA_DiachronyNegation_LHedit_JvdA.pdf]:

² . . . the original negative adverb is first weakened, then found insufficient and therefore strengthened, generally through some additional word, and this in turn may be felt as the negative proper and may then in the course of time be subject to the same development as the original word.

Французский:

- a) *Il ne peut venire ce soir;*
b) *Il ne peut pas venire ce soir;*
c) *Il peut pas venire ce soir.*
он NEG мочь NEG прийти этот вечер

He can't come tonight. 'Он не может прийти сегодня вечером'.

Изначально для отрицания в предложении используется стандартный маркер отрицания *ne* (a), затем для усиления отрицания добавляется лексема *pas*, изначально означающая «шаг», но впоследствии реанализируемая в маркер отрицания (b), и на третьей ступени маркер отрицания *ne* выпадает, и остается только маркер отрицания *pas* (c).

Помимо трех представленных стадий цикла можно выделить промежуточные периоды, например один из вариантов: [Van der Auwera 2010: 5; http://uahost.uantwerpen.be/vdauwera/vdA_DiachronyNegation_LHedit_JvdA.pdf]:

Французский:

Stage 1	Stage 2	Stage 3	Stage 4	Stage 5
<i>ne</i>	<i>ne</i>	<i>ne</i>		
	<i>ne... pas</i>	<i>ne... pas</i>	<i>ne... pas</i>	
		<i>pas</i>	<i>pas</i>	<i>pas</i>

На данной схеме можно увидеть, что на первой стадии используется только маркер *ne*; на второй стадии возможно два варианта: использование маркера *ne*, а также усиление его лексемой *pas* – *ne... pas*; на третьей стадии возможно три варианта использования маркеров отрицания *ne*, *ne... pas*, *pas*; на четвертой стадии самостоятельное использование маркера отрицания *ne* более не проявляется, остается только два варианта отрицания *ne*, *ne... pas*; на пятой стадии наблюдается использование только лексемы *pas* в качестве маркера отрицания. Таким образом, цикл Есперсена представляет собой континуум – плавный процесс смены маркеров отрицания.

Однако О. Есперсен был не первым, кто охарактеризовал это явление. Например, А. Мейе, в отличие от О. Есперсена, утверждал, что в его понимании

нейтральное (не слабое, как у О. Есперсена) отрицание часто усиливается в прагматических целях, делается эмфатическим [Devos, Van der Auwera 2013: 2; <http://uahost.uantwerpen.be/vdauwera/Bantu%20Jespersen%20May%202012.pdf>]:

Английский:

- a) *I did not see him.* ‘Я не видел его’;
- b) *I did not see him at all.* ‘Я вообще его не видел’;
- c) *I saw him at all.* ‘Я не видел его’.

Далее маркер *at all* семантически обесцвечивается, теряет эмфатическую функцию и становится дополнительным экспонентом к стандартному отрицанию. Затем дополнительный маркер вытесняет стандартный маркер отрицания, используясь как нейтральный маркер отрицания [Devos, Van der Auwera 2013: 2; <http://uahost.uantwerpen.be/vdauwera/Bantu%20Jespersen%20May%202012.pdf>].

Таким образом, можно выделить как минимум две гипотезы понимания цикла Есперсена: 1) фонетическая слабость отрицательного элемента – его усиление дополнительным элементом – нейтрализация / «обесцвечивание» усиливающего элемента (Weakness – Strengthening – Bleaching); 2) использование дополнительного элемента для образования эмфатического отрицания – нейтрализация / «обесцвечивание» элемента, образующего эмфазу (Emphasis – Bleaching). Оба подхода схожи, поэтому некоторые ученые нейтральны по отношению к их различию [Van der Auwera 2009].

Цикл Есперсена встречается во многих языках. Довольно хорошо он описан на примере европейских языков [Jespersen 1917; Kiparsky, Condoravdi 2006, Van der Auwera 2009]. Вероятно, его можно назвать универсальным явлением, которое может проявиться в любом языке, на определенных стадиях его развития. Так как полное прохождение данного цикла занимает большое количество времени, проследить его полное развитие представляется возможным только в тех языках, где существует достаточная диахронная глубина зафиксированных данных – языках с давней письменной традицией. В отношении бесписьменных языков с малой диахронной глубиной доступных данных проследить полное развитие цикла в полной мере невозможно. Однако можно зафиксировать определенные

стадии этого цикла, доступные как на синхронном срезе (наличие нескольких стратегий отрицания), так и, вероятно, на небольшой глубины диахронном срезе, и сравнить их с данными из родственных языков и языков, прошедших полный цикл. Некоторыми учеными цикл Есперсена (или его части) не принимается в качестве объяснительной модели наблюдаемых внутрисистемных изменений в языке. Так, в научной литературе по уральским языкам применение термина «цикл Есперсена» также не распространено.

Л. Хонти, рассматривая уральские языки, не называет данное явление циклом Есперсена, но процессом образования дополнительных маркеров отрицания из усиливающих отрицание элементов [Honti 1997: 163–166]. Л. Хонти говорит, что процессы, происходящие в уральских языках, похожи на процесс, имеющий место во французском языке – эволюция лексем *pas*, *point*, *personne*. Очевидно, что указание на подобное сходство, собственно, и является отсылкой к циклу Есперсена, но косвенным образом. Так, Хонти утверждает, что хантыйско-мансийско-венгерская протолексема *net*, *nēt*, вероятно, уже в угорский период обрела значение «нет, не», пройдя такие же изменения, как и во французском языке. Далее, в обскоугорских языках данная лексема осталась выполнять функцию отрицательных местоимений, в то время как в венгерском она трансформировалась в отрицательную частицу [Там же].

В изучаемых нами селькупском и хантыйском языках, как и во многих других уральских языках, не существует давней письменной традиции, а диахронная глубина языковых данных довольно мала. В этой связи опора на теорию и анализ языков, имеющих достаточную письменную традицию, крайне полезна для интерпретации данных языков бесписьменных.

1.4 Стандартное отрицание

Самым обычным, распространенным видом лингвистического отрицания, проявляющегося во всех языках, является стандартное отрицание.

Под термином «стандартное отрицание», согласно Дж. Пейну, понимается такой тип отрицания, который можно применять к минимальным, базовым предложениям. Такое предложение должно быть главным, состоять из одного предиката и, возможно, нескольких именных фраз и обстоятельств [Payne 1985: 198]. Стандартное отрицание может быть охарактеризовано как основной способ выражения отрицания в повествовательных главных глагольных предложениях (verbal main clauses) [Miestamo 2006: 345].

Согласно О. Далю, стандартное отрицание подразделяется на морфологическое (префиксальное, суффиксальное, циркумфиксальное, просодическое или выраженное при помощи редупликации, причем последние два типа засвидетельствованы лишь периферийно) и синтаксическое отрицание, где маркером отрицания является неспрягаемая (uninflected) частица или вспомогательный глагол, причем в обоих случаях может быть выдвинут дополнительный критерий: изменяется или нет лексический глагол морфологически. Далее, О. Даль выделяет еще один тип, где стандартное отрицание выражено изменением в порядке слов [Dahl 1979].

В соответствии с описанием Дж. Пейна можно предложить 4 типа маркеров стандартного отрицания в языках мира: морфологическое (аффиксальное) отрицание, отрицательные частицы, отрицательные глаголы (отрицательные вспомогательные глаголы, высшие отрицательные глаголы (higher negative verbs)) и отрицательные существительные [Payne 1985].

М. Драер утверждает, что стандартное отрицание может выражаться следующими способами: 1) отрицательным аффиксом; 2) отрицательной частицей; 3) отрицательным вспомогательным глаголом; 4) отрицательным словом, которое является либо глаголом, либо частицей (negative word, unclear if verb or particle); 5) вариацией между отрицательным словом и суффиксом (в таких

языках существует более одной конструкции для выражения стандартного отрицания); 6) двойным отрицанием [Dryer 2013: <http://wals.info/chapter/112>].

В качестве стандартного отрицания в большинстве уральских языков (финно-пермские, северно-самодийские языки) используются отрицательные вспомогательные глаголы, в то время как в угорских и южносамодийских используются отрицательные частицы [Honti 1997: 81, Wagner-Nagy 2011: 58–63].

Чтобы описать и классифицировать стандартное отрицание в языках мира, учеными предлагаются разнообразные типологические подходы к его рассмотрению. Для хантыйского и селькупского языков стандартным отрицанием является стратегия с использованием отрицательной частицы.

1.5 Множественное отрицание

Множественное отрицание распространено во многих языках мира. Однако большое количество языков использует отрицание единичное. Т. Пейн отмечает, что множественное отрицание является довольно обычным явлением. Оно может быть выражено аффиксом и частицей, двумя частицами или аффиксом либо частицей плюс измененный порядок слов [Payne 1997: 284].

Опираясь на исследования по типологии отрицания Т. ван дер Вудена³, Х. Зейлстра предлагает рассматривать 4 класса множественного отрицания [Zeijlstra 2004: 57, 58].

1) Двойное отрицание (double negation): два отрицания отменяют друг друга, давая в результате утверждение. Приведем пример из английского языка [Zeijlstra 2004: 58]:

Mary will not not show up. = *Mary will show up.*

‘Мери не не появится. = Мери появится’.

Эта модель соответствует логическому закону двойного отрицания – отрицание отрицания дает утверждение [Ивин, Никифоров 1997: 101].

2) Ослабляющее отрицание (weakening negation): один отрицательный элемент ослабляет отрицание другого отрицательного элемента. В результате получается нечто промежуточное между отрицанием и утверждением.

Приведем пример из английского языка [Zeijlstra 2004: 60]:

John is not unfriendly.

‘Джон не недружелюбный’.

Данное высказывание означает, что Джон не плохой парень, но также и не дружелюбный.

Данный вид отрицания соответствует утверждению О. Есперсена о том, что два отрицания погашают друг друга не совсем таким образом, чтобы результат был вполне тождествен утверждению, например: *not uncommon* – *common* ‘не необщий – общий’, сложное выражение всегда будет слабее по своему

³ Van der Wouden, T. 1994a. Negative Contexts. Diss. Rijksuniversiteit Groningen.

коммуникативному эффекту. Психологическую причину нужно искать здесь в том, что путь в два ‘взаимно уничтожающих’ отрицания ослабляет умственную энергию слушателя и предполагает известное колебание со стороны говорящего, которое отсутствует в прямолинейном *common* ‘общий’ или *known* ‘знакомый’ [Есперсен 1958: 384].

3) Отрицательное согласование (negative concord) является случаями, когда двойное или множественное отрицание в результате не дает утверждения, а выражает одно (семантическое) отрицание.

Для иллюстрации данного явления приведем пример из русского языка:

Никто не пришел.

4) Эмфатическое отрицание (emphatic negation): один отрицательный элемент усиливает другой отрицательный элемент.

Датский [Zeijlstra 2004: 67]:

Hij gaat nooit niet naar school.

Он ходит никогда не в школа

‘Он вообще никогда не ходит в школу’.

О. Есперсен выделяет три типа отрицательного согласования [Jespersen 1917: 64-77]:

1) двойное притяжение (double attraction), или кумулятивное отрицание, где помимо прилагательного отрицания (nexal negation) в предложении присутствуют другие элементы отрицания, выраженные всевозможными способами. *Wir sind niemans nichts schuldig* (нем.) ‘Мы никому ничего не должны’;

2) резюмтивное отрицание (resumptive negation) проявляется в продолжении отрицательного предложения путем добавления дополнительной информации (с использованием элементов отрицания), с очевидным результатом того, что отрицательный эффект усиливается: *He cannot sleep, neither at night nor in the daytime* (англ.) ‘Он не может спать ни ночью ни днем’;

3) паратактическое отрицание (paratactic negation), где отрицание находится в предложении, зависимом от глагола в утвердительной форме с отрицательной семантикой, например: *deny* ‘отрицать’, *forbid* ‘запрещать’, *hinder* ‘мешать’, *doubt*

сомневаться', которое представляет собой самостоятельное придаточное предложение или как будто в главном предложении употреблен соответствующий глагол с утвердительным значением, например: *It never occurred to me to doubt that your work... would not advance our common object in the highest degree* (Darwin) 'Мне никогда не случалось сомневаться, что твоя работа не продвинет нашу общую цель в высшей степени' [Jespersen 1917: 75].

Что касается уральских языков, то, как отмечает Б. Вагнер-Надь, в них часто используется двойное отрицание, не ведущее к утверждению. Отрицательные неопределенные местоимения в уральских языках свободно появляются в предложениях, уже отмеченных отрицательным маркером [Wagner-Nagy 2011: 26].

Множественное отрицание (отрицательное согласование) может развиваться из единичного и, наоборот, единичное из множественного. Полноценные примеры, демонстрирующие данное явление, имеются в языках с давней письменной традицией. В бесписьменных языках доказательства перехода от одной стратегии к другой в основном возможны при помощи анализа материала на синхронном уровне и привлечения к анализу языковых данных из родственных языков. Приведем несколько примеров, демонстрирующих переход от единичного отрицания к множественному, и наоборот, от множественного к единичному, в языках, имеющих письменную традицию.

Так, О. Есперсен утверждает, что в староанглийском, среднеанглийском и раннем современном английском языке двойное отрицание используется довольно часто: 22 *ne ondræt þu ðe æniges þinges* (ст-англ.) 'Не бойся чего-либо' [Jespersen 1917: 64, 65]. Во второй половине XVI – начале XVII в. данный вид двойного отрицания наблюдается относительно редко, а за период с начала XVII до конца XVIII в. не наблюдается вообще [Там же]. Причем О. Есперсен не может объяснить, почему данный вид отрицания практически исчез за столь короткий срок. В средневерхненемецком наблюдается тот же вид двойного отрицания, например: *nu en-kan ich niemanne gesagen*. 'Сейчас я не могу никому сказать'. Со временем в немецком, как и в английском, он исчезает из литературной речи [Jespersen 1917: 66].

Пример перехода от единичного отрицания к множественному можно наблюдать и на примере русского языка. Про двойное отрицание в древнерусском языке XI–XIV вв. велись споры. А.И. Бахарев приводит две точки зрения на данную проблему: 1) оборот с двойным отрицанием заимствован из греческого языка; 2) оборот с двойным отрицанием не был заимствован. А.И. Бахарев придерживается второй точки зрения. В доказательство этому он приводит следующие аргументы: мононегативность была присуща древним индоевропейским языкам; ее черты сохранились в сербскохорватском языке; мононегативность отмечена в памятниках древнерусской письменности, а также в северновеликорусских говорах; в древнерусском языке XI–XIV вв. мононегативность идет на убыль: *И никъто же мене видить* [Бахарев 1996: 18].

В уральских языках двойное отрицание, выражающее единое семантическое отрицание, образуется из единичного при помощи цикла Есперсена. Для усиления отрицания используется дополнительный эмфатический элемент, который впоследствии реанализируется в элемент, выражающий отрицание [Honti 1977: 163-166].

Множественное отрицание является довольно сложным явлением. Оно может выражаться разными способами, а также иметь различную семантику. Оно может развиваться из единичного, и наоборот – единичное из множественного. В различных уральских языках используется как единичное, так и множественное отрицание. Далее, под терминами «множественное» или «двойное отрицание», мы будем подразумевать отрицательное согласование.

1.6 Отрицательные местоимения и наречия

В рамках исследования лингвистического отрицания одним из разделов, представляющих особый интерес, являются отрицательные местоимения и наречия, а также их типологические классификации.

В соответствии со словарем-справочником лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой под отрицательными местоимениями понимаются местоимения, указывающие на отсутствие лица, предмета или их признака [Розенталь, Теленкова 1976: 127]. Однако, согласно наблюдениям М. Хаспельмата, довольно сложно дать четкую (общую) трактовку отрицательным неопределенным местоимениям. Так, им было предложено рассматривать неопределенные отрицательные местоимения как неопределенные местоимения, важной функцией которых является прямое отрицание [Haspelmath 1997: 199]. Согласно другой трактовке, предложенной М. Хаспельматом, под неопределенными отрицательными местоимениями понимаются именные (*nominal*) или наречные выражения, которые напрямую переводятся как *никто*, *ничто*, *нигде*, *никогда* и т. д., независимо от того, согласуются ли они с предикативным отрицанием [Haspelmath 2013]. Наречие (в русской традиции) – это часть речи, обозначающая непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака – качества либо свойства. Также выделяется класс отрицательных наречий, например: *нигде*, *никуда*, *никогда* и т. д. [Наречие: <http://rusgram.narod.ru/1645-1668.html#1645>]. Такие наречия имеют значение отрицания.

На основе выборки из 40 языков П. Карел⁴ предлагает подразделять то, как в языках происходит отрицание неопределенных местоимений, относящихся к персоне или вещи (*никто*, *ничто*), на 5 типов [Kahrel 1996; цит. по: Miestamo 2007: 563–564]:

1) стандартное отрицание, используемое с обычным (утвердительным) неопределенным местоимением;

⁴ Kahrel, Peter. 1996. Aspects of negation. Amsterdam, The Netherlands: University of Amsterdam dissertation.

2) стандартное отрицание, используемое со специальным (отличным от обычного утвердительного) неопределенным местоимением;

3) использование специального отрицательного неопределенного местоимения без стандартного отрицания;

4) использование специального отрицательного неопределенного местоимения, сопровождаемого стандартным отрицанием;

5) отсутствие в языке неопределенных местоимений, а эквивалентная функция выражена с помощью бытийной конструкции.

В соответствии с трактовкой М. Хаспельмата отрицательные местоимения также могут быть образованы следующими двумя способами [Haspelmath 1997: 203–210]:

1) Как результат цикла Есперсена; например, французское слово *personne* ‘никто, кто-либо’, его предпочтительный контекст – чисто отрицательный, как в (a), но его использование как слова отрицательной полярности также имеет место (b):

a) *Je n'ai vu personne* ‘Я никого не видел’;

b) *Elle chante mieux que personne* ‘Она поет лучше, чем кто-либо’.

Французское слово *personne* становится единственным экспонентом отрицания; например, в эллиптических ответах *personne* появляется без маркера отрицания *ne*:

c) *J'ai vu personne* ‘Я кого-то видел’;

d) *Qui as-tu vu?* ‘Кого ты видел?’;

**Ne personne/Personne.* ‘Никого’.

2) Отрицательное поглощение «negative absorption» – это гипотеза, согласно которой маркер отрицания предложения может «поглощаться» неопределенным местоимением в случае предшествования обоих элементов глаголу и, как результат действия, появление отрицательного местоимения.

Багдадский арабский [Haspelmath 1997: 206]:

a) *Saalim ma šaf ʔæ-waḥid hnak.*

Салим NEG видел INDEF-один там

‘Salim didn’t see anyone there’. (Салим никого не видел);

b) *ma-ḥad kisər il šibbač.*

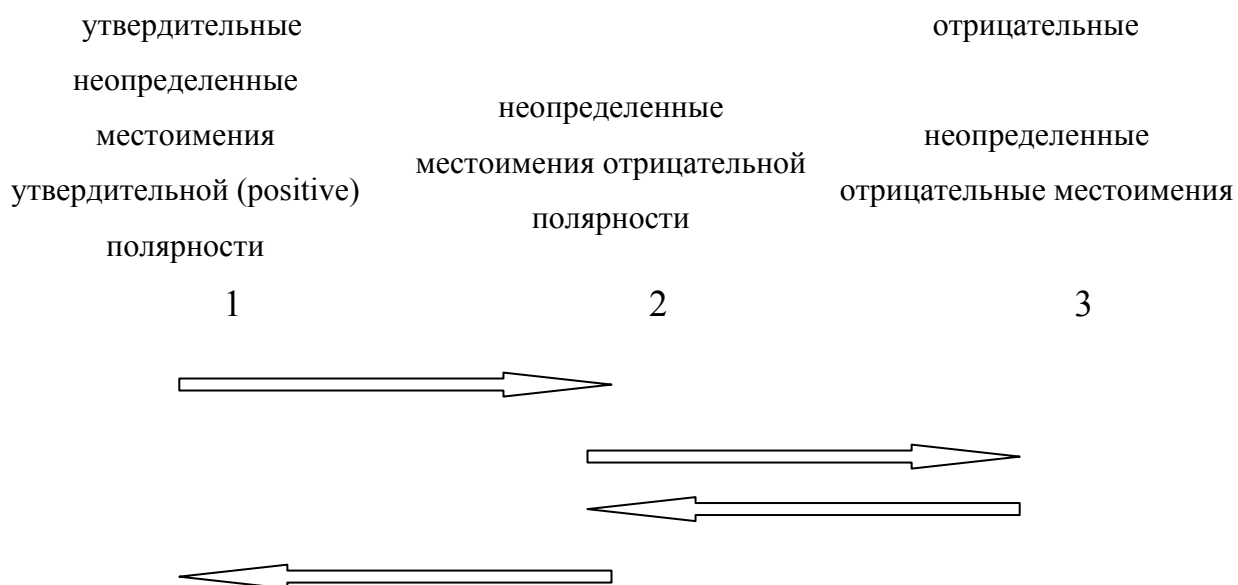
NEG-один сломал опр.артикуль окно

‘No-one broke the window’. (Никто не разбивал окна).

Рассматривая развитие неопределенных местоимений в диахронической перспективе, можно выделить как минимум 3 типа неопределенных местоимений:

1) неопределенные местоимения утвердительной (positive) полярности, или обычные неопределенные местоимения; 2) неопределенные местоимения отрицательной полярности; 3) неопределенные отрицательные местоимения [Van der Auwera, Van Alsenoy 2011].

Таблица № 1. Возможные диахронические изменения неопределенных местоимений

В соответствии с этим можно выделить как минимум 4 типа диахронических изменений неопределенных местоимений на основе их полярности; например, в типе А местоимение утвердительной полярности (1)

переходит в местоимение отрицательной полярности (2) и начинает использоваться в отрицательном контексте; в типе D, наоборот, местоимение отрицательной полярности переходит в местоимение утвердительной полярности и т. д. Возможны следующие переходы:

- A) 1→2;
- B) 2→3;
- C) 3→2;
- D) 2→1.

Так как при анализе местоимений и наречий в практической части главы мы будем говорить о местоимениях и наречиях отрицательной полярности, необходимо рассмотреть, что подразумевается под данным термином, и какие виды полярности существуют.

Полярность относится к грамматическим значениям, связанным с различием утвердительных и отрицательных предложений [Polarity: <http://languagetools.info/grammarpedia/polarity.htm>]. Принято различать два вида полярности – отрицательную (negative polarity) и утвердительную (positive polarity) [Polarity: <http://dictionary.reverso.net/english-definition/polarity%20protection>]: под утвердительной полярностью понимается грамматическая характеристика слова или фразы, которая обычно может быть использована в семантически или синтаксически утвердительном контексте; под отрицательной полярностью понимается грамматическая характеристика слова или фразы, которая обычно может быть использована в семантически или синтаксически отрицательном контексте.

Единицы отрицательной полярности (negative polarity items – NPI) могут быть охарактеризованы как выражения, которые способны появляться внутри сферы действия отрицания (или семантически схожего оператора) [Horn 1989: 49]. Единицы отрицательной полярности не являются отрицательными единицами. В качестве примеров можно привести английскую лексему *ever* ‘когда-либо’ или греческую лексему *tipota* ‘что-либо’ [Giannakidou 2011: 1661]:

Английский:

a) **Bill has ever read «War and Peace»* (не правильно).

‘Бил читал «Войну и Мир»’;

b) *Bill hasn't ever read «War and Peace»* (правильно).

‘Бил не читал «Войну и Мир»’.

Греческий:

a) *Dhen idhe tipota o Janis* (правильно).

не видел что-либо опр.артикл Джон

‘Джон ничего не видел’;

b) **Idhe tipota o Janis* (не правильно).

‘Джон видел что-то’.

Отрицательная полярность является разновидностью отрицательного согласования. Однако вместо отрицательного согласования, когда в фокусе отрицания появляются другие отрицательные элементы, отрицательная полярность использует другие, неотрицательные элементы, которые иногда могут принимать «отрицательное значение по ассоциации» и появляться без выраженного отрицания (overt negative) [Lawler 2007: <http://www-personal.umich.edu/~jlawler/CELS-Negation.pdf>].

Также необходимо выделить единицы утвердительной полярности, которые не появляются в контексте отрицательной полярности (они появляются только в контексте утвердительной полярности) [Lawler 2007: <http://www-personal.umich.edu/~jlawler/CELS-Negation.pdf>]. Такой единицей является, например, английская лексема *already* ‘уже’ [Giannakidou 2011: 1665]:

Английский:

a) *John is here already* (правильно).

‘Джон уже здесь’;

b) **John isn't here already* (не правильно).

‘Джон уже не здесь’.

Рассматривая отрицательные местоимения в финно-угорских языках, К.Е. Майтинская отмечает, что они могут образовываться следующими

способами: в составе отрицательного местоименного слова часто используется отрицательная частица; например (венгерский, марийский и др.): венг. *valaki* 'кто-то', *senki* 'никто', (*ki* 'кто', *se* – отрицательная частица); мар. *ikmo* 'что-либо', *njimo* 'ничто' (*mo* 'что', *nji* – отрицательная частица); в некоторых финно-угорских языках отрицание местоимений выражается отрицательным строем предложения: в мордовских языках местоимение *kijak* 'кто-либо' обозначает 'никто', если в предложении имеется специальное отрицательное слово; в финском языке одно и то же местоименное слово может выступать как в неопределенном, так и в отрицательном значении (во втором случае глагол должен иметь отрицательную форму): *Siellä ei liiku mikään* 'Там ничего не шевелится' (*mikään* 'что-либо', *ei* – отрицательный вспомогательный глагол) [Майтинская 1969: 263, 264].

Л. Ван Алсеной и Дж. Ван дер Аувера провели отдельное типологическое исследование, направленное на выявления видов неопределенных местоимений и наречий, появляющихся в отрицательных предложениях в уральских языках [Van Alsenoy, Van der Auwera 2015: 519–546].

Они выделяют четыре типа неопределенных местоимений (и наречий), которые встречаются при отрицании:

1) Отрицательные неопределенные местоимения (морфологически отрицательные) образуются при помощи отрицательной инкорпорации (венгерский, северо-хантыйский, мансийский, ливонский, эстонский) или при помощи заимствованного из русского языка отрицательного элемента (карельский, вепский, скольтский, саамский, марийский, коми, удмуртский, селькупский). Данная группа является самой распространенной, в том числе благодаря влиянию русского языка.

2) Отрицательные неопределенные местоимения (морфологически неотрицательные) образуются в результате диахронных изменений: обычные (не отрицательные) неопределенные местоимения → неопределенные местоимения отрицательной полярности → отрицательные неопределенные местоимения. Происходят процессы, как во французском языке (цикл Есперсена). Поясняется, что такие местоимения образуются при помощи неотрицательной эмфатической

морфологии (энецкий – лесной и тундровый, ненецкий, нганасанский, селькупский, удмуртский, водский, восточнохантыйский).

3) Неопределенные местоимения отрицательной полярности образуются при помощи вопросительного местоимения и суффикса, используемого в качестве скалярного маркера фокуса, такого как английский *even* ‘даже’, или просто используют вопросительные местоимения при отрицании (финский, водский). Появляются в ограниченном специальном контексте.

4) Нейтральные неопределенные местоимения могут использоваться как в утверждении, так и в отрицании. Отрицание происходит при помощи отрицательного предиката (эстонский, ливонский, эрзянский, восточнохантыйский, камасинский) [Там же].

Согласно выводам Л. Ван Алсеной и Дж. Ван дер Аувера [Van Alsenoy, Van der Auwera 2015: 519–546], отрицание неопределенных местоимений и наречий в уральских языках всегда сопровождается предикативным отрицанием, а первые два типа используются в отрицательном согласовании. Они рассмотрели различные точки зрения на природу обсуждаемых местоимений, вследствие чего одни и те же явления могут быть отнесены к разным типам [Там же].

Согласно нашей точке зрения, неопределенные местоимения и наречия отрицательной полярности, в соответствии с теорией, появляются только в контексте отрицания и не обязательно должны появляться в вопросительных контекстах. Отсюда второй рассмотренный тип можно отнести к местоимениям и наречиям отрицательной полярности. Так, усиливающие частицы грамматикализуются и составляют неотъемлемую часть данных местоимений и наречий, не употребляющихся самостоятельно, но только с предикативным отрицанием. И само разграничение первых двух типов (как и третьего, по предложенной типологии) является довольно проблематичным, так как в языке могут одновременно существовать несколько стратегий, причем часто ведутся дискуссии (из-за неочевидности природы явления), к какому типу можно отнести определенное местоимение и наречие.

Существуют различные трактовки, классификации, а также способы образования отрицательных местоимений и наречий. Разные взгляды на их природу и развитие делают возможным применение отличных друг от друга подходов при их описании и анализе. В нашем исследовании, применительно к исследуемым диалектам селькупского и хантыйского языков, мы будем называть второй тип местоимений и наречий, по Л. Ван Алсеною и Дж. Ван дер Аувере, местоимениями и наречиями отрицательной полярности, отмечая, однако, что они употребляются только в контексте отрицания и не используются самостоятельно. В данном описании мы не будем рассматривать появление данных местоимений и наречий в предложении вместе с предикативным отрицанием как отрицательное согласование.

1.7 Прохибитив

В данном разделе анализируются основные точки зрения на прохибитив – его возможные определения, эволюция и типологическое представление.

В анализе лингвистического отрицания большую роль играет отрицание повелительного наклонения – прохибитив. Под прохибитивом (лат. *prohibitio* ‘запрет’) понимается обозначение отрицаемого повелительного наклонения, прагматическое значение которого заключается в выражении запрета. В некоторых языках прохибитив является самостоятельной морфологической категорией, например в лезгинском или макуши [Fries: <http://www2.hu-berlin.de/linguistik/institut/syntax/onlinelexikon/P/prohibitiv.htm>]. Как отмечает В.Ю. Гусев, прохибитив является наиболее распространенным семантическим подтипом императива [Гусев 2013: 59].

Типичными императивами являются императивные конструкции второго лица. В языках могут иметься императивы для первых и третьих лиц, но они могут называться по-другому, например: хортатив (*hortative*) или юссив (*jussive*) [Van der Auwera, Devos 2012: 6; <http://uahost.uantwerpen.be/vdauwera/Irrealis%20in%20positive%20imperatives%20and%20in%20prohibitives%20rev1.pdf>].

Способы выражения прохибитива в языках очень разнообразны: прохибитив может состоять из особой отрицательной частицы и обычной императивной формы (как в венгерском), из обычной отрицательной частицы и иной (не императивной) формы глагола (как в итальянском); иметь особый кумулятивный показатель (как в лезгинском) или использовать любое сочетание этих способов [Гусев 2013: 60].

На основе анализа 495 языков Дж. Ван дер Аувера, Л. Лежон и В. Гусев предлагают рассматривать прохибитив (принимая во внимание только прохибитивы 2-го л. ед. ч.), разделяя его на четыре типа [Van der Auwera et al. 2013]:

1) для выражения прохибитива используется глагольная конструкция 2-го л. ед. ч. императива и такая же стратегия отрицания, как для повествовательного предложения (в изъявительном наклонении);

2) для выражения прохибитива используется глагольная конструкция 2-го л. ед. ч. императива, и стратегия отрицания отличается от отрицания повествовательного предложения (в изъявительном наклонении);

3) для выражения прохибитива используется глагольная конструкция, отличающаяся от 2-го л. ед. ч. императива, и такая же стратегия отрицания, как для повествовательного предложения (в изъявительном наклонении);

4) для выражения прохибитива используется глагольная конструкция, отличающаяся от 2-го л. ед. ч. императива, и стратегия отрицания отличается от отрицания повествовательного предложения (в изъявительном наклонении).

Используя данную типологию, Б. Вагнер-Надь распределяет все уральские языки по соответствующим типам. В некоторых языках возможно использование двух стратегий. В своей работе Б. Вагнер-Надь не ограничивается только прохибитивами 2-го л. ед. ч. и анализирует полную парадигму императива в данных языках (1, 2, 3-го л., ед., дв., мн. ч., где это приемлемо) [Wagner-Nagy 2011: 139–169].

К первому типу относится только нганасанский язык. Ко второму типу принадлежат эстонский, финский, ливонский, карельский, вепсский, водский, ижорский, саамский, марийский, эрзя, хантыйский, мансийский, венгерский, энецкий, селькупский и камасинский языки. Данный тип является наиболее распространенным в уральской языковой семье. К третьему типу – коми и хантыйский языки. К четвертому типу – саамский, удмуртский, коми и ненецкий языки [Там же].

Далее рассмотрим возможную эволюцию маркеров прохибитива. Итак, маркеры прохибитива могут быть образованы следующими четырьмя способами [Van der Auwera 2010: 7–12; <http://uahost.uantwerpen.be/vdauwera/ProhJaszczoltTurner%20revised.pdf>]:

1) Маркеры прохибитива могут быть образованы из предикативных конструкций в результате грамматикализации таких лексических единиц, как лексемы, обозначающие прекращение (не обязательно глагол) *stop* ‘остановиться, стоп’, например: *Stop singing* ‘Прекрати петь’; лексемы, обозначающие предотвращение начинания какого-либо действия *don't start* ‘не начинай’, например: *Don't start singing* ‘Не начинай петь’; лексемы, обозначающие табу, воздержание, запрещение и т. д., например:

- a) *Singing is not necessary* ‘Пение не обязательно’;
- b) *Singing is not possible* ‘Пение не возможно’;
- c) *Singing is forbidden* ‘Пение запрещено’;
- d) *Singing is taboo* ‘Пение – это табу’;
- e) *Singing is wrong* ‘Пение – это неправильно’.

2) Маркеры прохибитива могут появляться в результате цикла Есперсена.

3) Маркеры прохибитива могут грамматикализироваться из маркеров императива и отрицания.

4) Маркеры прохибитива могут быть заимствованы.

Так как многие маркеры отрицания (не только маркеры прохибитива) могут быть образованы в результате процесса грамматикализации, необходимо рассмотреть это понятие. Под термином «грамматикализация» понимается процесс, при котором из лексических морфем или комбинаций лексических морфем с другими лексическими или грамматическими морфемами постепенно образуются новые грамматические морфемы [Bybee et al. 1994: 4]. Теория грамматикализации охватывает большинство грамматических изменений, возможно, все, в зависимости от того, считать ли такие процессы как реанализ и изменение по аналогии частью грамматикализации [Croft 2000: 62].

Мы рассмотрели различные подходы к анализу прохибитива – его возможные определения, эволюцию и типологическое представление. Наиболее типичным способом выражение прохибитива в уральских языках является использование глагольной конструкции императива, при которой стратегия отрицания отличается от отрицания повествовательного предложения (в

изъявительном наклонении). В селькупском и хантыйском языках применяется данная стратегия. Также в хантыйском для выражения прохибитива используется глагольная конструкция, отличающаяся от императива и применяющая такую же стратегию отрицания, как для повествовательного предложения (в изъявительном наклонении).

1.8 Бытийное отрицание

В данном разделе рассматриваются подходы к пониманию бытийных (экзистенциальных, локативных и посессивных) конструкций, а также представлен возможный цикл эволюции бытийных конструкций в языках мира.

Экзистенциальные (бытийные) конструкции – это конструкции, предикцирующие существование некой сущности, обычно в некотором заданном месте [Payne 1997: 112].

Основным, типовым значением экзистенциальных конструкций является указание на существование в мире вообще или наличие объекта речи в определенный момент времени и в определенном месте [Теория функциональной грамматики 1996: 80].

Экзистенциальные конструкции обычно исполняют репрезентативную функцию. Отсюда следует, что именной элемент составного именного сказуемого почти всегда неопределенен. *There is a book on the table* ‘Есть (какая-то) книга на столе’ [Payne 1997: 123]. Другими словами, тема в таких конструкциях является неопределенной. Экзистенциальные конструкции обычно нуждаются в локативном обстоятельстве (adjunct). *There is a cat under the bed* ‘Есть кот под кроватью’. Однако они могут использоваться и без такого обстоятельства. *There is a God* ‘Есть Бог’ [Payne 1997: 123].

Конструкции с именным сказуемым, к которым относятся и экзистенциальные конструкции, часто используют копулу. Копулой является любая морфема (аффикс, частица или глагол), которая связывает два элемента в предикативной именной конструкции [Payne 1997: 114]. Во многих языках копула появляется только в прошедшем времени или в семантически выделенных предикативных именных предложениях [Payne 1997: 115]. Глагол-копулу, такой как рус. *быть*, англ. *be* ‘быть’, часто называют «семантически пустым» грамматическим глаголом. Глаголы-копулы часто функционируют как вспомогательные глаголы [Payne 1997: 117].

В связи с обсуждением экзистенциальных конструкций необходимо рассмотреть локативные и некоторые виды посессивных конструкций, так как эти конструкции демонстрируют определенную структурную схожесть [Wagner-Nagy 2011: 171], и также, как и экзистенциальные конструкции, как отмечалось выше, могут использовать копулу как предикативную связку в предложении.

1) Локативные конструкции прежде всего предикцируют местоположение: *The book is on the table*. 'Есть книга на столе' [Payne 1997: 112].

2) Посессивные конструкции предикцируют обладание: *The table has a book on it* 'На столе имеется книга'; *The book is John's*. '(Это есть) книга Джона' [Payne 1997: 112].

Порядок слов в посессивных предложениях может соответствовать порядку слов в экзистенциальных. Выделяется 2 типа посессивных предложений: в первом для выражения обладания используется глагол со значением «иметь» – в этом случае наблюдается существенное различие между бытийными и посессивными предложениями; во втором используется копула, при этом наблюдается сходство между экзистенциальными и посессивными предложениями, так как обладатель выступает в роли некой локации [Wagner-Nagy 2011: 171–173].

Экзистенциальные и локативные конструкции во многом похожи, однако во многих языках между ними обнаруживаются одно существенное различие. В экзистенциальных конструкциях данным, известным является место (Локатив), а сообщаемым – его предмет (Тема). В локативных предложениях, наоборот, исходным пунктом сообщения служит известный говорящему предмет, а сообщаемым – местопребывание этого предмета: *В зоопарке есть слон* и *Этот слон находится в зоопарке* [Борщев и др. 2007: 2, 3; http://people.umass.edu/partee/docs/Handout_Borschev-Partee_IPIRAN.pdf]. Другими словами, если Тема является определенной, то это предложение локативное.

Согласно М.Д. Воейковой, бытийные высказывания отличаются преимущественно конечной позицией имени субъекта, а локативные – конечной позицией пространственного локализатора, который при этом составляет рему

сообщения. Указанное различие, однако, не во всех случаях предполагает жесткую грань между высказываниями с доминирующей бытийной и локативной семантикой [Теория функциональной грамматики 1996: 56].

Е.В. Падучева, рассматривая посессивные конструкции, использующие глагол *быть*, отмечает, что они могут составлять подкласс экзистенциальных [Падучева 2007: 2, 3; http://rusgram.ru/sites/default/files/liter/bezl/paducheva_bivgen.pdf].

В типологическом плане экзистенциальные конструкции интересны тем, что в них часто используются специальные стратегии отрицания, например глагол со значением «отсутствовать, не хватать»: *Нет книги на столе* [Payne 1997: 125].

У. Крофт отмечает, что типологически можно выделить три группы экзистенциальных конструкций на основе использования в них отрицания [Croft 1991: 13].

Рисунок № 1. Три типа бытийного отрицания

A: NEG VERB NEG EX	B: NEG VERB NEG . EX [≠ NEG]	C: NEG VERB NEG . EX [= NEG]
--	--	---

Группа А включает в себя языки, в которых отсутствует самостоятельное бытийное отрицание. В подобных конструкциях отрицание утвердительного бытийного предиката происходит при помощи маркера отрицания, который используется для отрицания глагольных предикатов. Группа В включает языки, в которых для отрицания бытийных конструкций используется специальный отрицательный предикат. В таких языках утвердительные и отрицательные бытийные конструкции не демонстрируют черты симметрии. Этот тип бытийного отрицания используется большинством языков. Группа С включает в себя языки, в которых бытийное отрицание совпадает с маркером, используемым для отрицания глагольных предикатов [Croft 1991: 6–12].

У. Крофт представляет диахронную классификацию отрицания, где группа А переходит в группу В, группа В – в группу С, а группа С – в группу А ($A > B$, $B > C$, $C > A$), представляя собой исторический цикл эволюции отрицания. Процесс перехода $A > B$ – появление специальной отрицательной бытийной формы, это в основном процесс фонологической фузии. Процесс перехода $B > C$ является довольно необычным, представляя собой процесс использования эмфазы. Сначала отрицательный бытийный предикат начинает использоваться как эмфатический маркер отрицания, а затем происходит его ослабление до обычного маркера отрицания. Процесс перехода $C > A$ связан с процессом аналогии – маркер отрицания начинает использоваться с утвердительными бытийными предикатами по аналогии его использования с обычными глаголами. Группы А и В встречаются гораздо чаще, чем С. Группы А и В относительно устойчивы, С – относительно не устойчива, так как в основном трансформируется в А, и поэтому является типологически нераспространенной [Croft 1991: 13–23].

Применяя данную типологию, Б. Вагнер-Надь распределяет все обско-угорские и самодийские языки на три типа: 1) в маторском, камасинском и нганасанском используется специальный отрицательный бытийный глагол, имеющий полную парадигму – группа В; 2) энецкий и ненецкий принадлежат к группе $A \sim B$ – в этих языках имеется отрицательный бытийный глагол, однако его использование ограничено. Обско-угорские языки также принадлежат к этому типу; 3) селькупский язык принадлежит группе $B \sim C$, так как отрицательный бытийный предикат проникает в сферу стандартного отрицания [Wagner-Nagy 2011: 171–210].

Также можно рассмотреть и другие предикативные конструкции, в которых может использоваться копула. Такими конструкциями являются предикативные адъективные конструкции (predicate adjectives), конструкции с собственным включением (proper inclusion) и эквативные конструкции (equative). Эти конструкции на основании сходства часто рассматривают вместе с экзистенциональными, посессивными и локативными, объединяя их в предикативные именные конструкции (predicate nominals) [Payne 1997: 111].

Во всех предикативных именных конструкциях для связки подлежащего с именным сказуемым (nominal predicate) в настоящем времени используется копула либо наблюдается ее значимое отсутствие. Отдельно отметим, что в составных именных сказуемых значимое отсутствие копулы возможно только в настоящем времени. Под предикативными адъективными конструкциями понимаются конструкции, в которых главное семантическое значение выражено прилагательным. Если в языке отсутствует прилагательное как часть речи, то не будет отчетливой предикативной адъективной конструкции: *John is tall* ‘Джон высокий’. В конструкциях с собственным включением конкретное лицо является частью того, что выражено в именном составном сказуемом *He is a teacher* ‘Он учитель’. Он является частью класса, названного учителем. Подлежащее *he* (он) специфическое (specific), именное сказуемое *teacher* – неспецифическое (non-specific). Под эквативными понимаются конструкции, в которых подлежащее идентично именному сказуемому: *He is my father* ‘Он мой отец’ [Payne 1997: 111, 112, 114].

В рамках данной работы мы считаем приемлемым применить подход, при котором экзистенциональные, посессивные и локативные конструкции относятся к одному типу, который называется бытийными конструкциями, использующими единую стратегию с применением копулы для утверждения и специального отрицательного бытийного предиката для отрицания. Экзистенциональные и локативные конструкции с глаголами *стоять*, *находиться* и посессивные конструкции с глаголами *иметь*, *обладать* рассматриваться не будут, так как они используют стандартную стратегию отрицания.

1.9 Наклонение, модальность и отрицание

Перед рассмотрением связи отрицания, модальности и наклонения необходимо представить и обозначить взаимосвязь модальности и наклонения.

Границы сферы модальности проводятся исследователями по-разному. Под модальностью понимается понятийная категория, которая характеризует: а) отношение говорящего к содержанию высказывания, или б) статус обозначенной в нем ситуации по отношению к реальному миру, или в) иллокутивную силу – коммуникативную цель говорящего [Падучева 2014: http://rusgram.ru/Модальность#m1_1].

Как отмечает В.А. Плунгян, модальность кодирует отношение говорящего к ситуации (или оценку) и статус ситуации по отношению к реальному миру (или ирреальность) [Плунгян 2011: 317]. Наклонением, в свою очередь, называется словоизменительная грамматическая категория глагола, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания и/или отношение ситуации к реальному миру (ее реальность, ирреальность, желательность), т. е. различные модальные значения. Наклонение является грамматическим средством выражения модальных значений. Те же значения могут выражаться и лексически (например с помощью модальных глаголов): ср. выражение ирреального значения с помощью сослагательного наклонения «*Подарков хватило бы на всех*» или с помощью модального глагола мочь «*Подарков могло хватить на всех*» [Добрушина 2012: <http://rusgram.ru/Наклонение>].

Понятия модальности и наклонения семантически не противопоставлены: наклонением считается любая грамматическая категория, граммы которой выражают модальные значения (в качестве базовых). Таким образом, наклонение – это просто «грамматизированная модальность» [Плунгян 2011: 318].

Дж. Байби отмечает, что отрицание не является наклонением и типом речевого акта, так как утверждение, вопрос или команда также могут быть как утвердительными, так и отрицательными. Отрицание не может влиять на степень уверенности говорящего в сообщаемой информации, так как отрицательные

предложения могут быть утверждены сильно или слабо, с сомнением и т. д. В случае, когда в сфере действия отрицания находится вся пропозиция, отрицание может быть похожим на наклонение. Главное различие между концептуальной категорией отрицания и другими наклонениями – это то, что сфера действия отрицания варьируется и иногда может иметь всего лишь одну лексическую единицу в сфере своего действия. Отрицание, в отличие от наклонения, может выражаться деривационными морфемами и лексическими сочетаниями с предикатами [Bybee 1985: 176].

Обсуждая тему модальности и отрицания, необходимо рассмотреть утверждение Ш. Балли, который отмечает, что отрицание выражает модальное понятие – отказ от подтверждения: «*Le soleil ne tourne pas autour de la terre*». ‘Солнце не вращается вокруг земли’ означает: ‘Я отрицаю (отрицают), не верно, что солнце вращается вокруг земли’ [Балли 1955: 238].

Т. Гивон называет отрицание одной из четырех эпистемических модальностей, демонстрирующих различную степень утверждения [Givon 2001: 301]. По его мнению, четыре эпистемические модальности составляют [Givon 2001: 301, 302]:

- 1) пресуппозиция (обязательная правда) – принимается как сама собой разумеющаяся правда (очевидная правда, не требующая доказательств);
- 2) реальное утверждение (фактическая правда) – принимается как сильное утверждение; у говорящего есть обоснование;
- 3) нереальное утверждение (возможная правда) – принимается как слабое утверждение (колебания со стороны говорящего);
- 4) отрицательное утверждение (не правда) – принимается как отрицание; у говорящего есть обоснование.

Е.В. Падучева утверждает, однако, что отрицание является модальным понятием только в тех случаях, где оно действительно представляет собой отказ от подтверждения. В остальных случаях отрицание – это обычный оператор, который строит пропозицию, способную быть сферой действия для большинства других операторов. Обычное отрицание не имеет никаких признаков

субъективной модальности, что подтверждается беспрепятственной синтаксической подчинимостью отрицательных предложений [Padučeva 1990: 318]. Е.В. Падучева отмечает, что к числу модальных значений можно относить только экспрессивное отрицание, которое входит в сферу субъективной модальности, как в предложении *Охота была мне туда идти = не было охоты*, и, как отмечалось выше, реального отказа от подтверждения. Отрицание – это оператор, который соединяется с языковыми единицами самого разного значения (в том числе с модальностями), образуя естественные семантические сочетания. Например, отрицание возможности – это невозможность, отрицание разрешения – это запрет [Падучева 2014: <http://rusgram.ru/Модальность#12>]. Кратко отметим, что субъективная модальность может быть охарактеризована как отношение говорящего к сообщаемому. Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции [Большой энциклопедический словарь 1998: 303, 304].

В уральских языках связь отрицания и модальности проявляется в наличии специальных отрицательных вспомогательных модальных глаголов [Haidu 1997].

В последующем обсуждении мы исходим из позиции, что наклонение и модальность тесно связаны друг с другом, и наклонение является грамматическим средством выражения модальных значений, однако отрицание не является наклонением или же модальностью. Оно выражает модальные значения в тех случаях, в которых представляет собой отказ от подтверждения.

1.10 Симметрия и асимметрия при использовании отрицания

В данной части работы лингвистическое отрицание рассматривается с позиции симметрии и асимметрии.

При симметричном отрицании в отрицательных конструкциях не наблюдается каких-либо структурных различий при сравнении с соответствующими утвердительными конструкциями, за исключением присутствия отрицательного маркера/маркеров. При асимметричном отрицании в отрицательных конструкциях наблюдаются дополнительные структурные различия при сравнении с их утвердительными эквивалентами [Miestamo 2005: 51, 52].

М. Миестамо, рассматривая стандартное отрицание, на основе анализа отрицания в 297 языках отмечает, что различия при симметрии/асимметрии можно рассматривать 1) с точки зрения конструкции, 2) с точки зрения парадигмы [Miestamo 2006: 350]. Рассмотрим несколько подобных примеров симметрии/асимметрии⁵.

1) Шведский (Индоевропейский: германский) [Miestamo 2006: 350]:

a. *Fred* *fyll-er* 60 *år*.

Фред наполнить-PRES 60 год.PL

‘Fred is turning 60’. (Фреду исполняется 60);

b. *Fred* *fyll-er* *inte* 59 *år*.

Фред наполнить-PRES NEG 59 год.PL

‘Fred is not turning 59’. (Фреду не исполняется 59).

2) Финский (Уральский: финский) [Miestamo 2006: 350]:

a. *Fred* *täyttä-ä* 60 *vuot-ta*.

Фред наполнить-PRES.3SG 60 год-PART

‘Fred is turning 60’. (Фреду исполняется 60’);

⁵ Используются следующие сокращения: 3 – 3 л., CNG – коннегатив, FUT – будущее, IRR – ирреалис, NEG – отрицание, NPST – не прошедшее, PART – партитив, PL – множественное, PRES – настоящее, RMPST – удаленное прошлое, SG – единственное, TDPST – сегодняшнее прошедшее, YDPST – вчерашнее прошедшее.

- b. *Fred ei täytä 59 vuotta.*
 Фред NEG.3SG наполнить.CNG 59 год-PART
 ‘Fred is not turning 59’. (Фреду не исполняется 59).

3) Шведский (Индоевропейский: германский) [Miestamo 2006: 350]:

a. <i>sjunga</i> ‘петь	AFFIRMATIVE	NEGATIVE
PRESENT	Fred sjunger	Fred sjunger inte
PAST	Fred sjöng	Fred sjöng inte
PERFECT	Fred har sjungit	Fred har inte sjungit
PLUSPERFECT	Fred hade sjungit	Fred hade inte sjungit

(PRESENT – настоящее; PAST – прошедшее; PERFECT – перфектное (совершенное); PLUSPERFECT – давно прошедшее).

4) Маунг (Австралийский: йиватьянский; Capell & Hinch 1970: 67); (Maung (Australian: Iwaidjan; Capell & Hinch 1970: 67)) [Miestamo 2006: 351]:

a. <i>ŋi-udba</i>	b. <i>ni-udba-ji</i>
1SG.3-put	1SG.3-put-IRR.NPST
1SG.3-положить	1SG.3-положить-IRR.NPST
‘I put’. (Я положу);	‘I can put’. (Я могу положить);
c. <i>marig ni-udba-ji</i>	
NEG 1SG.3-put-IRR.NPST	
NEG 1SG.3-положить-IRR.NPST	
‘I do/shall not put’. (Я не положу).	

В примере 1 наблюдается симметрия утвердительной и отрицательной конструкций – простое добавление маркера отрицания, в свою очередь, в примере 2 асимметрия: при отрицании маркер лица появляется на маркере отрицания вместо глагола, который появляется в нефинитной коннегативной (connegative) форме. В примере 3 наблюдается парадигматическая симметрия, а в примере 4 асимметрия: в утвердительных конструкциях можно наблюдать использование реалиса/ирреалиса – а/в, в отрицательных конструкциях используется только ирреалис.

М. Миестамо отмечает, что отрицательные конструкции, проявляющие симметрию, менее сложны, чем асимметричные конструкции [Miestamo 2006: 350–354]. Разбирая природу симметрии/асимметрии при утверждении и отрицании, М. Миестамо выделяет некоторые особенности, которые помогают лучше понять феномен асимметрии при отрицании: в отрицательных конструкциях проявляется меньше необходимости выделять темпоральные и аспектуальные стороны события и выделять участников акта; отрицание более стативно, чем утверждение; отрицание, противопоставляясь утверждению, принадлежит к разряду нереализованного; отрицательные конструкции менее транзитивны, чем их утвердительные эквиваленты [Miestamo 2000: 69, 70]. Стратегии отрицания, используемые в императивах, бытийных конструкциях и неглагольных предложениях, часто отличаются от стратегии стандартного отрицания (т. е. наблюдается ассиметрия со стандартным отрицанием) [Miestamo 2007: 552].

Согласно итогам обсуждения различия при симметрии и асимметрии можно рассматривать как с точки зрения конструкции, так и с точки зрения парадигмы. Отрицательные конструкции, проявляющие симметрию, менее сложны, чем конструкции, проявляющие асимметрию. В практической части работы стратегии отрицания, появляющиеся в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектов селькупского языка, будут рассмотрены с этих позиций.

ВЫВОДЫ

1) Нами были представлены основные трактовки понимания лингвистического отрицания и его видов. Согласно первой трактовке отрицание может быть охарактеризовано как элемент значения предложения, который указывает, что связь, устанавливаемая между компонентами предложения, по мнению говорящего, реально не существует, согласно второй трактовке отрицание представляет собой модальное понятие – отказ от подтверждения, согласно третьей трактовке отрицание является семантическим примитивом. Отрицание можно подразделить на лексическое, при котором концепт отрицания является частью лексической семантики слова, морфологическое и аналитическое. Отрицание может быть выражено различными интонационными средствами, может сопровождаться некоторыми вторичными модификациями в предложении, такими как альтернативный порядок слов, изменение в тоне, нейтрализация аспектуально-временных различий, специальные флексии, альтернативные маркеры падежей. Отдельно необходимо выделить такие виды отрицания, как полуотрицание, которое служит для ослабления утверждения, и металингвистическое отрицание, которое не отменяет логическую верность пропозиции, а утверждает ее.

2) Было рассмотрено понятие сферы действия отрицания, в соответствии с которым отрицанию может быть подвергнуто как все предложение, так и его определенные части. В нашей работе мы будем выделять семантические и синтаксические типы отрицательных предложений. С семантической точки зрения мы будем различать общеотрицательные и частноотрицательные предложения, с синтаксической точки зрения – фразовое и присловное отрицание.

3) Цикл Есперсена представляет собой диахронический процесс развития способов выражения отрицания в языках мира. Данный процесс характеризуется усилением стандартного отрицания эмфатическим маркером, который впоследствии может принять на себя функцию отрицания и превратиться в отрицательный элемент. На примере селькупского и хантыйского языков можно

проследить только часть данного цикла, опираясь на синхронические данные и анализ языков, имеющих достаточную письменную традицию.

4) В рамках исследования под термином «стандартное отрицание» понимается такой тип отрицания, который можно применять к минимальным, базовым предложениям. Такое предложение должно являться главным, состоять из одного предиката и, возможно, нескольких именных фраз и обстоятельств. Для хантыйского и селькупского языков стандартное отрицание осуществляется при помощи отрицательной частицы.

5) Множественное отрицание может быть выражено аффиксом и частицей, двумя частицами или аффиксом либо частицей плюс измененный порядок слов. Можно выделить как минимум 4 класса множественного отрицания: 1) двойное отрицание – два отрицания отменяют друг друга, давая в результате утверждение; 2) ослабляющее отрицание – один отрицательный элемент ослабляет отрицание другого отрицательного элемента, в результате получается нечто промежуточное между отрицанием и утверждением; 3) отрицательное согласование – двойное или множественное отрицание в результате не дает утверждения, а выражает одно семантическое отрицание; 4) эмфатическое отрицание – один отрицательный элемент усиливает другой отрицательный элемент. В уральских языках часто используется множественное отрицание. Оно образуется в результате диахронических изменений в языке, называемых циклом Есперсена.

6) Существуют различные трактовки, классификации, а также способы образования отрицательных местоимений и наречий, что делает возможным применение отличных друг от друга подходов при их описании и анализе. В нашем исследовании мы будем называть местоимения и наречия, которые появляются в отрицательных предложениях вместе с усиливающим отрицание элементом и не используются самостоятельно без усиливающего элемента при отрицании в эллиптических конструкциях, местоимениями и наречиями отрицательной полярности. Под отрицательными местоимениями и наречиями мы будем понимать местоимения и наречия, чьей важной функцией является прямое отрицание.

7) Под прохибитивом понимается обозначение отрицаемого повелительного наклонения, чье прагматическое значение заключается в выражении запрета. Наиболее типичным способом выражение прохибитива в уральских языках является использование глагольной конструкции императива, при которой стратегия отрицания отличается от отрицания повествовательного предложения (в изъявительном наклонении).

8) Существуют следующие типы бытийных конструкций с использованием в них утвердительного и отрицательного бытийных предикатов: экзистенциальные, локативные и посессивные.

9) Наклонение и модальность тесно связаны друг с другом, так как наклонение является грамматическим средством выражения модальных значений. Отрицание не является наклонением. Отрицание также не является модальностью, однако выражает модальные значения в тех случаях, где представляет собой отказ от подтверждения. В уральских языках связь отрицания и модальности проявляется в наличии специальных отрицательных вспомогательных модальных глаголов.

10) Различия при отрицании с позиции симметрии и асимметрии можно рассматривать как с точки зрения конструкции, так и с точки зрения парадигмы. Отрицательные конструкции, проявляющие симметрию, менее сложны, чем конструкции, проявляющие асимметрию.

ГЛАВА II. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В ВАХОВСКОМ И ВАСЮГАНСКОМ ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА, ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

2.1 Стандартное отрицание в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка

Переходя к обсуждению различных видов отрицания в рассматриваемых восточных диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка, нам необходимо рассмотреть особенности и этимологию стандартного отрицания в изучаемых диалектах хантыйского и селькупского языков.

Стандартное отрицание осуществляется предшествованием стандартной отрицательной частицы отрицаемому элементу в предложении (кроме глагола в императиве). Для рассматриваемых диалектов хантыйского языка частицей стандартного отрицания является *anta* либо ее редуцированная форма *ant*.

Маркер стандартного отрицания *anta*, скорее всего, имеет протоугорскую или более раннюю этимологию как реликт некоего протоугорского глагола **ant-*, когнаты которого сохраняются в некоторых мансийских и хантыйских диалектах [Honti 1997: 81, Фильченко 2013: 85]. Обсуждая этимологию уральских отрицательных частиц, К.Е. Майтинская отмечает, что в неспрягаемом виде (за исключением микропарадигм императива в двух говорах хантыйского языка) в обско-угорских языках сохранился уральский отрицательный вспомогательный глагол, в то время как в венгерском от него не осталось ни следа. К этому глаголу возводятся лишь корневые элементы некоторых частиц: манс. *ä-*, *oa-*, *oat*, *oati*, *a-*, *at*, *ati*, хант. *anta*; некоторыми учеными этимологическая общность этих частиц с уральским отрицательным глаголом допускается лишь под вопросом [Майтинская 2010: 128, 129]. В «Уральском этимологическом словаре» происхождение данной частицы возводится к уральскому отрицательному глаголу *e ~ ä* [Redei 1988: 68].

Мы предполагаем, что ранее полноценная лексическая единица, отрицательный глагол, подверглась семантическому «обесцвечиванию», обобщению значения, в то время как его функциональная сфера расширяется – в данном случае до современного использования в качестве частноотрицательного маркера при любом элементе предложения. В результате этих изменений данная лексическая единица приобретает грамматическое значение, формируя синтаксическое/семантическое единство с тем элементом предложения, в препозиции к которому она находится. Хантыйский маркер стандартного отрицания *əntə*, *ant*, *an* отождествляется с основой отрицательного предиката *endam/endem* ‘отсутствовать’, который в свою очередь, предположительно, восходит к причастию прошедшего времени от глагольной основы *ant-* [Castren 1858: 65, 66; Соловар, Черемисина 1994: 35, 39; Фильченко 2013: 70]. В восточных диалектах стандартная отрицательная частица имеет форму *əntə*, менее часто *ənt*, в западных диалектах *ant* или *an/at* [Wagner-Nagy 2011: 75].

Как уже отмечалось, стандартная частица отрицания может предшествовать любым базовым отрицаемым элементам:

001 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 100; стр. 13) ⁶.

qoltəŋ ətʃkəy jə-wəl.

завтра холод становится-PRS.3SG

‘Завтра похолодает’.

002 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 102; стр. 14).

qoltəŋ əntə ətʃkəy jə-wəl.

завтра NEG холод становится-PRS.3SG

‘Завтра не похолодает’.

003 Вост.Хант.Вас. № 35. Мальчик [CHCC 2 1967: 136].

äjku əntə kojwəl məntä.

мальчик NEG хотеть-PRS.3SG идти-INF

‘Мальчик не хочет идти’.

⁶ Здесь и далее будут употребляться условные сокращения, расшифровка которых представлена в разделе «АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ». Например, KhNeg - здесь и далее обозначает условное сокращение опросника по отрицанию.

В отличие от северных самодийских языков, в которых стандартное отрицание осуществляется при помощи спрягаемых форм отрицательного вспомогательного глагола, в селькупском языке стандартное отрицание происходит при помощи частицы *aśa* [Терещенко 1973: 82, Alatalo 2004: 38]. Согласно В. В. Быконя, данная частица имеет следующие диалектные алломорфы [Беккер и др. 1995б: 237]: тымский диалект *a:*⁷, *aha*, *aŋa*, *aza*; среднеобские говоры *a:*, *aha*; кетский диалект и верхнеобские говоры – *assi*, *asa*. В соответствии с результатами проведенного нами исследования можно выделить следующие диалектные алломорфы: (центральные диалекты) тымский и нарымский диалекты *a:*, *a*, отдельно (встречается редко) для нарымского *ja*; васюганский диалект *aha*, *aŋa*; (южные диалекты) среднеобской и кетский *assi*, *asi*, *assa*, *asa*, *azi*, *aza*, *az*, *as*, отдельно (встречается редко) для кетского *a:*; сондровские говоры *ass*, *asa*, *az*, *jas*, *jes*, *jäs*, *jaz*. В северных диалектах данная частица имеет форму *ašša*, *aš*⁸ [Кузнецова и др. 1980: 306].

Рассмотрим происхождение данной отрицательной частицы в селькупском языке. Согласно Г.Н. Прокофьеву, Е.Д. Прокофьевой и Н.М. Терещенко [Прокофьев 1935: 95, Языки народов СССР III 1966: 410, Терещенко 1973: 82], данная частица восходит к некоему рудиментарному глаголу. В «Уральском этимологическом словаре» происхождение данной частицы возводится к уральскому отрицательному глаголу *e ~ ä* [Redei 1988: 68]. Согласно существующей альтернативной точке зрения, данная частица может являться заимствованным из эвенского языка отрицательным элементом [Katz 1970: 149, 150].

Стандартная частица отрицания в селькупском языке может предшествовать любым базовым отрицаемым элементам (кроме глагола в императиве):

⁷ *a:* – стяженная форма частицы.

⁸ *aš* – стяженная форма частицы.

004 Центр.Сельк.Нарым. Я в свою деревню приехал (С 65; стр. 102).

amba-m maşim koşt-a.

мать-POSS.1SG 1SG.ACC узнать-3SG.sub

‘Мать меня узнала’.

005 Центр.Сельк.Нарым. Я в свою деревню приехал (С 65; стр. 101).

tab maşim a: koşt-a.

3SG 1SG.ACC NEG узнать-3SG.sub

‘Он меня не узнал’.

006 Центр.Сельк.Нарым. Сказка про Черного царя (С 13; стр. 265).

mi: ja tan-u-y-ut, qu: qwan-ma-nd.

1PL NEN ум-VBLz-PST-1PL куда уехать-PSTN-2SG.sub

‘Мы не знали, куды ты уехал’.

007 Центр.Сельк.Вас. Сказка про богатыря (С 61; стр. 222, 223).

man nie-m tjecca aya kwil-l-a, tan

1SG.GEN дочь-POSS.1SG 2SG.LAT NEG пойти-FUT-3SG.sub 2SG
ära-m-and.

старик-VBLz-2SG.sub

‘Моя дочь к тебе не пойдет, ты старый’.

008 Юж.Сельк.Ср-об. (Т 9; стр. 334).

wasska, i:-l aza tän-u-a su:ru-lj-gu.

Васька сын-POSS.1SG NEG ум-VBLz-3SG.sub зверь-VBLz-INF

‘Васька, сын твой не умеет охотиться’.

009 Юж.Сельк.Кет. (Т 20; стр. 152).

man assə qwän-dz-aŋ matiö-nda.

1SG NEG пойти-FUT-1SG.sub лес-LAT1

‘Я не пойду в лес’.

010 Юж.Сельк.Сондр.гов. (Т 25; стр. 12).

man ass me:ri-m-nendz-aw.

1SG NEG цена-VBLz-FUT-1SG.ob

‘Я не продам’.

В сондровских говорах отрицательная частица, представленная алломорфами *jas, jes, jäs, jaz*, является довольно распространенной, однако встречается гораздо реже, чем *ass, asa, az*. Нами обнаружено до 50 примеров использования данных алломорфов. Объяснение такой дистрибуции данных отрицательных частиц может быть связано с фонологическими изменениями формы отрицательной частицы в некоторых говорах. Аналогию таким изменениям можно наблюдать, например, в сондровских говорах, где бытийный глагол представлен алломорфом *je:-* ‘быть’, в то время как в остальных центральных и южных диалектах *e:-* ‘быть’. Возможно, аналогичные фонологические изменения затронули и отрицательную частицу *ass, asa, az*, которая демонстрирует фонологическую схожесть во всех рассмотренных южных диалектах, и результатом таких изменений стало появление алломорфов отрицательной частицы *jas, jes, jäs, jaz*.

011 Юж.Сельк.Сондр.гов. (Т 24; стр. 81).

man vünzop-qındo jass közi-z-an.

1SG костер-ABL1 NEG сходить-PST-1SG.sub

‘Я не отходил от костра’.

В сондровских говорах также было зарегистрировано несколько случаев использования двух разных форм частицы отрицания в одном предложении:

012 Юж.Сельк.Сондр.гов. (Т 24; стр. 231).

qud ass u:di-n, jass au-r-n-in.

кто NEG работать-3SG.sub NEG съесть-CHAR-PRS-3SG.sub

‘Кто не работает, тот не ест’.

Также в сондровских говорах отмечается использование следующей формы отрицательной частицы *aş* – 1 раз, *jaş* – 2 раза (что указывает на сходство с формами, использующимися в северных диалектах селькупского языка *aşsa, aş*).

013 Юж.Сельк.Сондр.гов. (Т 23; стр. 82).

oqqir tunan tʃa:gi-pp-a, a au tunan
один рукав высохнуть-DUR-3SG.sub а другой рукав
aʃ tʃa:gi-pp-a.

NEG высохнуть-DUR-3SG.sub

‘Один рукав высох, а другой нет’.

014 Юж.Сельк.Сондр.гов. (Т 24; стр. 321).

kiütdə jaʃ tʃa:zə-dz-an.
конь NEG идти-DES-3SG.sub

‘Конь (никак) не идет’.

В кетском диалекте, как отмечается в архивных данных, при отрицательном ответе часто употребляется отрицательная частица, имеющая форму *a:*, вместо *assa*. Также были зарегистрированы примеры использования отрицательной частицы *a:* при стандартном глагольном отрицании:

015 Юж.Сельк.Кет. (Т 16; стр. 89).

ä:, ä: su:ru-l-dʲi qu-oŋ.
NEG NEG охотиться-VBLz-PRS.PTCP человек-PRD.1SG
‘(Ты разве не охотник?) Нет, не охотник’.

016 Юж.Сельк.Кет. (Т 16; стр. 87).

man wes pin a: qondʲi-z-aŋ.
1SG весь ночь NEG спать-PST-3SG.sub
‘Я всю ночь не спал’.

В кетском диалекте были зарегистрированы редкие (по одному случаю) формы отрицательной частицы в виде *tʲäk* и *tassi*, например:

017 Юж.Сельк.Кет. (Т 20; стр. 136).

man ündädi-s-aw, sto täp tāk tu-ndzʲi-an.
1SG слышать-PST-1SG.ob что 3SG NEG прийти-FUT-3SG.sub
‘Я слышал, что он не придет’.

018 Юж.Сельк.Кет. (Т 20; стр. 68).

sai-la tassi kondzir-it.

глаз-PL NEG видеть-3PL

‘Глаза ничего не видят’.

В среднеобском диалекте было зарегистрировано два примера использования отрицательной частицы *azak*:

019 Юж.Сельк.Ср-об. Жили-были старик со старухой (Т 11; стр. 23).

qu mat ča:dzak on-ek azak tanə-w-ap.

куда 1SG идти-1SG.sub REFL-NOM.1SG NEG ум-VBLz-1SG.sub

‘Куда я иду, сама не знаю’.

В некоторых центральных и южных диалектах селькупского языка есть группа примеров с отрицательной частицей, являющейся застывшей формой отрицательного бытийного глагола *čaŋgu-* ‘отсутствовать’ в 3-м л. ед. ч. *čaŋgwa* ‘NEG’, используемой также в редуцированной форме *ča* (также в тазовском (северном) диалекте *čä/čä:ŋka*) (не является стандартным отрицанием) [Беккер и др. 1995б: 239]. Э.Г. Беккер отмечает, что данная частица может функционировать в следующих контекстах: 1) усиливает отрицание, заключенное в отрицательных формах высказывания (пример 020), однако, судя по примерам, данный элемент служит для отрицания всего высказывания в целом; 2) используется в качестве отрицания при инфинитиве (пример 021); 3) передает значение, эквивалентное русскому ‘нет’ (примеры 022, 023) (последнее будет рассматриваться подробнее в разделе о бытийном отрицании (2.3)).

020 Центр.Сельк.Нарым. [Беккер и др. 1995б: 239].

č'a, a: koč'e-k.

нет NEG много-ADVz

‘(Ты не много в мясо перца положил?) – Нет, не много’.

021 Юж.Сельк.Ср-об. [Беккер и др. 1995б: 239] (см. пример 106).

štob menğa t'aŋwa kant'e-č'i-ku.

чтобы 1SG.LAT NEG замерзнуть-INTNS.PFV-INF

‘(Я эту рубаху еще 5 лет носить буду), чтобы мне не замерзнуть’.

022 Центр.Сельк.Нарым. [Беккер и др. 1995б: 239].

kai-nai č'angwa am-gu.

что-NPI нет съесть-INF

‘...нечего есть (ничего нет кушать)’.

023 Юж.Сельк.Ср-об. [Беккер и др. 1995б: 239].

t'aŋwa ze!

нет же

‘Нет же!’

2.1.1 Сопоставительный анализ стандартного отрицания в анализируемых диалектах

Выше нами было рассмотрено стандартное отрицание в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка и центральных и южных диалектах селькупского языка. Результаты сопоставительного анализа примеров в двух языках представлены в таблице № 2. Для наглядности привлечены данные из других диалектов хантыйского и селькупского языков.

Таблица № 2. Отрицание при индикативе

Стандартные отрицательные частицы						
Хантыйский язык		Селькупский язык				
Восточные диалекты	Западные/ южные диалекты	Центральные диалекты	Центральные диалекты	Южные диалекты	Южные диалекты	Северные диалекты
<i>əntə</i> , менее часто <i>ənt</i>	<i>ant</i> или <i>an/at</i>	тымский и нарымский диалекты – <i>a:</i> , <i>a</i>	васюганский диалект – <i>aha</i> , <i>aya</i>	среднеобской и кетский диалекты – <i>assi</i> , <i>asi</i> , <i>assa</i> , <i>asa</i> , <i>azi</i> , <i>aza</i> , <i>az</i> , <i>as</i> , отдельно для кетского <i>a:</i>	сондровские говоры – <i>ass</i> , <i>asa</i> , <i>az</i> , <i>jas</i> , <i>jes</i> , <i>jäs</i> , <i>jaz</i>	<i>aŋŋa</i> , <i>aŋ</i>
Симметрия утвердительных и отрицательных конструкций						

В восточных диалектах в целом и в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка в частности используется стандартная частица отрицания *əntə*, в западных диалектах *ant* или *an/at*. В селькупском языке используется стандартная частица отрицания *aśa*, представленная в виде алломорфов в центральных диалектах: 1) тымский и нарымский диалекты *a:*, *a*; 2) васюганский диалект *aha*, *aŷa*; в южных диалектах: 1) среднеобской и кетский *assi*, *asi*, *assa*, *asa*, *azi*, *aza*, *az*, *as*, отдельно кетский *a:*; 2) сондровские говоры *ass*, *asa*, *az*, *jas*, *jes*, *jäs*, *jaz*; в северных диалектах: *aśsa*, *aś*. В некоторых центральных и южных диалектах селькупского языка отмечается редкое использование застывшей формы отрицательного бытийного глагола *čaŋgu-* ‘отсутствовать’ в 3-м л. ед. ч. в качестве отрицательной частицы.

Этимология хантыйских и селькупских отрицательных частиц восходит к уральскому отрицательному глаголу *e ~ ä*. В качестве альтернативной точки зрения упоминается возможность заимствования некоего отрицательного элемента из эвенского языка, давшего основу для данной селькупской отрицательной частицы.

Все представленные типы стандартного отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, южных и центральных диалектах селькупского языка демонстрируют полную симметрию с их утвердительными эквивалентами, так как в отрицательных конструкциях не наблюдается каких-либо структурных различий при сравнении с соответствующими утвердительными конструкциями, за исключением присутствия маркера отрицания.

Стандартное отрицание в хантыйском и селькупском языках в целом осуществляется в рамках одной стратегии.

2.2 Прохибитив в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка

В данном разделе рассматривается выражение прохибитива в анализируемых языках. Прохибитивы относятся к общей теме выражения отрицания.

В северных, восточных и южных (ныне исчезнувших) диалектах хантыйского языка для образования прохибитива используются следующие отрицательные частицы, предшествующие глагольному предикату в императивной форме: в некоторых северных (низямский, шеркальский) и южных диалектах (демьянкинский, цингальский, кондинский, красноярский) используется частица *at*; в восточных и остальных северных диалектах (казымский, березовский, обдорский) используется частица *äl* или *at* [Wagner-Nagy 2011: 150]. В «Уральском этимологическом словаре» происхождение данных частиц возводится к уральскому отрицательному глаголу *e ~ ä* [Redei 1988: 68].

024 Вост.Хант.Вас. [Фильченко 2010: 433].

pin-ka *äl* *jal-l-itay.*

охапка-TRNSL NEG.IMP стоять-IMP.2PL

‘Не стойте толпой!’

025 Северн.Ханты. Шеркальский диалект [Schmidt 2008: 48].

tām-en *at* *mij-e.*

это-POSS.2SG NEG.IMP дать-IMP.2SG.ob

‘Не давай это!’

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка императив, как и прохибитив, может выражать разные оттенки приказа, просьбы, совета и волеизъявления. Глагольная основа в данных диалектах принимает специальные суффиксы императива лица/числа для 2-го л. и 3-го л. В парадигме восточнохантыйского императива также присутствует 1-е л. В таблице № 3 представлены суффиксы императива 2-го л. ед., дв., мн. ч. – субъектное и

объектное спряжение (ввиду статуса языка на грани исчезновения может наблюдаться синкретизм).

Таблица № 3. Вост.Хант.Вах., суффиксы императива [Терешкин 1961: 90].

Число	Безобъектные формы	Объектные формы		
		ед.	дв.	мн.
Ед.	-ä, -a	-и, -ы	-иүлä, -ыүла	-илä, -ыла
Дв.	-итäң, -ытән	-итäң, -ытән	-иүлäң, -ыүлән	-илäң, -ылән
Мн.	-итäү, -ытәү	итä, -ытә	-иүлäң, -ыүлән	-илäң, -ылән

026 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 009; стр. 29).

nüŋ, wə-j-ä matäli.

2SG взять-EP-IMP.2SG что-то

‘Ты возьми что-нибудь’.

027 Вост.Хант.Вах. [Терешкин 1961: 91].

noŋ äl pälm-ä, täläy jor-nə noŋ-ä

2SG NEG.IMP бояться-IMP.2SG зима середина-LOC 2SG-ILL

qoji-prə äntä jo-wäl.

кто-NPI NEG приходить-PRS.3SG

‘Ты не бойся, среди зимы к тебе никто не придет’.

028 Вост.Хант.Вах. [Терешкин 1961: 91].

səyi put-i-m äl tuy-i.

глина котел-EP-1SG.POSS NEG.IMP носить-IMP.2SG/SG

‘Мой котел с глиной не уноси’.

029 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 007; стр. 29).

äl nürüyt-itäy.

NEG.IMP бежать-IMP.2PL

‘Вы не бегите’.

Для сравнения приведем примеры на использование императива и прохибитива в северных диалектах хантыйского языка.

030 Северн.Хант.Среднеобской диалект [Животиков 1942: 88].

Van'a, shkola-ja untijti-ta man-a.

Ваня, школа-LAT учиться-INF идти-IMP.2SG

‘Ваня, в школу учиться иди!’

031 Северн.Хант.Среднеобской диалект [Животиков 1942: 89].

atim jingk at jan's'-a.

плохой вода NEG.IMP пить-IMP.2SG.sub

‘Плохую воду не пей!’

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка для 3-го л. ед. ч. зафиксировано использование специального суффикса императива *-ät* (*-äti*).

032 Вост.Хант.Вас. (KhText: Баба-Яга).

pusti mä tfi wər-ám, mä wər-ám,

пусть 1SG этот.INVIS.PROX кровь-1SG.POSS 1SG кровь-1SG.POSS

je-γ-äti kōjki-γ, pīlni.

становиться-EP-IMP.3SG комар-TRNSL мошка

‘Пусть эта моя кровь, моя кровь, станет комарами, мошкой’.

033 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 003; стр. 57).

qoji-pə äl wə-j-äti qul.

кто-NPI NEG.IMP взять-EP-IMP.3SG рыба

‘Пусть никто не берет рыбу’.

Как отмечает Б. Вагнер-Надь, в восточных и южных диалектах хантыйского языка суффикс императива для третьих лиц *-jät* в настоящее время утрачен либо используется достаточно редко [Wagner-Nagy 2011: 150]. Однако, согласно данным, полученным нами в экспедиционных исследованиях, информанты васюганского диалекта хантыйского языка без особых затруднений производят примеры на императив для третьих лиц.

Для сравнения приведем некоторые примеры использования императива и прохибитива для третьих лиц в северных диалектах хантыйского языка.

Выражение императива форм не второго лица в некоторых диалектах может выражаться аналитически. Например, для этих целей может использоваться специальная частица императива *at/ät* и суффиксы индикатива на глаголе (выражая адхоратив):

034 Северн.Хант.Обдорский диалект [Nikolaeva 1995: 130; цит. по: Wagner-Nagy 2011: 150].

luw at mǎn-l.

он(а) IMP идти-PRS.3SG

‘Пусть он(а) идет’.

Отрицание подобных форм происходит с помощью добавления стандартной отрицательной частицы *ǎnt*, предшествующей маркеру *at*.

035 Северн.Хант.Обдорский диалект [Nikolaeva 1995: 182; цит. по: Wagner-Nagy 2011: 151].

ǎnt [at want-l].

NEG IMP видеть-PRS.3SG

‘Пусть он(а) не увидит’.

В казымском диалекте для отрицания форм 3-го л. используется отрицательная частица *at* и суффиксы индикатива на глагольном предикате.

036 Северн.Хант.Казымский диалект [Соловар, Черемисина 1994: 43].

näwrəm-en at nawar-l.

ребёнок-POSS.2SG NEG.IMP прыгать-PRS.3SG

‘Пусть ребёнок-твой не прыгает’.

В сферу императива в васюганском диалекте хантыйского языка также включены формы императива и прохибитива 1-го ч.

037 Вост.Хант.Вас. [Filchenko 2015: 165].

(pust') mǎ nom 'saŋ 'wəl-ima!

пусть 1SG умный быть-IMP.1SG

‘Пусть я буду умным!’

038 Вост.Хант.Вас. [Filchenko 2015: 165].

(*pust'*) *mä* *äl* '*qintf-ima!*

пусть 1SG NEG.IMP заболеть-IMP.1SG

‘Пусть я не заболею!’

039 Вост.Хант.Вас. [Filchenko 2015: 165].

(*pust'*) *min* *nom'saŋ* '*wäl-iməna!*

пусть 1DU умный быть-IMP.1DU

‘Пусть мы будем умными!’

040 Вост.Хант.Вас. [Filchenko 2015: 165].

(*pust'*) *min* *äl* '*qintf-iməna!*

пусть 1DU NEG.IMP заболеть-IMP.1DU

‘Пусть мы не заболеем!’

В отношении прохибитива в селькупском языке в первую очередь необходимо отметить, что парадигматическим значением императива (как и прохибитива) в центральных и южных диалектах выступает волеизъявление говорящего и/или внутренняя модальность долженствования: южноселькупский (центральные и южные диалекты) императив совмещает в себе функции императива и дебитива, представленного в северных, но отсутствующего в южных (центральных и южных) диалектах [Кузнецова 1995: 79]. Как утверждает Н.Г. Кузнецова, такое значение наблюдается на фоне неразвитости средств передачи соответствующего значения внутренней модальности – долженствования. Это частично компенсируется за счет заимствования русской лексики *nado, nadə* ‘надо’. Также в сферу употребления императива входят побудительные, повествовательные и вопросительные предложения, передающие соответствующие значения модальной сферы (обязательность, необходимость, долженствование) [Кузнецова 1995: 79–80]. В парадигме южноселькупского (центральные и южные диалекты) императива отсутствует 1-е л. Что касается 2-го и 3-го л., на основе имеющихся данных можно отметить тенденцию к сокращению числа членов парадигмы: выходят из употребления периферийные формы 3-го л., растет количество синкретичных словоформ (индикатив-

императив, субъектное-объектное спряжение во 2-м (3-м) л. дв., мн. ч.) [Кузнецова 1995: 82, 83].

Г.Н. Прокофьев отмечает, что селькупская частица *əkə* появляется при формах повелительного наклонения настоящего и будущего времен (судя по представленным примерам для выражения императива и оптатива) [Прокофьев 1937: 117]. В.В. Быконя выделяет частицу *iki* в центральных и южных диалектах селькупского языка. Основное значение данной частицы заключается в отрицании форм повелительного и сослагательного наклонений [Беккер и др. 1995б: 238]. В северных диалектах селькупского языка частица *iki* используется только с формами императива и оптатива [Кузнецова и др. 1980: 307]. По результатам проведенного нами исследования, в центральных и южных диалектах селькупского языка частица *iki* служит для отрицания глагола в императиве или оптативе. Г.Н. Прокофьев утверждает, что данная частица восходит к рудиментарному глаголу, однако не отмечает к какому [Прокофьев 1937: 117]. В «Уральском этимологическом словаре» происхождение данной частицы возводится к уральскому отрицательному глаголу *e ~ ä* [Redei 1988: 68].

В центральных и южных диалектах селькупского языка В.В. Быконя выделяет следующие алломорфы частицы отрицания императива *iki*: тымский диалект *əkə*, *öge*, *ige*; среднеобские говоры *öge*, *əgə*, *aga*; кетский и другие верхнеобские говоры *ikkī*, *iki*, *ik*, *iye* [Беккер и др. 1995б: 237]. Данные В.В. Быконя совпадают с полученными нами результатами⁹: центральные диалекты *əkə*, *ik*, *iʔi*, *ige*; южные диалекты *ikkī*, *iki*, *ik*, *iye*, *äk*. В северных диалектах, как уже отмечалось, используется частица *iki* [Кузнецова и др. 1980: 307].

Приведем примеры использования императива и прохибитива для 2-х л. центральных, южных и северных диалектов селькупского языка.

⁹ Существует множество различных алломорфов, зафиксированных в текстах, часто меняющихся от информанта к информанту. Нами выделены наиболее типичные.

041 Центр.Сельк.Вас. № 20 [Сборник аннот. текстов 3 2013: 196].

man lari-mb-ak, tan m'ekka igi
1SG испугаться-DUR-1SG.sub 2SG 1SG.LAT NEG.IMP
t'ö-jeş!

прийти-IMP.2SG.sub

‘Я тебя боюсь, ты ко мне не ходи!’

042 Центр.Сельк.Вас. Хозяйка огня. (С 61; стр. 143).

tü:-m igi fedi-ad!
огонь-ACC NEG.IMP плевать-IMP.2PL

‘В огонь не плюйте!’

043 Центр.Сельк.Нарым. № 39. Сказка [CHCC 4 1981: 123].

nu, rāja, əgə č'u:ri-k.
ну старуха NEG.IMP плакать-IMP.2SG.sub

‘Ну, старуха, не плачь’.

044 Юж.Сельк.Ср-об. Оппонела (С 58; стр. 423).

mizut tab-la-n ək ka:di-kke-t!
1PL.ACC 3SG-PL-LAT2 NEG.IMP рассказать-HAB- IMP.2SG.ob

‘Про нас им не говори!’

045 Северн.Сельк. [Казакевич и др. 2010: 77].

naşşat tü:-äş!
тогда прийти-IMP.2SG.sub

‘(Пойди и умойся семь раз), тогда приходи!’

046 Северн.Сельк.Таз. [Кузнецова и др. 1980: 246].

iki tü-ŋ-äşik!
NEG.IMP прийти-EP-IMP.2SG.sub

‘Не приходи!’

Как уже отмечалось выше, данная частица встречается не только с формами прохибитива, но и оптатива. Оптатив маркируется на глаголе специальным суффиксом *-le* как в некоторых центральных (нарымский диалект), так и в северных диалектах селькупского языка.

047 Юж.-Центр.Сельк.Кет.-Тым. Отрывок из сказки про оленя и оленят (С 56; стр. 21, 22).

ma:da-m iqqi nü-kku-le-lət.

дверь-ACC NEG.IMP открыть-НАВ-ОПТ-2PL

‘Дверь не открывайте’.

048 Северн.Сельк.Таз. [Кузнецова и др. 1980: 246].

iki tü-lä-ndi.

NEG.IMP прийти-ОПТ-2SG.sub

‘Пусть ты не придешь’.

Формы императива и оптатива, как уже отмечалось, в центральных и южных диалектах селькупского языка применимы не только ко вторым, но и к третьим лицам.

049 Центр.Сельк.Вас. Сказка про богатыря (С 61; стр. 220).

na mener-tił qur ünte-lidi-md

этот охотиться-PRS.PTCP человек слышать-INTNS.PFV-IMP.3SG.ob

mi-Re-n-it tvo-ja.

1PL-LAT-GEN-POSS.1PL прийти-IMP.3SG.sub

‘Этот охотник пусть услышит, к нам пусть придет’.

050 Центр.Сельк.Нарым. [Кузнецова 1995: 87].

nädek ate-ldž-eşp-a (kwie-t tol)

девушка спрятаться-INTNS.PFV-IPFV-3SG.sub береза

bielieka-nd tabe-n kory ige kondzer-nimd.

сторона-LAT1 3SG-LAT1 медведь NEG.IMP видеть-IMP.3SG.ob

‘Девушка пряталась за березу, чтобы ее медведь не увидел’.

051 Центр.Сельк.Вас. Хозяйка огня (С 61; стр. 158).

tü: igi čariče-ja.

огонь NEG.IMP загореться-IMP.3SG.sub.

‘(Голову хозяйке огня накрою,) чтобы пожара не было’.

Приведем также примеры на использование императива и прохибитива 3-го л. в северных диалектах.

052 Селькуп.Северн. [Казакевич и др. 2010: 59].

n̄i:n̄i *soma* *qosti* *i:ti-ŋimti:*

потом хороший подарок повесить-IMP.3SG.ob

‘Потом пусть повесит хороший подарок (на зверя)’.

053 Селькуп.Северн. [Казакевич и др. 2010: 96].

ø:td *iki* *panal-nimtijä.*

олень NEG.IMP сломать-IMP.3SG.ob

‘Оленя пусть не ломает’.

Существуют определенные проблемы, связанные с разграничением императива и оптатива. Вместо императива могут использоваться соответствующие формы оптатива.

Некоторые исследователи, например В.В. Быконя, выделяют такие формы императива, как *-lel* ‘IMP.2SG.ob’ – *kad-lel* ‘расскажи’ (объектное спряжение), *-lend* ‘IMP.2SG.sub’ – *tösp-liend* ‘приходи’ (субъектное спряжение), отмечая, что эти формы выражают просьбу, приказ или побуждение [Быконя и др. 2005: 338]. Данные формы легко возводятся к формам оптатива и могут трактоваться в синхронии как формы оптатива *-le+l* ‘OPT+2SG.ob’ (объектное спряжение), *-le+nd* ‘OPT+2SG.sub’ (субъектное спряжение).

Как утверждает Н.Г. Кузнецова, в побудительных предложениях оптатив передает желательность в сочетании с волеизъявлением. Оптатив, в отличие от императива, может использоваться при волеизъявлении, не требующем немедленного исполнения, в некатегорической просьбе [Кузнецова 1995: 94]. Однако, с другой стороны, функции оптатива в данном случае сходны с функциями императива, что позволяет рассматривать эти формы в рамках обсуждения императива. Два следующих примера можно рассматривать как формы императива, так и оптатива.

054 Юж.Сельк.Ср-об. Пёнэгессэ (С 58; стр. 377).

taq e:kki qwa'ja-lie-nd!

вниз.по.течению NEG.IMP ходить-OPT-2SG.sub

‘Вниз по течению не ходи!’

055 Юж.-Центр.Сельк.Кет.-Тым. Снежная девочка (С 56; стр. 63).

iki tü:ra-le-nde!

NEG.IMP плакать-OPT-2SG.sub

‘(Мать ее говорит:) «Не плачь!»’

Категория оптатива в южных и центральных диалектах селькупского языка требует дополнительного изучения. В разных селькупских диалектах показатель оптатива *-le* может иметь разные значения, например оптатива и императива (как обсуждалось выше), будущего времени, выражать различные модальные оттенки волеизъявления. Помимо этого, к суффиксу глагола может присоединяться специальная оптативная частица *se* (*e*). Мы не будем останавливаться подробно на рассмотрении оптатива, однако приведем пример его использования в качестве глагольного маркера будущего времени с предшествующим ему маркером стандартного отрицания.

056 Центр.Сельк.Нарым. Старое предание (С 65; стр. 84).

amba-m maşik a: üde-ll-a.

мать-POSS.1SG 1SG.ACC NEG пустить-FUT(OPT)-3SG.sub

‘Мать меня не отпустит’.

Отрицательная частица прохибитива может примыкать к глаголу в инфинитиве. Примеры данной стратегии отмечаются в среднеобском, кетском диалектах и сондровских говорах и может быть объяснена влиянием русского языка (конструкции создаются по типу русской конструкции «чтобы не + V-INF»).

057 Юж.Сельк.Ср-об. (Т 9; стр. 308).

ştop äk kond-al-gu.

чтобы NEG.IMP спать-PFV-INF

‘Чтоб не уснуть’.

058 Юж.Сельк.Сондр.гов. (Т 21; стр. 323).

stob igə magulɖzu-gu.

чтобы NEG.IMP заблудиться-INF

‘Чтобы не заблудиться’.

В примерах последнего времени отмечается использование стандартной частицы отрицания в качестве отрицательной частицы прохибитива (встречается довольно редко):

059 Юж.Сельк.Кет. (Т 19; стр. 167).

assə türa-k!

NEG плакать-IMP.2SG.sub

‘Не плачь!’

2.2.1 Сопоставительный анализ прохибитива в анализируемых диалектах

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка наблюдается использование прохибитива и императива 2-го и 3-го л. В васюганском диалекте хантыйского языка наблюдается использование прохибитива и императива 1-го л. Результаты сопоставительного анализа двух языков представлены в таблице № 4. Для удобства привлечены данные других диалектов хантыйского и селькупского языков.

Таблица № 4. Отрицание при императиве

Частицы отрицания императива		Частицы отрицания императива и оптатива		
Хантыйский язык		Селькупский язык		
Восточные диалекты	Западные/южные диалекты	Центральные диалекты	Южные диалекты	Северные диалекты
<i>äl</i> или <i>at</i> ;	<i>at, äl</i> или <i>at</i> ;	<i>əkə, ik, iyi; ige</i>	<i>ikki, iki, ik, iye, äk</i>	<i>iki</i>
Ваховский и васюганский диалекты – асимметрия при отрицании в индикативе и императиве – разные отрицательные частицы; маркировка разными суффиксами при глаголе (суффиксы индикатива и императива)		Асимметрия при отрицании в индикативе и императиве/оптативе – разные отрицательные частицы; маркировка разными суффиксами при глаголе (суффиксы индикатива и императива)		

В хантыйском языке форма частицы прохибитива варьируется в разных диалектах – *at, äl* или *at*. В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка при отрицании в императиве используется специальная частица отрицания *äl*. Отрицание при императиве 2-го л. в ваховском, васюганском и северных диалектах хантыйского языка происходит по одинаковой стратегии, при императиве 3-го л. – по разным стратегиям.

В селькупском языке стратегии использования прохибитива и императива 2-го и 3-го л. проявляют сходство во всех диалектах (не считая оптативных форм). При отрицании императива и оптатива используется специальный маркер отрицания *iki/iki*. Также, вероятно, под контактным влиянием русского языка отмечается использование отрицательной частицы прохибитива с глаголом в форме инфинитива.

Используя типологию прохибитива Дж. Ван дер Ауверы, Л. Лежона, В. Гусева (прохибитивы 2-го л. ед., дв., мн.) [Van der Auwera et al. 2013] и включая в нее полную парадигму прохибитива (1, 2, 3-го л., ед., дв., мн. ч), как селькупский, так и хантыйский язык можно отнести ко 2-й группе: в прохибитиве используется глагольная конструкция 2-го л. императива, и стратегия отрицания отличается от отрицания повествовательного предложения в изъявительном наклонении.

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка использование прохибитива 2-го и 3-го л. демонстрирует симметрию при сравнении с императивом, не наблюдается каких-либо изменений, кроме присутствия отрицательного маркера прохибитива. Стратегии отрицания при индикативе и императиве в обоих языках в рассматриваемых диалектах для 2-го и 3-го л. асимметричны. Используются разные отрицательные частицы, а также различные суффиксы при глаголе в индикативе и императиве.

Отрицание при императиве в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка осуществляется по одной стратегии.

2.3 Бытийное отрицание

В данном разделе обсуждаются вопросы выражения бытийного отрицания в восточных диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка.

Во всех представленных ниже конструкциях используются утвердительные и отрицательные бытийные предикаты. Для ваховского и васюганского диалектов хантыйского языка такими предикатами являются *wəl-* ‘быть’ и *əntim* ‘NEG.ex’; для центральных и южных диалектов селькупского языка *e:-* ‘быть’ [Alatalo 2004: 1, 2], *čāŋku-* ‘отсутствовать’ [Alatalo 2004: 224]; в нарымском и среднеобском диалектах используются заимствования из русского языка *nietu-* ‘отсутствовать’ и *neitu* ‘нету’.

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка в экзистенциональных конструкциях используются бытийный глагол (копула) для выражения утверждения и отрицательный бытийный предикат для выражения отрицания. Кроме того, к экзистенциональным относятся и посессивные конструкции, где используются копула или отрицательный бытийный предикат. Подлежащее-обладатель в таких конструкциях стоит в локативном падеже (LOC), выступает в семантической роли Локации и предикатирует обладание в отношении аргумента с семантической ролью Темы, прагматический статус которой не определен. Как отмечает Б. Вагнер-Надь [Wagner-Nagy 2011: 173], в подобных посессивных конструкциях в качестве Локации обычно выступает человек (+human), в то время как в экзистенциональных конструкциях в качестве Локации выступает референт-нечеловек (-human).

Экзистенциональные конструкции

060 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 083; стр. 12).

<i>puŋəl-nə</i>	<i>wəl-wəl-t</i>	<i>ämp-ət.</i>
деревня-LOC	быть-PRS-3PL	собака-3PL
‘В деревне есть собаки’.		

061 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 089; стр. 12).

puʎəl-nə əntim ämp-ət.

деревня-LOC NEG.EX собака-3PL

‘В деревне нет собак’.

062 Центр.Сельк.Нарым. (SelNeg № 083).

e:d-ə-get kana-la e:-j-(a).

деревня-EP-LOC собака-PL быть-PRS-(3SG)

‘В деревне есть собаки’.

063 Центр.Сельк.Нарым. (SelNeg № 085).

na e:d-ə-get kana-la čang-w-(a).

эта деревня-EP-LOC собака-PL NEG.ex-PRS-(3SG)

‘В этой деревне нет собак’.

Посессивные (экзистенциальные) конструкции

064 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 091; стр. 12).

mä-nə wəl-wəl niŋ-ət.

1SG-LOC быть-3SG жена-1SG.POSS

‘У меня есть жена’.

065 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 092; стр. 13).

mä-nə əntim niŋ-ət.

1SG-LOC NEG.EX жена-1SG.POSS

‘У меня нет жены’.

066 Центр.Сельк.Нарым. (SelNeg № 087).

ta-nan paʃa e:-j-a.

1SG-LOC жена быть-PRS-3SG

‘У меня есть жена’.

067 Центр.Сельк.Нарым. (SelNeg № 088).

ta-nan paʃa čang-w-a.

1SG-LOC жена NEG.ex-PRS-3SG

‘У меня нет жены’.

Локативные конструкции прежде всего предикцируют местоположение. В утвердительных локативных конструкциях в хантыйском и селькупском языках используется копула, а в отрицательных – отрицательный бытийный предикат. В экзистенциальных конструкциях данным, известным является место (Локатив), а сообщаемым – предмет (Тема). В локативных предложениях, наоборот, исходным пунктом сообщения служит известный говорящему предмет, а сообщаемым – местопребывание этого предмета [Борщев 2007: 2, 3]. Соответственно, если Тема является определенной, то это предложение локативное.

Локативные конструкции

068 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 006; стр. 21).

jüy qo-qam wäl-wäl.

3SG где-то быть-PRS.3SG.

‘Он где-то есть’.

069 Вост.Хант.Вах. [Honti 1984: 99].

mä äñi-läm jok-ən entim-ät.

1SG сестра-POSS.1SG/PL дом-LOC NEG.EX-PL

‘Моих сестер нет дома’.

070 Центр.Сельк.Нарым. № 43 [Сборник. аннот. текстов 4 2015: 131].

mat i:-m e-y-a armit(t)...

1SG.GEN сын-POSS.1SG быть-PST-3SG.sub армия-(LOC1)

‘Мой сын был в армии...’

071 Центр.Сельк.Вас. Сказка про мальчика (С 61; стр. 256).

paja mat-kin-de t'angu-k.

старуха дом-LOC1-POSS.3SG отсутствовать-3SG.sub

‘Старухи в доме нет’.

В анализируемых диалектах селькупского и хантыйского языков экзистенциальные и посессивные конструкции имеют следующую структуру в сфере отрицания – (LOC + THEME + NEG.EX) или (LOC + NEG.EX + THEME), локативные – (THEME + LOC + NEG.EX) или (THEME + NEG.EX + LOC).

Экзистенциальные конструкции могут употребляться без локационного слова – (THEME + NEG.EX)¹⁰.

На основании сходства с экзистенциальными, посессивными и локативными конструкциями часто рассматриваются предикативные адъективные, инклюзивные и эквативные конструкции, которые объединены тем, что содержат именное сказуемое (predicate nominals) [Payne 1997: 111]. Во всех именных сказуемых для связки подлежащего с именным сказуемым в настоящем времени используется копула либо наблюдается ее значимое отсутствие.

Предикативные адъективные конструкции

Под предикативными адъективными конструкциями подразумеваются конструкции, в которых главное семантическое значение выражено прилагательным [Payne 1997: 111].

072 Вост.Хант.Вах. [Терешкин 1961: 58].

mäy uj-oy män-wäl, mäy läpäk-äki.
земля низ-PROL идти-PRS.3SG земля темный-PRD
‘Под землю едет, земля темная’.

073 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 031; стр. 4).

tem löy antä ewäst-äki.
этот.VIS.PROX кость NEG вкусный-PRD
‘Эта кость не вкусная’.

074 Центр.Сельк.Тым. Сказка 2 про бобра и журавля (С 56; стр. 203).

qara topä-tä pirg e-k.
журавль нога-POSS.3SG высокий быть-3SG.sub
‘Журавля ноги высокие’.

075 Центр.Сельк.Тым. Как звери солнце искали (С 56; стр. 183).

su:ru-n tʲelä-galik aza sewa e-k.
зверь-LAT2 солнце-CAR NEG хороший быть-3SG.sub
‘Зверям без солнца нехорошо’.

¹⁰ THEME – семантическая роль Тема; LOC – семантическая роль Локация; NEG.EX – отрицательный бытийный предикат.

Инклюзивные конструкции

В инклюзивных конструкциях конкретное лицо является частью того, что выражено в именном составном сказуемом [Payne 1997: 114].

076 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 3; стр. 94).

jüy (əntə) küt/kál qəsí.

3SG (NEG) охотиться человек

‘Он охотник’./‘Он не охотник’.

077 Центр.Сельк.Нарым. Из жизни женщины (С 54; стр. 675).

mat čum-ok.

1SG Selkup-PRD.1SG

‘Я селькуп’.

078 Центр.Сельк.Вас. Сказка про домовых (61; стр. 236).

na aya qu-t.

это NEG человек-PL

‘Это не люди’.

Эквативные конструкции

Под эквативными конструкциями понимаются конструкции, в которых референт подлежащего идентичен референту именного сказуемого [Payne 1997: 114].

079 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 075; стр. 10).

temi mä ämp-əm.

этот.PROX 1SG собака-POSS.1SG

‘Это моя собака’.

080 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 076; стр. 10).

tʃi əntə mä ämp-əm.

этот.REM NEG 1SG собака-POSS.1SG

‘Это не моя собака’.

081 Юж.Сельк.Ср-об. Сказка про Идю (С 58; стр. 367).

mat tabi-t az e:-j-ak.

1SG 3SG-GEN отец быть-PRS-1SG.sub

‘Я её отец’.

082 Центр.Сельк.Нарым. (SelNeg № 091).

na a: hær, na tʃapt.

это NEG снег это роса

‘Это не снег, это роса’.

Проанализировав архивные данные, можно отметить, что в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка в рассмотренных предикативных адъективных, инклюзивных и эквативных конструкциях в настоящем времени отсутствует копула, связывающая подлежащее с именным сказуемым. В центральных и южных диалектах селькупского языка в настоящем времени имеются примеры как с наличием копулы, так и с ее значимым отсутствием. В данных конструкциях используется стандартная стратегия отрицания, поэтому они не подлежат дальнейшему рассмотрению.

2.3.1 Бытийное отрицание в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, как и в других диалектах, для отрицания бытийных пропозиций используется специальный отрицательный бытийный предикат *əntim* (*endam/endem*), который, как и стандартная частица отрицания *əntə*, скорее всего, представляет собой причастную форму некоего «окаменелого» отрицательного глагола **ənt-/ant-*, прото(обско)угорского периода [Castren 1858: 65, 66; Соловар, Черемисина 1994: 35, 39; Фильченко 2013: 70]. В «Уральском этимологическом словаре» происхождение данного отрицательного предиката возводится к уральскому отрицательному глаголу *e ~ ä* [Redei 1988: 68].

083 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 014; стр. 2).

mä-nə əntim ämp.

1SG-LOC NEG.EX собака

‘У меня нет собаки’.

084 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 005; стр. 45).

ənämmə jöyrəq əntim-əki itfä.

старый волк NEG.EX-PRD сейчас

‘Старого волка теперь нет’.

Хантыйский отрицательный бытийный предикат не принимает практически никаких глагольных суффиксов. Исключение составляют суффиксы двойственного и множественного чисел, которые встречаются крайне редко [Castren 1858: 65, 66; Karjalainen, Toivonen 1948: 58]¹¹.

В большинстве имеющихся у нас примеров ваховского и васюганского диалектов хантыйского языка отрицательный бытийный предикат *əntim* не согласуется с подлежащим. Однако встречаются нерегулярные примеры с использованием суффикса множественного числа *-ätə*, *-ät* – происходит согласование с подлежащим в числе. Использование суффиксов двойственного числа с данным предикатом не обнаружено.

085 Вост.Хант.Вас. Три сына (У 5; стр. 217).

a mustəm ni qu-j-əl əntəm.

а красивый женщина мужчина-EP-POSS.3SG NEG.EX

‘А мужа красавицы нет’.

086 Вост.Хант.Вас. № 19 [Filchenko 2012: 40].

ämp-ät fəräy-wəl-t, tʃu tayi morta toyi wer-il

собака-PL шуметь-PRS-3PL DET место все прочь делать-(3PL)

poro-min i jəy-näm əntim-ätə.

топтаться-CVB и 3PL-REFL NEG.EX-PL

‘Собаки шумят, все место истоптали, а самих их нет’.

¹¹ «Höchstens können an das Hilfsverbum *endam* oder *endem* die Dual- und Pluralcharaktere gefüllt werden...» [Castren 1858: 66].

К отрицательному бытийному предикату может присоединяться специальный предикативный суффикс *-äki*, *-äyi*, *-äki* для единственного числа.

087 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 011; стр. 46).

qəsi *əntim*.

человек NEG.EX

‘Человека нет’.

088 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 012; стр. 46).

qəsi *əntim-äki*.

человек NEG.EX-PRD

‘Человека нет’.

089 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 041; стр. 6).

esli *ämp-nə* *ləy* *əntim-äki* (*əntim*) *jüy-ən* *əntə*
если собака-LOC кость NEG.EX-PRD (NEG.EX) 3SG-LOC NEG
joŋqer-l-ətə.

грызть-PRS-3SG/SG

‘Если у собаки нет кости, она (ее) не сгрызет’.

На вопрос, чем отличается *əntim* от *əntim-äki*, в примере 089 информант сообщил, что первое он перевел бы как ‘нету’, а второе как ‘вообще нету’. Дистрибутивные свойства предикативного аффикса *-äki* с отрицательным бытийным предикатом наиболее вероятно связаны с прагматическими свойствами референта, на опровержение истинности которого направлена пропозиция данного типа. Отрицательная ассерция существования некоего референта будет, скорее всего, выражена с помощью отрицательного бытийного предиката *əntim* с предикативным аффиксом *-äki*, если соответствующий референт обладает высокой степенью прагматической активации/идентифицируемости, более доступен участникам дискурса.

В стратегии бытийного отрицания в прошедшем времени к отрицательному бытийному предикату добавляется специальный вспомогательный глагол, образованный от копулы, принимающей временные, аспектуальные и модальные

морфологические маркеры. Такими вспомогательными глаголами для хантыйского языка являются глаголы *wəl-* ‘быть’ и *jə-* ‘становиться’.

090 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 050; стр. 7).

<i>tʃi</i>	<i>äm-nə</i>	<i>wəl-ayɪ</i>	<i>ämmoq.</i>
этот.INVIS.PROX	собака-LOC	быть-PST0.3SG	щенок

‘У этой собаки был щенок’.

091 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 001; стр. 45).

<i>mä</i>	<i>küt/kəl-'tə</i>	<i>qu-qa</i>	<i>jə-γäs-əm.</i>
1SG	охотиться-IMPP	человек-TRNSL	становиться-PST3-1SG

‘Я стал охотником’.

092 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 038; стр. 5).

<i>äm-nə</i>	<i>əntim</i>	<i>wəl-qas</i>	<i>ləγ.</i>
собака-LOC	NEG.EX	быть-PST3.3SG	кость

‘У собаки не было кости’.

093 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 013; стр. 46).

<i>qəsi</i>	<i>əntim-əyɪ</i>	<i>jə-γ-äyɪ.</i>
человек	NEG.EX-PRD	стать-EP-PST0.3SG

‘Человека не стало’.

А.Ю. Фильченко отмечает, что в бытийных пропозициях с альтернативным вопросом вместо специального отрицательного бытийного предиката может использоваться копула со стандартным маркером отрицания. Это объясняется стремлением к симметрии двух контрастных частей альтернативного вопроса [Filchenko 2012: 41]. Также можно привести пример, где в экзистенциальной посессивной конструкции с альтернативным вопросом используется отрицательный бытийный предикат *əntim*. Можно предположить, что бытийное отрицание в альтернативных вопросах с использованием отрицательного бытийного предиката является основной стратегией отрицания, так как проявляется в большинстве случаев. Появление стандартной частицы отрицания с утвердительным бытийным предикатом является нечастотным явлением.

094 Вост.Хант.Вас. № 25 [Filchenko 2012: 41].

tom qat-nə qoj 'wəl-wəl, qam əntə 'wəl-wəl?

DET дом-LOC кто быть-PRS.3SG или NEG быть-PRS.3SG

‘В доме кто есть или нет?’

095 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 093; стр. 13).

niŋ-ən wəl-wəl ni ili əntim.

2SG-LOC быть-PRS.3SG жена или NEG.EX

‘У тебя есть жена или нет?’

Согласно типологии, предложенной У. Крофтом [Croft 1991: 9–11], основные стратегии бытийного отрицания, используемые в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, можно отнести к типологической группе В, включающей языки, где для отрицания бытийных конструкций используется специальный отрицательный бытийный предикат.

2.3.2 Бытийное отрицание в центральных и южных диалектах селькупского языка

В селькупском языке для отрицания бытийных пропозиций используется специальный отрицательный бытийный предикат/финитный глагол *śāŋku-* ‘отсутствовать’ [Alatalo 2004: 224]. Данный отрицательный глагол имеет когнаты в других самодийских языках (например в нганасанском, энецком, ненецком, камасинском) и реконструируется, предположительно, к протосамодийскому глаголу **jäŋkə* ‘отсутствовать’ [Janhunen 1977: 40].

Во всех рассматриваемых диалектах отрицательный бытийный глагол *śāŋku-* ‘отсутствовать’ имеет полную парадигму лица и числа (см. таблицу № 5).

Таблица № 5. Парадигма глагола *čāŋku-* ‘отсутствовать’. Сондровские говоры (Т 27; стр. 167)

1SG	<i>man t̪ä:kgu-z-an</i> 1SG отсутствовать-PST-1SG.sub	Меня не было
2SG	<i>tan t̪ä:kgu-z-(at)</i> 2SG отсутствовать-PST-(2SG.sub)	Тебя не было
3SG	<i>tabi t̪ä:kgu-s</i> 3SG отсутствовать-PST(3SG.sub)	Его не было
1DU	<i>me sädə-qun t̪ä:kgu-z-aj</i> 1DU два-человек отсутствовать-PST-1DU	Нас (двоих) не было
2DU	<i>te t̪ä:kgu-z-alie</i> 2DU отсутствовать-PST-2DU	Вас (двоих) не было
3DU	<i>täbi-sta:-yə sädə-qun</i> 3SG-DU-DU два-человек <i>t̪ä:kgu-z-ayə</i> отсутствовать-PST-3DU.sub	Их не было
1PL	<i>me t̪ä:kgu-z-awt</i> 1PL отсутствовать-PST-1PL	Нас не было
2PL	<i>te t̪ä:kgu-z-altə</i> 2PL отсутствовать-PST-2PL	Вас не было
3PL	<i>teb-la t̪ä:kgu-z-attə</i> 3SG-PL отсутствовать-PST-3PL	Их не было

096 Юж.Сельк.Ср-об. (Т 10; стр. 300, 301).

razbojni-la wesʲ t̪ar-adet: «mi ta-nan t̪aŋ-s-aut».

разбойник-PL все сказать-3PL 1PL 2SG-LOC2 отсутствовать-PST-1PL

‘Разбойники все говорят: «Мы у тебя не были»’.

097 Юж.Сельк.Сондр.гов. (Т 23; стр. 132).

t̪är-an: «kozir-la t̪an-w-attə».

сказать-1SG.sub «карта»-PL отсутствовать-PRS-3PL

‘Я сказала: «Карт нет»’.

Данный глагол имеет полную временную парадигму: настоящее, прошедшее, прошедшее повествовательное и будущее время (см. примеры 98–101). Необходимо отметить, что, согласно основной стратегии, бытийное отрицание во всех временах выражается морфологически, в отличие от

ваховского и васюганского диалектов хантыйского языка, в которых оно выражается аналитически.

098 Юж.Сельк.Ср-об. Два барана (С 58; стр. 314).

ta-'nan a:md-la-l t'iang-w-adit.

2SG-LOC2 рог-PL-POSS.1SG отсутствовать-PRS-3PL

‘У тебя рогов нет’.

099 Центр.Сельк.Тым. Как звери солнце искали (С 56; стр. 183).

nagər t'el t'elət t'iaŋ-s-a.

три день солнце отсутствовать-PST-3SG.sub

‘Три дня солнце отсутствовало’.

100 Центр.Сельк.Вас. Сказка про лесного и старуху (С 61; стр. 173).

kibamar-ni-di čangu-mb-a.

ребенок-PL-POSS.3DU отсутствовать-PSTN-3SG.sub

‘Детей у них не было’.

101 Юж.Сельк.Кет. (Т 16; стр. 128).

qayä l'äya-la qwädumb-attə, täppi-la-nan

когда товарищ-PL ссориться-3PL 3SG-PL-LOC2

robimbi-gu t'äŋu-ndz-iŋ.

работать-NMLz отсутствовать-FUT-3SG.sub

‘Когда товарищи ссорятся, у них работы не будет’.

Данный глагол может присоединять некоторые деривационные суффиксы, например хабитуалис, а также нести на себе некоторые другие деривационные и модальные маркеры:

102 Юж.Сельк.Кет. (Т 16; стр. 98).

äran suru-li-di qu-la-m

осенью зверь-VBLz-ADVz человек-PL-ACC

t'äŋu-kw-atti ma:t-qin.

отсутствовать-HAB-3PL дом-LOC1

‘Осенью охотников не бывает дома’.

В ряде случаев наблюдается угасание парадигмы, проявляющееся в

несогласовании бытийного глагола с субъектом в лице и числе. Одним из объяснений может служить влияние разговорного русского языка, в котором в настоящем времени у бытийного предиката *нету* отсутствует какое-либо согласование с субъектом. Приведем примеры:

103 Центр.Сельк.Вас. (С 58; стр. 288).

tabi-štja-nan *tʲaŋ-w-a* *pok-la-di.*

3SG-DU-LOC2 отсутствовать-PRS-3SG.sub сеть-PL-POSS.3DU

‘У них нет сетей’.

104 Юж.Сельк.Кет. (С 65; стр. 199).

mega-nnan *üče-la-w* *tʲaggu.*

1DU.ACC-LOC1 ребенок-PL-POSS.1DU нет

‘У нас детей нет’.

Согласно Э.Г. Беккер, в некоторых диалектах глагол *čangu-* ‘отсутствовать’, в форме 3-го л. ед. ч. видоизменился и может представлять собой частицу, используемую: 1) для отрицания всего высказывания (редуцированная форма *čʲa*); 2) для отрицания при инфинитиве; 3) для передачи значения, эквивалентного русскому *нет* [Беккер и др. 1995б: 239].

105 Центр.Сельк.Нарым. [Беккер и др. 1995б: 239].

čʲa, *wadz a:* *tuze-mb-a.*

нет мясо NEG сварить-PSTN-3SG.sub

‘(Мясо уже сварилось?) – Нет, мясо не сварилось’.

106 Юж.Сельк.Ср-об. [Беккер 1995б: 239] (см. пример 021).

stob *menga* *tʲaŋwa* *kantʲečʲi-ku.*

чтоб 1SG.LAT NEG замерзнуть-INF

‘(Я эту рубаху еще пять лет носить буду), чтобы мне не замерзнуть’.

107 Центр.Сельк.Тым. [Беккер и др. 1995б: 239].

ta-nan *tʲaŋga* *nʲäi.*

1SG.LOC2 нет хлеб

‘У меня нет хлеба’.

Первые две стратегии используются периферийно. Анализируя третий

случай использования данной частицы, мы придерживаемся мнения, согласно которому данный языковой элемент не может считаться частицей, но является бытийным предикатом. В данном случае наблюдается возможное влияние русского языка, при котором отрицательный бытийный глагол в 3-м л. ед. ч. начал использоваться в роли неизменяемого бытийного предиката, не согласующегося с подлежащим, и проявляет семантику, сходную с русским нефинитным бытийным предикатом *нет*. Согласно нашим наблюдениям, данная стратегия бытийного отрицания не является основной, однако прослеживается в центральных и южных диалектах селькупского языка. Впоследствии, по всей видимости, произошли эволюционные изменения, при которых специальный отрицательный предикат в 3-м л. ед. ч. грамматикализовался в частицу отрицания (маргинальная стратегия), используемую для отрицания при инфинитиве.

Рассматривая бытийные конструкции в селькупском языке, довольно редко можно встретить случаи, когда для бытийного отрицания используется конструкция из копулы со стандартным отрицанием. На основе имеющихся у нас примеров можно предположить, что эти случаи не являются типичными для южных диалектов селькупского языка.

108 Центр.Сельк.Нарым. (SelNeg № 086).

e:d-ə-get kana-la a: e:-j-a.

деревня-EP-LOC собака-PL NEG быть-PRS-3SG

‘В этой деревне нет собак’.

В бытийных пропозициях с альтернативным вопросом также наблюдается использование отрицательного бытийного предиката.

109 Центр.Сельк.Нарым. (SelNeg № 089).

tan-an paʃa e:-j-a ali čang-w-a.

2SG-LOC жена быть-PRS-3SG.sub или отсутствовать-PRS-3SG.

‘У тебя жена есть или нет?’

Согласно типологии, предложенной У. Крофтом, основные стратегии бытийного отрицания, используемые в центральных и южных диалектах селькупского языка, можно отнести к типологической группе В, включающей

языки, где для отрицания бытийных конструкций используется специальный отрицательный бытийный предикат [Croft 1991: 9–11].

2.3.3 Отрицательные бытийные предикаты *nietu*- ‘отсутствовать’ и *nietu* ‘нету’ в центральных и южных диалектах селькупского языка

Перейдем к анализу отрицательного бытийного предиката/финитного глагола *nietu*- ‘отсутствовать’ и отрицательного бытийного предиката *nietu* ‘нету’, которые являются результатом заимствования из русского языка. Отрицательный бытийный предикат *nietu*- ‘отсутствовать’ упоминается в работах Э.Г. Беккер [Беккер и др. 1995б] и А.Ю. Фильченко [Фильченко 2013, 2013б], однако в этих работах не приводится детального рассмотрения дистрибуции и не упоминается параллельное существование двух омонимичных отрицательных бытийных предикатов *nietu*- ‘отсутствовать’ и *nietu* ‘нету’. Кроме того, в данных работах не представлено каких-либо комментариев по поводу происхождения, статистики и распространения данных лексем в селькупском языке. Однако необходимо обратить внимание на комментарий Э.Г. Беккер, в котором она отмечает, что именно в обских говорах¹² [Беккер и др. 1995а: 23] наблюдается использование (некой лексемы) *netuwa*¹³ [Беккер и др. 1995б: 240]. Там же представлены 3 примера, демонстрирующие данное явление в нарымском диалекте.

При проведении лексического анализа нами особое внимание уделялось проблемам языкового контакта, интерференции и собственно заимствований в том смысле, в котором эти проблемы обсуждаются в работах У. Вайнрайха [Вайнрайх 1972, 1979], Л. Блумфилда [Блумфилд 1968] и М. Хаспельмата [Haspelmath 2009].

¹² Обский диалект (говоры от Нарыма на севере до Колпашева на юге): а) обский диалект (язык чумылькупов), б) среднеобские говоры (язык шёшкупов), в) верхнеобские говоры (выше Колпашева) – язык сюсюкумов.

¹³ Дословно: «наблюдается замена компонента *čaŋ-* в частице *čaŋwa* заимствованным отрицанием *n'et(u)*» (однако необходимо отметить, что лексема *čaŋwa*, представленная как частица, судя по представленным примерам (см. Э. Г. Беккер, с. 239), в тех случаях, когда она передает значение, эквивалентное русскому ‘нет’, в бытийных конструкциях является предикатом, а не частицей).

Так, У. Вайнрайх утверждает, что для заимствования слов достаточно минимального контакта между языками [Вайнрайх 1972: 42–47]. М. Хаспельмат определяет заимствование как слово, которое в определенный момент существования языка вошло в лексикон в результате этого заимствования (перехода, копирования) [Haspelmath 2009: 36]. Также М. Хаспельмат отмечает, что иногда бывает довольно сложно отличить заимствование от простого переключения кодов [Haspelmath 2009: 40–42].

Заимствуемые слова довольно часто имеют фонологические, орфографические, морфологические и синтаксические свойства, отличные от системы языка-реципиента. В этих условиях заимствованные слова часто подвергаются адаптации (интеграции) [Haspelmath 2009: 42–43]. Согласно У. Вайнрайху, лексические заимствования можно исследовать с точки зрения фонологического, грамматического, семантического и стилистического встраивания новых слов в заимствующий язык [Вайнрайх 1972: 47–49]. С фонологической точки зрения перенесенные лексемы могут либо подвергнуться изменениям, либо сохранить их звуковую оболочку в неприкосновенности. С грамматической точки зрения лексическое заимствование может подлежать ассимиляции, но это происходит не во всех случаях. Более обычным является допущение заимствованных слов в открытые грамматические классы заимствующего языка с включением их в словоизменительные парадигмы наравне со словами языка-реципиента. С точки зрения семантики и стилистики заимствованная лексика может сначала оказаться в положении свободного варьирования со старым словарным запасом, но в дальнейшем, если и родное и заимствованное слова выживают, обычно происходит специализация значений.

При анализе были изучены данные по тымскому, васюганскому, нарымскому, среднеобскому, кетскому диалектам и сондровским говорам селькупского языка, представленные в следующих томах:

- 1) Архив лаборатории ЯНС ТГПУ: тома 34, 42, 56, 58–61, 65–66;
- 2) Архив А.И. Кузьминой, Гамбургский университет: тома 6, 8–12, 14, 16–27;

3) Собственные полевые записи: «Рассказ Коробейниковой И.А. о себе», Нарым 2013.

В результате было выявлено, что в нарымском и относительно редко в среднеобском диалектах селькупского языка используются отрицательные бытийные предикаты *n'ietu*- 'отсутствовать' и *n'ietu* 'нету'. В остальных диалектах использование данных предикатов зафиксировано не было. Представленные данные по диалектам отчасти совпадают с утверждением Э.Г. Беккер [Беккер и др. 1995б: 240] о распространенности данной лексемы в обских говорах.

В таблице № 6 показана распространенность отрицательных бытийных предикатов в нарымском и среднеобском диалектах селькупского языка. В обоих диалектах не принимались во внимание данные, полученные в результате целенаправленного извлечения парадигмы глагола *n'ietu*- 'отсутствовать'.

Таблица № 6. Распространенность отрицательных бытийных предикатов в нарымском и среднеобском диалектах селькупского языка

Предикат	Нарымский (кол-во использований)	Среднеобской (кол-во использований)
В текстах		
<i>čangu</i> - 'отсутствовать'	10	
<i>n'ietu</i> - 'отсутствовать'	17	
<i>n'ietu</i> 'нету'	25	
В текстах и случайных элиситациях		
<i>čangu</i> - 'отсутствовать'	38	77
<i>n'ietu</i> - 'отсутствовать'	21	4
<i>n'ietu</i> 'нету'	32	2

Представленные бытийные предикаты иногда встречаются у носителей смешанных диалектов, например у людей, которые определенное время

проживали на территории распространения нарымского диалекта, а потом переехали на другую территорию, например:

1) Информант, предположительно, владеющий нарымско-тымским диалектом селькупского языка (записано на Тyme);

110 Про медведя. (Т 6; стр. 72).

tabe-t čwesse tö:-at, telega näj

3SG-PL домой прийти-3PL, телега даже

čang-w-a, i qoryu näj netu-a.

отсутствовать-PRS-3SG.sub, и медведь даже отсутствовать-3SG.sub

‘Они домой пришли – телеги нет и медведя нет’.

2) Информантка, по некоторым данным, владеющая нарымско-тымским диалектом селькупского языка (формальные сходства с нарымским диалектом, записано на Тyme). Приведем дословный комментарий лингвиста, записавшего данного информанта: «Она всегда говорит *нету*, на Тyme *чангва*».

111 (Т 6; стр. 281).

netu ma-nan awe-m i ə-m.

нету 1SG-LOC2 мать-POSS.1SG и отец-POSS.1SG

‘Нет у меня матери и отца’.

Также было зарегистрировано употребление данных бытийных предикатов у информантки – носительницы, предположительно, смешанного кетско-тымского диалекта (родилась в Верхнекетском районе Юрты Широкова, затем переехала в с. Напас, муж – обской селькуп). Приведем пример:

112 (С 59; стр. 171).

qwat-ku qai-na netu-k.

добыть-INF что-NPI отсутствовать-3SG.sub

‘Добывать нет ничего’.

Далее будет приведена парадигма спряжения финитного отрицательного глагола *n'etu-* ‘отсутствовать’. Данная парадигма была записана от информантки, проживающей в д. Иванкино (среднеобской диалект). В комментариях, оставленных рядом с парадигмой, отмечено, что язык информантки смешанный,

так как она около 20 лет прожила в Напаса (тымский диалект). В соответствии с оставленными комментариями и наблюдениями автора данный вариант языка можно отнести к среднеобскому диалекту.

Таблица № 7. Парадигма спряжения отрицательного бытийного глагола *nietu-* ‘отсутствовать’. Среднеобской диалект (Т 10; стр. 157–158).

1SG	<i>man netu-ak</i> 1SG отсутствовать-1SG.sub	Меня нет
2SG	<i>tan netu-and</i> 2SG отсутствовать-1SG.sub	Тебя нет
3SG	<i>tab netu-a</i> 3SG отсутствовать-3SG.sub	Его нет
1DU	<i>mi şidä-wi netu-aj</i> 1DU два-POSS.1DU отсутствовать-1DU	Нас двоих нет
2DU	<i>ti şidä-lî netu-ali</i> 2DU два-POSS.2DU отсутствовать-2DU	Вас двоих нет
3DU	<i>tabi-şţja şinnä netu-ay</i> 3SG-DU оба отсутствовать-3DU	Их обоих нет
	<i>tabi-şţja şitä-yə netu-ay</i> 3SG-DU два-POSS.3DU отсутствовать-3DU	Их двоих нет
1PL	<i>mişu netu-awt</i> 1PL.ACC отсутствовать-1PL	Нас нет
	<i>me ne:tu-aut</i> 1PL отсутствовать-1PL	Нас нет
2PL	<i>ti ne:tu-alt</i> 2PL отсутствовать-2PL	Вас нет
3PL	<i>tab-la netu-at</i> 3SG-PL отсутствовать-3PL	Их нет

Также была найдена запись элиситации, предположительно направленная на извлечение лично-притяжательного склонения (посессивности) в генитиве¹⁴, в которой приведена парадигма отрицательного бытийного глагола *nietu-* ‘отсутствовать’. Информации о диалектной принадлежности данных нет, но, по

¹⁴ Мы не будем приводить детальных комментариев по проблеме посессивности, представленной в данной элиситации, так как это не имеет прямого отношения к рассматриваемому вопросу отрицания.

некоторым предположениям, информант относился к носителям среднеобского диалекта. Данная часть не сопровождалась переводом и какими-либо комментариями. Нами был дан примерный перевод: лексема *edä-* была переведена как ‘деревня’. На данном примере можно проследить дефективную парадигму бытийного глагола *nietu-* ‘отсутствовать’, которая заключается в том, что в ряде случаев данный глагол использует одинаковый суффикс *-k*, демонстрируя отсутствие согласования с субъектом в лице и числе.

Таблица № 8. Дефективная парадигма спряжения отрицательного бытийного глагола *nietu-* ‘отсутствовать’. Среднеобской диалект
(Т 12; стр. 229)

1SG	<i>ma-nan edä-m</i> 1SG-LOC2 деревня-POSS.1SG 1SG.sub	<i>netu-a</i> отсутствовать-	У меня деревни моей нет
2SG	<i>tan edä-l</i> 2SG деревня-POSS.2SG (3SG.sub?)	<i>naj netu-k</i> тоже отсутствовать-	У тебя деревни твоей (твоей деревни) тоже нет
3SG	<i>tab edä-yi-nd</i> 3SG деревня-???-GEN.POSS.3SG (3SG.sub?)	<i>netu-k</i> отсутствовать-	У него деревни его (его деревни) нет
1PL	<i>mi-nan edä-yi-nd</i> 1PL-LOC2 деревня-???-GEN.POSS.3SG	<i>netu</i> нету	У нас деревни нашей нет
2PL	<i>ti-nan edä-yi-nd</i> 2PL-LOC2 деревня-???-GEN.POSS.3SG <i>netä-k</i> отсутствовать-(3SG.sub?)		У вас деревни вашей нет
3PL	<i>tab-la-t edä-yi-nd</i> 3SG-PL-PL деревня-???-GEN.POSS.3SG <i>t'aŋ-w-a</i> отсутствовать-PRS-3SG.sub/нету		У них деревни их нет

Исходя из полученных данных по нарымскому и среднеобскому диалектам рассмотрим более подробно бытийный отрицательный глагол *nietu-* ‘отсутствовать’, проявляющий себя как полноценный глагол, и бытийный

отрицательный предикат *nietu* ‘нету’, не несущий на себе никаких словоизменительных и деривационных суффиксов.

Отрицательный бытийный глагол *nietu*- ‘отсутствовать’ помимо парадигмы лица и числа (см. примеры 113–118) демонстрирует полную временную парадигму: настоящее (см. пример 113), прошедшее (см. пример 114), прошедшее повествовательное (см. пример 115) и будущее время (см. пример 116)); может принимать некоторые деривационные суффиксы, например: *хабитуалис* (см. пример 115); нести на себе некоторые модальные маркеры: эвиденциальность (см. примеры 117, 118):

113 Центр.Сельк.Нарым. Старое предание (С 65; стр. 82).

okkir kibajče-di nietu-w-a.
 один парень-POSS.3SG отсутствовать-PRS-3SG.sub
 ‘...одного мальчика нет’.

114 Центр.Сельк.Нарым. (Нарымско-тымский) (Т 6; стр. 290).

tat mat-qit netu-y-and.
 2SG дом-LOC1 отсутствовать-PST-3SG.sub
 ‘Тебя дома нет (не было)’.

115 Юж.Сельк.Ср-об. Красная шапочка (Т 10; стр. 65).

(tab) səwa-ŋ e:-ku-mb-a, nil'di kut'än-nin
 3SG хороший-PRD быть-НАВ-PSTN-3SG.sub такая где-NPI
nje:tu-ku-mb-a.
 отсутствовать-НАВ-PSTN-3SG.sub

‘Она хорошая была, такой нигде не было’.

116 Центр.Сельк.Нарым. Сказка про человека-быка (С 42; стр. 176).

a tolku-l nietu-l-a — maşəŋ a:
 а толк-POSS.2SG отсутствовать-FUT-3SG.sub 1SG.ACC NEG
qondzər-le-nde.
 видеть-FUT-2SG.sub

‘...а не будет толку-твоего – меня не увидишь’.

117 Центр.Сельк.Нарым. (С 65; стр. 30).

tau ara paɟa-ssi-R-nan kibamar-la
эти старик старуха-FAM.COLL-DU-LOC2 ребенок-PL
ne:tu-da-R-it.

отсутствовать-EVID-EP-3PL

‘У этих старика со старухой детей не было’.

118 Центр.Сельк.Нарым. Я приехал в родную деревню. (С 65; стр. 158, 159).

čüine-ɣit kudi-nnej nietu-w-a
двор-LOC1 кто-NPI отсутствовать-PRS-3SG.sub
(nietu-nd-a); hiro-m nietu-nd-a.
отсутствовать-EVID.PRS-3SG.sub корова-ACC отсутствовать-EVID.PRS-
3SG.sub

‘Во дворе никого нет; коровы нет’.

Имеющиеся примеры позволяют говорить о том, что отрицательный глагол *nietu*- ‘отсутствовать’ проявляет дефективную парадигму, где не происходит согласования в лице и числе с субъектом действия. Вероятнее всего, это связано с контактным влиянием русского языка.

119 Юж.Сельк.Ср-об. Два брата (Т 9; стр. 328).

warqə timn'ia-n-d-nan elimad-la-t nietu-a.
большой брат-GEN-3SG.POSS-LOC2 ребенок-PL-PL отсутствовать-
3SG.sub

‘У старшего брата детей нет’.

Перейдем к рассмотрению отрицательного бытийного предиката *nietu* ‘нету’.

120 Центр.Сельк.Нарым. Сказка про крота и кротику (С 42; стр. 141).

qaj-Rəp-naj qaj-naj nietu.
что-LOC1-NPI что-NPI нету

‘Нигде ничего нет’.

121 Центр.Сельк.Нарым. (Т 14; стр. 117).

mat-qit kod-naj netu.

дом-LOC1 кто-NPI нету

‘В доме никого нет’.

Селькупский отрицательный бытийный глагол *nietu*- ‘отсутствовать’ возник из заимствованного русского отрицательного бытийного предиката *нету*. Мы предполагаем, что изначально русская лексема *нету* использовалась в селькупском при переключении кодов в процессе речевого общения. Затем данная лексема заимствуется в селькупскую речь – происходит лексическая интерференция. С фонологической точки зрения, судя по всему, данная лексема не подверглась фонологическим изменениям. С грамматической точки зрения данная лексема приняла на себя глагольную парадигму селькупского глагола и способность принимать некоторые деривационные и модальные суффиксы – проявляется схожесть со стандартным отрицательным бытийным глаголом *čangu*- ‘отсутствовать’. С точки зрения семантики у глагола появилось семантическое значение, в какой-то степени схожее со значением селькупского глагола *čangu*- ‘отсутствовать’. Имеющиеся примеры свидетельствуют об угасании парадигмы глагола, выраженной в отсутствии согласования глагола с субъектом действия. Также наблюдается параллельное использование лексемы *nietu* ‘нету’, которая, будучи заимствованной, не подверглась каким-либо изменениям и передает значение, эквивалентное русской лексеме *нету*.

В текстах фиксируется параллельное использование отрицательных бытийных предикатов *nietu*- ‘отсутствовать’, *nietu* ‘нету’ и *čangu*- ‘отсутствовать’. В некоторых случаях данные предикаты можно встретить в одном предложении. Относительно часто в предложениях записано по 2 лексемы *nietu*- ‘отсутствовать’, *nietu* ‘нету’/*čangu*- ‘отсутствовать’, одна из которых представлена в скобках (т. е., скорее всего, представляет альтернативный возможный вариант).

122 Центр.Сельк.Нарым. (С 65; стр. 147).

ti-nan wadze-l n'ietu, n'ajo-m čangu.

2PL-LOC1 мясо-(?POSS.2SG?) нету хлеб-(?POSS.1SG?) нету

‘У вас мяса нет, хлеба нет’.

123 Центр.Сельк.Нарым. Я в свою деревню приехал (С 65; стр. 102).

krom'e ma-nando kud-naj čaŋg-w-a

кроме 1SG-ABL2 кто-NPI отсутствовать-PRS-3SG.sub

(n'ietu-a).

отсутствовать-3SG.sub

‘Кроме меня, никого нет’.

2.3.4 Сопоставительный анализ бытийного отрицания в анализируемых диалектах

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка наблюдается использование бытийных глаголов при утверждении и отрицательных бытийных глаголов и предикатов при отрицании. Результаты сопоставительного анализа в анализируемых диалектах обоих языков представлены в таблице № 9.

Таблица № 9. Бытийное отрицание

Хантыйский язык		Селькупский язык			
Ваховский и васюганский диалекты		Центральные и южные диалекты			
Утверждение и отрицание в настоящем времени					
Бытийный глагол/копул a wəl- ‘быть’	Отрицательный бытийный предикат <i>əntim</i> : 1) в большинстве случаев не согласуется с подлежащим 2) иногда может принимать предикативный суффикс единственного числа - <i>äki</i> и суффикс множественного числа - <i>ätə</i>	Бытийный глагол/копула <i>e</i> :- ‘быть’	1) Отрицательный бытийный глагол <i>śāŋku</i> - ‘отсутствовать’ 2) В ряде случаев <i>śāŋku</i> - ‘отсутствовать’ в 3-м л. ед. ч. перестает согласовываться с субъектом действия	Нарымский и среднеобской диалекты – отрицательны й бытийный глагол <i>n’etu</i> - ‘отсутствоват ь’	Нарымский и среднеобской диалекты – отрицательны й бытийный предикат <i>n’etu</i> ‘нету’
Асимметрия при утверждении и отрицании в настоящем времени		Асимметрия при утверждении и отрицании в настоящем времени			
Утверждение и отрицание в прошедшем времени					
Бытийный глагол/копула <i>wəl</i> - ‘быть’ в форме прошедшего времени	Отрицательный бытийный предикат <i>əntim</i> + вспомогательный глагол <i>wəl</i> - ‘быть’ или <i>jə</i> - ‘становиться’ в форме прошедшего времени	Бытийный глагол/копула <i>e</i> :- ‘быть’ в форме прошедшего времени	Отрицательный бытийный глагол <i>śāŋku</i> - ‘отсутствовать’ в форме прошедшего времени	Нарымский и среднеобской диалекты – отрицательный бытийный глагол <i>n’etu</i> - ‘отсутствовать’ в форме прошедшего времени	—
Асимметрия при отрицании в настоящем и прошедшем времени		Симметрия при отрицании в настоящем и прошедшем времени			
Асимметрия при утверждении и отрицании в прошедшем времени		Асимметрия при утверждении и отрицании в прошедшем времени			

Согласно основным стратегиям отрицания в рассматриваемых диалектах обоих языков в бытийных конструкциях наблюдается асимметрия при утверждении и отрицании в настоящем времени. В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка в утвердительных конструкциях используется копула, проявляющая себя как финитный глагол со значением 'быть', в отрицательных конструкциях – отрицательный бытийный предикат *əntim*, который в большинстве случаев не согласуется с подлежащим, однако иногда может принимать предикативный суффикс единственного числа *-äki* и суффикс множественного числа *-äta*

В центральных и южных диалектах селькупского языка в утвердительных предложениях используется копула, проявляющая себя как обычный финитный глагол, в отрицательных – отрицательный бытийный глагол *čāŋku-*.

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка для отрицания в прошедшем времени используется специальная аналитическая конструкция, состоящая из отрицательного бытийного предиката *əntim* и вспомогательного глагола, несущего на себе основные глагольные суффиксы *wəl-* 'быть' или *jə-* 'становиться'. Бытийное отрицание настоящего и прошедшего времен является асимметричным по отношению друг к другу. Бытийное отрицание в прошедшем времени также асимметрично утвердительным бытийным конструкциям в прошедшем времени.

В центральных и южных диалектах селькупского языка для отрицания в настоящем и прошедшем времени используются одинаковые отрицательные бытийные глаголы, маркированные разными временными суффиксами. Стратегия бытийного отрицания в настоящем времени симметрична стратегии отрицания в прошедшем времени.

При отрицании бытийных конструкций с альтернативным вопросом в обоих языках используются преимущественно отрицательные бытийные предикаты.

Появление стандартной частицы отрицания с утвердительным бытийным предикатом является довольно редким явлением в обоих языках.

Согласно типологии бытийных конструкций У. Крофта [Croft 1991], на основе использования в них отрицания и проведенного нами исследования ваховский, васюганский диалекты хантыйского языка, центральные и южные диалекты селькупского языка можно отнести к группе В (стратегии бытийного и стандартного отрицания различаются). Однако в обоих языках встречаются редкие примеры использования конструкций с маркером стандартного отрицания и глагола-копулы при экзистенциональных конструкциях – типологическая группа А. Также в некоторых южных диалектах селькупского языка в редких случаях наблюдается типологическая группа С (бытийное отрицание (хоть и находясь в 3-м л. ед. ч. *éāŋku*- ‘отсутствовать’) совпадает с маркером, используемым для отрицания глагольных предикатов).

Отрицательный бытийный предикат *éāŋku*- ‘отсутствовать’ в одном случае, находясь в 3-м л. ед. ч., грамматикализовался в отрицательную частицу, в другом случае, находясь преимущественно в 3-м л. ед. ч., перестал согласовываться с субъектом в лице и числе.

При интенсивном контактном взаимодействии в селькупский язык проникают элементы русского языка на всех языковых уровнях. Одним из таких элементов является русский отрицательный бытийный предикат *нету*. В результате в нарымском диалекте и относительно редко в среднеобском диалекте селькупского языка наблюдается использование отрицательного бытийного глагола *n'etu*- ‘отсутствовать’, который принял парадигму селькупского глагола, а также способность принимать некоторые деривационные и модальные суффиксы. В ряде случаев данный глагол сузил свою парадигму, выраженную в отсутствии согласования глагольных суффиксов с субъектом действия. В данных диалектах также отмечается использование отрицательного бытийного предиката *n'etu* ‘нету’, который, будучи заимствованным, не подвергся каким-либо изменениям со стороны селькупского языка.

2.4 Отрицательные местоимения и наречия

В данном разделе будет рассмотрено отрицание местоимений и наречий в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка. Под неопределенными отрицательными местоимениями и наречиями мы будем понимать неопределенные местоимения и наречия, важной функцией которых является прямое отрицание. Мы будем различать два типа отрицательных местоимений и наречий: 1) самостоятельные отрицательные местоимения и наречия, которые появляются в эллиптическом контексте самостоятельно, без дополнительного отрицания (NEG.Adverb/Pronoun); 2) несамостоятельные отрицательные местоимения и наречия, которые появляются в эллиптическом контексте с дополнительным отрицанием. Данные местоимения и наречия формируются при помощи соответствующих клитик (Adverb/Pronoun+CLIT(NPI)+NEG = NEG.Adverb/Pronoun). Проанализировав теоретические подходы к определению клитики в трудах М. Хаспельмата и А. Симс [Haspelmath et al. 2010: 197–203], а также С. Андерсона и А. Цвики [Anderson, Zwicky 2003: 325–328] мы будем понимать под клитиками элементы, присоединяющиеся к опорному слову/группе (*host word*), обладающие одновременно свойствами отдельного слова и суффикса [Там же].

2.4.1 Отрицание при вопросительных и неопределенных местоимениях и наречиях в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка

В данной части рассматривается отрицание при местоимениях и наречиях в васюганском и ваховском диалектах хантыйского языка. В анализируемых диалектах хантыйского языка, как и в некоторых других диалектах хантыйского языка, не существует самостоятельных отрицательных местоимений или наречий, а отрицание выражается с помощью специальных конструкций, состоящих из соответствующего вопросительного или неопределенного местоимения или

наречия, маркера отрицательной полярности / эмфатической клитики *-pə*¹⁵, а также маркера отрицания: стандартного *əntə*, императивного *äl* или бытийного *əntím*. Кроме того, можно ожидать использования местоимений и наречий отрицательной полярности с отрицательным вспомогательным глаголом *koř-/kür-* ‘не смочь/быть не способным’, однако отсутствие в нашем распоряжении примеров не позволяет делать подобное заключение. Ниже приведены примеры конструкций с отрицательными местоимениями и наречиями.

124 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 002; стр. 21).

qoji-p əntə jəl-äyi qat-a.

кто-NPI NEG идти-PST0.3SG изба-ILL

‘Никто не входил в дом’.

125 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 4; стр. 93).

qoj-á-pa ä!l tolq-á tšì

кто-ILL-NPI NEG.IMP рассказывать-IMP.2SG этот.INVIS.PROX

köl.

история

‘Никому не рассказывай эту историю!’

126 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 9; стр. 77).

qo-p əntím jomántšəy.

где-NPI NEG_{EX} ягода

‘Нигде нет ягоды’.

В обоих диалектах можно выделить базовые местоимения: вопросительные – *qóji* ‘кто (что), чей’, *məyöli* ‘что’ и соответствующие отрицательные местоименные конструкции¹⁶ – *qóji-pə əntə* ‘никто, ничей’, *mätáli-pə əntə* ‘ничто’. Отдельно необходимо выделить неопределенное местоимение *mätáli* ‘что-то’, входящее в состав отрицательной местоименной конструкции *mätáli-pə əntə* ‘ничто’.

¹⁵ Клитика *-pə* имеет соответствующие алломорфы и может передаваться как *-p*, *-pə*, *-pa* или *-pä*.

¹⁶ Здесь и далее все подобные конструкции, представленные вне контекста, приводятся в эллипсе.

127 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 5; стр. 86).

qóji tat árəy-wəl?

кто там петь-PRS.3SG

‘Кто там поет?’

128 Вост.Хант.Вас. № 141 [Аннот. фолькл. тексты 2010: 99].

no iwän-ä miyuli mas-wəl?

но Иван-ILL что надо-PRS.3SG

‘А Ивану что надо?’

129 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 12; стр. 102).

stól-nə áməs-qás qóji-p əntə sōyuntəyəl-mə n'äni.

стол-LOC сидеть-PST3.3SG кто-NPI NEG трогать-PP хлеб

‘На столе лежал никем не тронутый хлеб’.

130 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 007; стр. 17).

mätäli-p əntə kəl-t-äyi.

что-то-NPI NEG виднеться-TR-PST0.3SG

‘Ничего не было видно’.

Местоимение *mätäli* ‘что-то’, в отличие от предыдущих местоимений, изначально является неопределенным и образуется от местоимения *mätä* ‘что-то, какой-то’, осложненного суффиксом *-li* ‘DIM’.

131 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 26; стр. 24).

mätä onəl-ta-l qəsi tolqo mən-wəl.

что-то знать-IMPP-3SG человек только идти-PRS.3SG

‘Что-то знающий человек только пройдет’.

132 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 11; стр. 88).

qírəy-nə mätäli äł-wəl.

мешок-LOC что-то таскать-PRS.3SG

‘В мешке что-нибудь таскает’.

Местоимение *məyöli* ‘что, какой, чей’ образуется от местоимения *məyi* ‘что, как, какой’ + суф. *-li* ‘DIM’. В васюганском диалекте также можно выделить еще одну форму *məyöläli* ‘что, какой, чей’.

133 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 1; стр. 95).

miyü *toyí-j-á* *mən-s-en?*

какой место-EP-ILL идти-PST2-2SG

‘В какое место пошел (ты)?’

134 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 3; стр. 21).

miyul'i-үәт *ari-j-ayí.*

что-INDEF ломать-EP-PST0.3SG

‘Что-то сломалось’.

135 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 5; стр. 17).

miyöläli ‘что’ (не найден пример в предложении).

Вопросительные (и неопределенные) местоимения и местоимения отрицательной полярности склоняются по падежам так же, как и личные местоимения и существительные. Ниже приведены примеры склонения данных местоимений в комитативе (COM примеры 136, 137), иллативе (ILL примеры 138, 139), пролативе (PROL примеры 140, 141), локативе (LOC примеры 142, 143) и транслативе (TRNSL примеры 144, 145):

136 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 8; стр. 88).

qoj-na *jüü* *jóүә-wəl?*

кто-COM 3SG ругаться-PRS.3SG

‘С кем он ругается?’

137 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 10; стр. 88).

jüü *qój-na-p* *əntím.*

3SG кто-COM-NPI NEG.EX

‘Его ни с кем нет’.

138 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 1; стр. 101).

qój-a *nüñ* *kní/ka* *mə-үás-in?*

кто-ILL 2SG книга давать-PST3-2SG/SG

‘Кому ты дал книжку?’

139 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 2; стр. 88).

mä qoj-á-p antə mə-ʁál-em (qul).

1SG кто-ILL-NPI NEG давать-PST1-1SG рыба

‘Я никому не давал рыбу’.

140 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 3; стр. 101).

qój-oy nünj nän^j wə-ʁás-ən?

кто-PROL 2SG хлеб взять-PST3-2SG

‘У кого (от кого) ты взял хлеб?’

141 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 4; стр. 101).

mä qój-oy-p antə wə-l-ém nän^j.

1SG кто-PROL-NPI NEG взять-PRS-1SG хлеб

‘Я ни у кого (от кого) не беру хлеб’.

142 Вост.Хант.Вас. [Gulya 1966: 83].

moʃoʃi-nə put wer-w-ən?

что-LOC еда делать-PRS-2SG

‘В чем ты готовишь?’

143 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 13; стр. 102).

qój-nə-p antə nän^j wəl-qál.

кто-LOC-NPI NEG хлеб быть-PST1.3SG

‘Ни у кого не было хлеба’.

144 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 8; стр. 101).

tōʁar miʁulí-qam-óʁ jəwəʁt-ǎʁi.

заяц что-INDEF-TRL изменяться-PST0.3SG

‘Заяц во что-то превратился’.

145 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 19в; стр. 90).

a tʃi mətáli-qa-p antə

а этот-INVIS.PROX что-то-TRNSL-NPI NEG

jə-ʁ-ǎʁi.

становиться-EP-PST0.3SG

‘А этот никем (ничем) не стал’.

Рассматривая ваховский диалект, Я. Гуйя отмечает, что вопросительные местоимения, а также наречие *qot* ‘где’ имеют 3 числа: единственное, двойственное и множественное [Gulya 1966: 82, 85].

Следует упомянуть 2 случая использования местоимения *möyöli* ‘что, какой’ (в васюганском диалекте) в отрицательной местоименной конструкции в качестве местоимения отрицательной полярности. Эти примеры отмечаются только в изолированных словниках. Примеры в естественном контексте отсутствуют, что не позволяет нам в данный момент делать дальнейших выводов: *möyöli-pä äntá* ‘никакой’, *möyöli-pä äntím* ‘никак нет’.

В обоих диалектах хантыйского языка можно выделить пространственно-временные наречия и соответствующие отрицательные наречные конструкции, также зафиксированные в виде форм, склоняемых по падежам (приведенные примеры не представляют исчерпывающий список):

1) *qúntá* ‘когда’, *qot (qo)* ‘где’, *qolpá* ‘куда’, *qolál* ‘откуда’;

2) *qúntá-pä äntá* ‘никогда’, *qo-pä äntá* ‘нигде’, *qol-pä äntá (qolpá-pä äntá)* ‘никуда’, *qol-pä äntá* ‘ниоткуда’.

146 Вост.Хант.Вах. [Gulya 1966: 85].

nöŋ kunt-oŋ tə wäl-w-ən?

2SG когда-PROL здесь жить-PRS-2SG

‘С каких пор ты здесь живешь?’

147 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 8; стр. 2).

tem ämp quntá-p äntá u-wäl .

этот.VIS.PROX собака когда-NPI NEG лаять-PRS.3SG

‘Эта собака никогда не лает’.

148 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 5; стр. 21).

qo nüŋ wäl-s-ən?

где 2SG быть-PST2-2SG

‘Где ты был?’

149 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 7; стр. 22).

jüy qo-p əntim .

3SG где-NPI NEG.EX

‘Его нигде нет’.

150 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 3а; стр. 72).

qol-pá mən-ǎyi jüy, qol-pá?

куда-ALL идти-PST0.3SG 3SG куда-ALL

‘Куда ушел он, куда?’

151 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 9; стр. 22).

mä qol'-p əntə mən-l-əm.

1SG откуда-NPI NEG идти-PRS-1SG

‘Я никуда не иду’.

152 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 17; стр. 78).

qol-pá-p əntə mən-l-əm.

куда-ALL-NPI NEG идти-PRS-1SG

‘Никуда не пойду’.

153 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 10; стр. 22).

qol'-al nüñ jü-wən?

куда-EL 2SG приходить-PRS.2SG

‘Откуда ты идешь?’

154 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 11; стр. 22).

mä qol'-p əntə jəl-l-əm.

1SG откуда-NPI NEG идти-PRS-1SG

‘Я ниоткуда не иду’.

Выделим следующие бинарные оппозиции местоимений и местоименных прилагательных. В эллиптическом контексте они будут выглядеть следующим образом: *mətkurá* (*mətá-kurá*) ‘сколько’, *mətkurá-pə əntə* ‘несколько’; *muýáləŋ* (*muýá-áləŋ*)¹⁷ ‘какой’, *muýáləŋ-pə əntím* ‘никакого нет’.

¹⁷ *muýá-áləŋ* ‘что, как, какой’ + ?’

155 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 4а; стр. 77).

mət-kurá nū-əŋ láŋki?

что-то-APROX 2SG-LOC белка

‘Сколько у тебя белок?’

156 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 6; стр. 77).

mǎ-nə mətǎ-kurǎ-p əntím.

1SG-LOC что-то-APROX-NPI NEG.EX

‘У меня нисколько нет’.

157 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 32; стр. 79).

muýáləŋ qátfəm jəŋk jənqá-wəŋ nūŋ.

какой горячий вода любить-PRS.2SG 2SG

‘Какой ты любишь суп?’

158 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 33в; стр. 80).

mǎ-nə muýáləŋ-p əntím qátfəm jəŋk.

1SG-LOC какой-NPI NEG.EX горячий вода

‘У меня нет никакого супа’.

Для васюганского диалекта также отмечены следующие формы местоимений, выполняющих функции наречий или прилагательных и соответствующих отрицательных конструкций: *muýínə* (*muýí-nə*) ‘как, какой’, *muýínə-p əntím* ‘никак нет’; *mətánəl-p əntím* (*mətá-nəl-p*)¹⁸ ‘ни за что, никак нет’ – нет примера оппозиции.

159 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 14; стр. 22).

muýí-nə wer-tǎ tǐ alan.

что-LOC делать-INF этот.INVIS.PROX дело

‘Как это можно сделать?’

160 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 26; стр. 79).

muýí-nə-p əntə onl-áyí.

что-LOC-NPI NEG узнать-PST0.3SG

‘Никак не умеет (знает)’.

¹⁸ *mətá-(nə-l)-p* ‘какой-то-(LOC-?)-NPI’

161 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 37; стр. 80).

mátánəl-p əntə jənqá-l-im jüy-a.
совсем-NPI NEG любить-PRS-1SG/SG 3SG-ILL

‘Никак не люблю его’.

При отрицании местоименных прилагательных, например *mätä* ‘какой-то’ / *mätä-p əntə* ‘никакой’ или *muýáləŋ* ‘какой’ / *muýáləŋ-pə əntə* ‘никакой’ между его составными частями, например *mätä* ‘какой-то’ и *-p* ‘NPI’, *muýáləŋ* ‘какой-то’ и *-pə* ‘NPI’, может стоять существительное, к которому это отрицательное местоименное прилагательное относится. Это подтверждает гипотезу об использовании элемента *-pə* в качестве клитики.

162 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 006; стр. 1).

ämp u-y-anta-wəl mätä wajq-a.
собака лаять-INTR.RFL-PRS.3SG какой-нибудь зверь-ILL

‘Собака лает на какого-то зверя’.

163 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 33а; стр. 79).

mă-nə mətá sup p-əntím.
1SG-LOC какой-нибудь суп NPI-NEG.EX

‘А у меня нет никакого супа’.

164 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 33б; стр. 80).

mă-nə muýáləŋ qátfəm jáŋk p-əntím.
1SG-LOC какой горячий вода NPI-NEG.EX

‘У меня нет никакого супа’.

Помимо местоимений и наречий клитика / элемент отрицательной полярности *-pə* может присоединяться к числительному *əj* ‘один’, формируя оппозицию *əj-pə+əntə* ‘ни один’. Как и в случае с отрицательными местоименными прилагательными, между числительным *əj* ‘один’ и клитикой *-pə* ‘NPI’ может стоять существительное, к которому это числительное относится.

165 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 3; стр. 98).

tem qotl mā əj tōyər-pə əntə wel-qás-əm.

этот.VIS.PROX день 1SG один заяц-NPI NEG добывать-PST3-1SG
'Сегодня я не добыл ни одного зайца'.

166 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 6; стр. 98).

qánəl-nə əj sənki sem-p əntə qol-áyí.

берег-LOC один песок глаз-NPI NEG виднеться-PST0.3SG
'На берегу не видно ни одной песчинки'.

2.4.1.1 Способы отрицания при местоимениях и наречиях в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка

На данном этапе существует несколько подходов к анализу отрицательных местоимений и наречий.

А.Ю. Фильченко утверждает, что отрицание при местоимениях может происходить путем использования базовой (утвердительной) формы местоимения в конструкции с маркером отрицания, например стандартной отрицательной частицей или бытийным отрицательным сказуемым [Фильченко 2013: 79].

167 Вост.Хант.Вас. № 49 [Фильченко 2013: 79].

müyülinə wer-ta əntə onol-l-əm.

что-то делать-INF NEG знать-PRS-1SG
'Я ничего делать не умею'.

168 Вост.Хант.Вах. [Терешкин 1981: 276].

mä matä köl əntə at-qas-əm.

1SG какой слово NEG сказать-PST3-1SG
'Я не сказал ни слова'.

Также А.Ю. Фильченко отмечает, что существует класс примеров, в которых в контексте отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка используются формы с аффиксом/клитикой *-p/-əp/-pə*, которая

может быть проанализирована как эмфатический маркер фокуса [Фильченко 2013: 80].

169 Вост.Хант.Вас. № 53а [Терешкин 1981: 277].

mətäli-p *əntəm.*
что-то-CLIT NEG_{EX}
‘Ничего нет’.

170 Вост.Хант.Вас. [Фильченко 2013: 80].

rätʃ *tü-l-a* *taɣ-l-a* *läɣəm-ɣən* –
старик здесь-3SG-ILL там-3SG-ILL взглянуть-PST0.3SG
qoj-pə *əntəm.*
кто-EMPH NEGEX

‘Старик туда-сюда посмотрел – никого нет’.

Согласно исследованиям Е. Вертеш, в восточнохантыйских диалектах можно выделить как минимум два типа отрицания местоимений и наречий как с присутствием частицы *-p* ‘EMPH’, так и с ее отсутствием, причем, как отмечает Е. Вертеш, данная частица служит для усиления отрицания [Vertes 1967: 186–188].

171 Вост.Хант.Вах. [Vertes 1967: 187].

matä *kol* *əntə toləɣ-s-əm.*
какой-нибудь слово NEG рассказывать-PST2-1SG
‘Я ничего не сказал’.

172 Вост.Хант.Вах. [Vertes 1967: 187].

matä *kol-p* *əntə t(iɣətə)-s-əm.*
какой-нибудь слово-EMPH NEG рассказывать-PST2-1SG
‘Я не сказал ни слова’.

Также Е. Вертеш отмечает, что в восточнохантыйских диалектах отрицание может усиливаться числительным *əj* ‘один’, а иногда одновременно числительным *əj* ‘один’ и частицей *-pə* ‘EMPH’ (см. примеры 181, 182). Однако она не уверена, распространено ли усиление отрицания при местоимениях в ваховском и васюганском диалектах [Vertes 1967: 186, 187]. Анализируя данное явление, Е. Вертеш приводит следующий пример:

173 Вост.хант.вас. [Vertes 1967: 187].

əj *naŋroŋ-p* *əntim*.

один орех-ЕМРН NEG.EX

‘Нет ореха. (Нет ни одного ореха)’.

Существование данного типа отрицания для ваховского и васюганского диалектов при местоимениях также отмечает Л. Хонти. Он приводит два изолированных примера, иллюстрирующих данное явление в ваховском/васюганском диалекте *əj-mätäli-pə* ‘ничто’ и отдельно в ваховском *əntə (əj) mätäli-pə* ‘ничто не’ [Honti 1984: 76].

В примерах, подобных примеру 173, которые отмечаются повсеместно в ваховском и васюганском диалектах, числительное *əj* ‘один’ в контексте отрицания действительно создает дополнительную эмфатическую окраску. Что касается примеров, предложенных Л. Хонти, то нам не удалось обнаружить дополнительных примеров в проанализированном материале по ваховскому и васюганскому диалектам хантыйского языка.

Опираясь на работы по ваховскому диалекту Н.И. Терешкина [Терешкин 1961: 73] и Я. Гуйи [Gulya 1966: 87], содержащие примеры и анализ некоторых «отрицательных» местоимений и наречий, а также на архивные данные экспедиций лаборатории ЯНС ТГПУ и собственные полевые данные по васюганскому диалекту, мы предлагаем точку зрения, согласно которой отрицание местоимений и наречий происходит в процессе присоединения к вопросительным и неопределенным местоимениям и наречиям клитики / единицы отрицательной полярности *-pə* и при наличии отрицательной частицы или отрицательного предиката в предложении. В эллиптических конструкциях они имеют следующий вид: *qoji-pə əntə* ‘никто не’, *mätäli-pə əntə* ‘ничто не’. Данная стратегия отрицания прослеживается в подавляющем числе случаев и является основной.

При опросе наиболее активного носителя васюганского диалекта хантыйского языка, на вопрос о том, как он воспринимает, например, конструкцию *qoji əntə* ‘никто’ и другие похожие конструкции в роли

отрицательных конструкций вне контекста, он ответил, что эта конструкция «не до конца понятна, не закончена», и вместо них предлагал отрицательные конструкции с элементом *-pə*, например *qoji-pə əntə* ‘никто’.

Дистрибуция эмфатической клитики *-pə* довольно широка. Зарегистрированы примеры ее использования с такими элементами, как существительное, местоимение, наречие, глагол и маркер отрицания.

174 Вост.Хант.Вах. № 14 [Терешкин 1961: 100].

əŋki-m-pə ləy-ä köč at-wəl.

мать-1SG-EMPH 3SG-ILL хоть говорить-PRS.3SG

‘И мать ему говорит (даже)...’.

175 Вост.хант.вас. № 59 [Фильченко 2013: 81].

töyət wətf'-imt-γən tf'u rayəw jüy-näm-pə

огонь вспыхнуть-MMNT-PST0.3S DET сразу 3SG-REFL-EMPH

wətf'-imt-äγən.

вспыхнуть-MMNT-PST0.3SG

‘...огонь вспыхнул (и он) тут же сам вспыхнул’.

176 Вост.хант.вас. № 57 [Фильченко 2013: 80].

mərəm-pə təγə-j-nə mən-wəl-t wont

только-EMPH место-EP-LOC идти-PRS.3SG-PL лес

oyti sayi.

верхушка путь

‘Только в некоторых местах идут по гребню’.

177 Вост.Хант.Вах. [Gulya 1966: 95].

man-nə təγ tuy-a-s-i-pə.

1SG-LOC место носить-EP-PST2-PASS.3SG-EMPH

‘Я бы принес сюда/Мною была бы принесена’.

178 Вост.Хант.Вас. № 60 [Фильченко 2013: 81].

əntə-pə söyön təylä-äγən...

NEG-FOC сумка трогать-PST0.3SG

‘Даже не тронул сумку...’

Исходя из представленных данных можно предположить, что изначально отрицание местоимений или наречий происходило путем прибавления отрицательной частицы к вопросительному либо неопределенному местоимению или наречию, например *qoji + antə* ‘никто’, *mätäli + äntä* ‘ничто’, т. е. по стратегии, упомянутой А.Ю. Фильченко и Е. Вертеш. Затем, чтобы усилить отрицание (цикл Есперсена), в прагматических целях к местоимению или наречию стала прибавляться эмфатическая клитика *-pə*. Она закрепляется в данном окружении, и вся конструкция начинает использоваться в роли самостоятельного отрицательного местоимения или наречия *qoji-pə + antə* ‘никто’, *mätäli-pə + äntä* ‘ничто’.

Элемент *-pə* в данных конструкциях может условно быть назван элементом отрицательной полярности (NPI), который, соединяясь с соответствующим местоимением или наречием, превращает его в местоимение или наречие отрицательной полярности, не использующееся отдельно без маркера отрицания. Конструкция *qoji-pə antə*, как и другие подобные конструкции, воспринимается как единое целое (что подтверждается реакцией информантов), поэтому их самостоятельное использование будет выглядеть следующим образом, например, при ответах на вопросы: *Кто это? – Никто! (qoji-pə antə)*; *Где это? – Нигде! (qo-pə antə)* и т. д. На данном этапе в рассматриваемых диалектах хантыйского языка не существует самостоятельных отрицательных местоимений и наречий, однако, гипотетически, они могли бы сформироваться в процессе языковой эволюции (Цикл Есперсена) в последующем из местоимений и наречий отрицательной полярности (см. разделы 1.3, 1.6).

Итак, на основе проанализированных нами данных можно предположить, что на определенном временном срезе зафиксированы две стратегии отрицания местоимений и наречий: 1) отрицание путем использования базовой (утвердительной) формы местоимения или наречия в конструкции с маркером отрицания (маргинальная стратегия); 2) отрицание путем присоединения к базовой (утвердительной) форме местоимения или наречия клитики / единицы отрицательной полярности в конструкции с маркером отрицания (основная

стратегия). Данная картина полностью соответствует эволюционному процессу формирования отрицательных местоимений и наречий – циклу Есперсена, при котором одновременно возможны несколько стратегий отрицания, причем, как правило, в результате изменений одна стратегия постепенно сменяется другой.

2.4.1.2 Похожие явления в других восточных диалектах хантыйского языка

Помимо васюганского и ваховского диалектов хантыйского языка, сходные явления можно наблюдать и в других восточных диалектах.

Например, в тром-юганском говоре сургутского наречия хантыйского языка, согласно примерам, отрицание при местоимениях может быть как с клитикой отрицательной полярности, так и без нее. Также при отрицании местоимений часто отмечается использование числительного один в качестве элемента, усиливающего отрицание [Vertes 1967: 186–188].

179 Вост.Хант.Тром-юган. [Терешкин 1981: 277].

əj mətali əntəm.

один что-то NEG.EX

‘Нет ничего’.

180 Вост.Хант.Тром-юган. [Терешкин 1981: 277].

əj mətali-pə əntə wu-l-əm.

один что-то-NPI NEG знать-PRS-1SG.

‘Я ничего не знаю’.

Б. Вагнер-Надь, обсуждая отрицание в сургутском диалекте хантыйского языка, утверждает, что клитика *-pə* часто появляется в отрицательных предложениях, а также появляется и в других диалектах. Данная клитика *-pə* может образовывать отрицательные эквиваленты наречий и местоимений и, как правило, сопровождается частицей отрицания в предложении [Wagner-Nagy 2011: 77].

181 Вост.хант. Сургутский диалект. № 62 [Csepregi 1998: 41; цит. по: Wagner-Nagy 2011: 77].

wiči=pə *əntə* *ɛŋkrəmtə-l*
всегда=CLIT NEG смотреть-PRS.3SG
‘Она никогда не смотрит’.

Также Б. Вагнер-Надь, ссылаясь на наблюдения М. Чепреги¹⁹, приводит пример, где клитика *-pə* появляется в предложении без частицы отрицания, реанализируется в маркер отрицания [Wagner-Nagy 2011: 77, 78]. Она анализирует такое развитие маркера эмфатики в маркер отрицания, как пример цикла Есперсена, выделяя данное явление как не типичное для хантыйского, но засвидетельствованное во многих индоевропейских языках [Wagner-Nagy 2011: 78].

182 Вост.хант. Сургутский диалект. № 63 [Csepregi 1998: 41; цит. по: Wagner-Nagy 2011: 78].

qu-jə-l=pə *lŭwnam* *qət-nə* *wăłł*.
человек-EP-2SG_{РХ}=CLIT его/ее дом-LOC быть.3SG
‘У нее нет мужа (дома)’.

Рассмотренные явления позволяют нам сделать выводы о том, что, помимо васюганского и ваховского, и в других восточных диалектах хантыйского языка происходят процессы грамматикализации отрицательных местоимений и наречий – цикл Есперсена. Эти данные позволяют прогнозировать дальнейшее направление развития местоимений и наречий в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка.

2.4.2 Отрицание при вопросительных местоимениях и наречиях в центральных и южных диалектах селькупского языка

Данный раздел работы посвящен проблеме выявления и описания основных стратегий отрицания при местоимениях и наречиях в центральных и южных

¹⁹ Csepregi Marta 1998: Szurguti osztjak chrestomathia. Studia Uralo-Altaica Supplementum 6, Finnugor Tanszek, Szeged., s. 41.

диалектах селькупского языка. Все последующие маркеры отрицания, маркеры падежей, вопросительные и отрицательные местоимения и наречия имеют свои внутридиалектные и междиалектные алломорфы и особенности. В некоторых случаях местоимения и наречия могут нести дополнительные форманты в своем составе. Некоторые падежи, маркеры и стратегии отрицания могут прослеживаться только в определенных диалектах.

Вопрос о существовании самостоятельных отрицательных местоимений и наречий, используемых как самостоятельные элементы в эллиптических конструкциях и выполняющих только функцию отрицания, является достаточно сложным. Изначально нужно сказать, что в некоторых диалектах селькупского языка уже существуют самостоятельные отрицательные местоимения и наречия, в то время как в других – нет.

Отрицание при местоимениях и наречиях в центральных и южных диалектах селькупского языка демонстрирует определенную схожесть – наличие клитики *-naj*, примыкающей к соответствующему вопросительному местоимению или наречию, сопровождающемуся маркером отрицания в предложении. Отрицание местоимений и наречий в северных диалектах селькупского языка происходит по другой стратегии – без использования клитики *-naj* [Кузнецова и др. 1980: 298, 299], которая будет обсуждаться далее (см. раздел 2.4.4). Отрицательные местоимения с элементом *-naj* в своем составе в северных диалектах встречаются очень редко и являются периферийным, возможно, более древним явлением. Существуют и определенные различия между центральными и южными диалектами селькупского языка, речь о которых пойдет ниже.

Перед тем как перейти к обсуждению отрицания при местоимениях и наречиях, в силу того, что при их использовании в предложении они требуют после себя дополнительный маркер отрицания (в южных диалектах, в частности, может происходить слияние стандартного маркера отрицания и соответствующего местоимения или наречия, оформленного клитикой *-naj*), необходимо еще раз упомянуть, что основные маркеры отрицания, которые используются повсеместно во всех диалектах селькупского языка, часто имеют

соответствующие диалектные алломорфы. Ими являются: стандартное отрицание *aśa* ‘NEG’, императивное/оптативное отрицание *ikə* ‘NEG.IMP/NEG.OPT’, бытийное отрицание *ćāŋku-* ‘отсутствовать’ [Alatalo 2004: 38, 35, 224]. В нарымском и среднеобском диалектах может использоваться отрицательный бытийный глагол *nietu-* ‘отсутствовать’, а также отрицательный бытийный предикат *nietu* ‘нету’. Все отрицательные местоимения и наречия могут использоваться и с модальным отрицательным глаголом *ćedal-* ‘не мочь, не уметь’.

2.4.2.1 Основные стратегии отрицания при местоимениях и наречиях в центральных диалектах селькупского языка

В центральных диалектах селькупского языка уже существуют самостоятельные отрицательные местоимения и наречия одновременно с местоимениями и наречиями отрицательной полярности.

Зависимые отрицательные местоимения и наречия (отрицательные местоименные и наречные конструкции) образуются на базе вопросительных местоимений и наречий с клитикой *-naj*²⁰, образуя единицу отрицательной полярности, и требуют дополнительного прилагательного отрицания в предложении. Клитика *-naj* может быть проинтерпретирована как эмфатический элемент (EMPH), со ссылкой на эмфатическую частицу *naj* [Alatalo 2004: 31], например *qaj ne: [aʒa]* ‘ничего’ [Alatalo 2004: 31]. Эта же клитика может быть проанализирована и как единица отрицательной полярности (NPI), использующаяся для формирования местоимений и наречий отрицательной полярности. Рассмотрим некоторые примеры использования данной стратегии:

183 Центр.Сельк.Нарым. (С 65; стр. 150).

tau ma:t kudi-n-nej-a.

этот дом кто-GEN-NPI-NEG

‘Этот дом ничей’.

²⁰ Данная клитика имеет соответствующие алломорфы, обусловленные фонетическими изменениями: *-naj*, *-nna*, *-na*, *-n* и т. д.

184 Центр.Сельк.Вас. Сказка про лесного и старуху (С 61; стр. 174).

tab qai-m-naj aya kadi-ku-d.

3SG что-ACC-NPI NEG сказать-НАВ-3SG.ob

‘Она ничего не говорит’.

В центральных диалектах селькупского языка также существуют самостоятельные отрицательные местоимения и наречия. Скорее всего, они являются результатом русского контактного влияния или результатом естественных языковых изменений. Обсуждение данного вопроса последует ниже. Приведем ряд примеров, иллюстрирующих данный феномен:

185 Центр.Сельк.Вас. (С 61; стр. 8).

tau mat kudi-n-naj?

этот дом чей-GEN-NEG

‘Этот дом ничей?’

186 Центр.Сельк.Нарым. (SelNeg2; стр. 1).

kud-naj.

кто-NEG

‘Никто’.

Такие примеры, как 185, встречаются достаточно редко, так как довольно сложно обнаружить отрицательные местоимения или наречия в эллиптическом контексте (наблюдается отсутствие предиката). Пример 186 является результатом целенаправленной элиситации. Все полученные нами отрицательные местоимения и наречия (от одного информанта) следуют данному образцу²¹.

В примерах 187 и 188 не наблюдается согласование отрицательных местоимений с отрицательными предикатами. Данные примеры не типичны.

²¹ К сожалению, далее получать точную информацию от носителей центральных диалектов селькупского языка не представляется возможным. На данный момент нам известно только об одном «компетентном» в языковом плане носителе центральных диалектов. Язык данного информанта отчасти является результатом ревитализации, основанной на академических ресурсах. Этот информант продуцирует примеры местоимений и наречий в эллиптическом контексте, которые являются самостоятельными отрицательными местоимениями и наречиями. Вероятнее всего, в данном случае имеет место семантическое калькирование, при котором семантика русских отрицательных местоимений и наречий калькируется на селькупские местоимения и наречия отрицательной полярности.

187 Центр.Сельк.Нар. (С 65; стр. 154).

kuz̥a-nnaj̥ ʂot-ti kwaja-k.

когда-NEG лес-LAT1 ходить-IMP.2SG.sub

‘Никогда в лес не ходи’.

188 Центр.Сельк.Нар. (С 65; стр. 16).

tat tab-nando ku-nejkwaja:-k.

2SG 3SG-ABL2 куда-NEG ходить-IMP.2SG.sub

‘Ты от него никуда не отходи’.

Приведем примеры использования отрицания при местоимениях и наречиях в тымском, васюганском и нарымском диалектах.

189 Центр.Сельк.Вас. Рассказ охотника (С 61; стр. 12).

ku-naj̥ iɡi̯ koja-eʂ!

куда-NPI NEG.IMP ходить-IMP.2SG.sub

‘Никуда не ходи!’

190 Центр.Сельк.Тым. (Т 6; стр. 140).

huldʒiet kud-näj̥ ʧaŋg-a.

дома кто-NPI отсутствовать-3SG.sub

‘Дома никого нет’.

191 Центр.Сельк.Нарым. [Беккер и др. 1995б: 240]:

ʂündʲe:-yande kai-nai netu-w-a.

середина-LOC.POSS.3SG что-NPI отсутствовать-PRS-3SG.sub

‘Внутри ничего нет’.

192 Центр.Сельк.Нарым. Сказка про Черного царя (С 13; стр. 161).

načʲat qaj-naj̥ nʲetu.

там что-NPI нету

‘Там ничего нет’.

193 Центр.Сельк.Вас. Рассказ охотника (С 61; стр. 12).

qai-lʲ uɡu-m-naj̥ ko-ggu ʧedʒal-b-ak.

что-ADJz шапка-ACC-NPI найти-INF не.мочь-DUR-1SG.sub

‘Никакой шапки найти не могу’.

В нарымском диалекте селькупского языка обнаружено относительно большое количество примеров, в которых к соответствующему местоимению или наречию, оформленному клитикой *-naj*, может присоединяться элемент *a*, который может трактоваться как стандартная частица отрицания $-naj+a = -naja$. Альтернативно, элемент *-naja* может рассматриваться как алломорф клитики *-naj*.

194 Центр.Сельк.Нар. (С 61; стр. 18).

<i>tab</i>	<i>kodi-m-naj-a</i>	<i>harel-b-at.</i>
3SG	кто-ACC-NPI-NEG	запрячь-PSTN-3SG.Ob

‘Он никого не запряг’.

195 Центр.Сельк.Нар. (С 61; стр. 17).

<i>kud-(nej-a)</i>	<i>a</i>	<i>u-r-esp-a.</i>
кто- NPI/(NPI-NEG)	NEG	поплыть-CHAR-IPFV-3SG.sub

‘Никто не купается’.

Из вышесказанного следует, что в центральных диалектах селькупского языка отмечается использование самостоятельных отрицательных местоимений и наречий, а также предполагается использование местоимений и наречий отрицательной полярности, сопровождающихся маркерами отрицания. Мы предлагаем маркировать клитику *-naj* как элемент отрицательной полярности ‘NPI’ при вполне допустимой ее трактовке как отрицательной ‘NEG’. Подавляющее число примеров и отсутствие надежных диахронных данных не позволяют нам с уверенностью проследить диахроническое развитие данных местоимений и наречий или обнаружить подобные примеры в эллиптическом контексте у большого числа информантов (исходя из архивных данных).

2.4.2.2 Основные стратегии отрицания при местоимениях и наречиях в южных диалектах селькупского языка

В южных диалектах селькупского языка существуют местоимения и наречия отрицательной полярности, требующие дополнительного отрицания (несамостоятельные отрицательные местоимения и наречия). Для образования

данных местоимений и наречий используется клитика *-naj* ‘NPI’ (во многих случаях редуцированная до *-n*), присоединяемая к основам вопросительных местоимений и наречий и сопровождающаяся глагольным отрицанием либо маркером стандартного отрицания, сливающимся с соответствующим местоимением или наречием. Однако существуют примеры, где местоимения и наречия с клитикой *-naj* ‘NPI’ осложнены стандартной частицей отрицания и используются с дополнительным приглагольным отрицанием, что демонстрирует очевидное двойное отрицание и существование самостоятельных отрицательных местоимений и наречий. Южные диалекты представлены большим разнообразием форм выражения отрицания при местоимениях и наречиях. В данных одних и тех же информантов может встречаться все разнообразие вышеупомянутых стратегий.

В рассматриваемых южных диалектах отрицание местоимений и наречий может происходить по той же модели, что и в центральных диалектах селькупского языка: соответствующее местоимение или наречие оформляется клитикой и далее требует после себя отрицания при глаголе.

196 Юж.Сельк.Ср-об. (Т 10; стр. 150).

mat tınd-akto ku-naj aza qwan-dz-a.

1SG здесь-ABL2 куда-NPI NEG пойти-FUT-3SG.sub

‘Я отсюда никуда не пойду’.

197 Юж.Сельк.Сондр.гов. (Т 25; стр. 175).

tan kaj-m-ne as tas-s-it.

3SG кто-ACC-NPI NEG принести-PST-3SG.ob

‘Он никого не принес’.

198 Юж.Сельк.Кет. (Т 26; стр. 95).

kaj-na assä a:du-ŋ.

что-NPI NEG виднеться-3SG.sub

‘Ничего не видно’.

Согласно Э.Г. Беккер, в диалекте кетских сюсюкумов (кетский диалект) [Ильяшенко 1989: 158, 159] и, И.А. Ильяшенко, в верхнеобских говорах (сондровские говоры) [Беккер и др. 1995б: 178] отмечается тенденция к слиянию

форм отрицательного местоимения или наречия (в нашем понимании местоимения или наречия отрицательной полярности) с последующим маркером отрицания, например *kut'ti'a-n-assi* 'никуда', *qaj-n-assi* 'ничто', *qaj-m-n-assi* 'ничто' и т. д., которые представляют собой стяженную форму следующих формантов, например *qaj-n-assi* < *qaj-na-j-assi*. И.А. Ильяшенко отмечает, что данные словоформы являются формами отрицательных местоименных слов [Ильяшенко 1989: 158, 159].

199 Юж.Сельк.Кет. [Беккер и др. 1995б: 131].

man kut'ti'a-n-assi kwen-dz-aŋ.

1SG куда-NPI-NEG пойти-FUT-1SG.sub

‘Я никуда не пойду’.

По результатам проведенного нами исследования можно сказать, что данная стратегия наблюдается во всех проанализированных нами южных диалектах. Согласно второй стратегии, частица стандартного отрицания может сливаться с основой местоимения или наречия, оформленного соответствующей клитикой, и при этом не требуется дополнительного отрицания при глаголе в предложении.

200 Юж.Сельк.Ср-об. (Т 10; стр. 269).

az, awe-gi-n-t kai-m-n-aza kadä-k-ot.

отец мать-LAT-GEN-POSS.3SG что-ACC-NPI-NEG сказать-HAB-3SG.ob

‘Отцу, матери ничего не сказала’.

201 Юж.Сельк.Сондр.гов. (Т 24; стр. 222).

tan mekga kaj-m-n-äss nağur-ğū-z-al.

2SG 1SG.LAT что-ACC-NPI-NEG писать-HAB-PST-2SG.ob

‘Ты мне ничего не писал’.

202 Юж.Сельк.Кет. (С 65; стр. 194).

ter qutt'i'a-n-assi qödi-z.

3SG куда-NPI-NEG ходить-PST

‘Он никуда не бегал’.

По-видимому, частица стандартного отрицания в составе соответствующего местоимения или наречия относится к приглагольному отрицанию, так как возможны случаи, когда при наличии в предложении нескольких местоимений или наречий отрицательной полярности, появляется лишь один маркер отрицания, который, несомненно, должен относиться к отрицанию при глаголе, например:

203 Юж.Сельк.Кет. (Т 17; стр. 81) (см. пример 297).

<i>kuttə-m-na</i>	<i>kai-m-n-assi</i>	<i>kat-ku-t.</i>
кто-ACC-NPI	что-ACC-NPI-NEG	сказать-HAB-3SG.ob

‘Никто (никому) ничего не говорит’.

В кетском диалекте распространены случаи, когда частица стандартного отрицания может сливаться с основой местоимения или наречия, оформленного соответствующей клитикой, и согласовываться с дополнительным приглагольным отрицанием. Подобный пример был зафиксирован в сондровских говорах всего 1 раз, в среднеобском диалекте такие примеры не зафиксированы. Это демонстрирует двойное отрицание и существование самостоятельных отрицательных местоимений и наречий.

204 Юж.Сельк.Кет. (С 65; стр. 195).

<i>tebi-m</i>	<i>qaj-n-assi</i>	<i>assi addal-b-at.</i>
3SG-ACC	что-NPI-NEG	NEG обрадоваться-DUR-3SG.ob

‘Его ничто не радует’.

205 Юж.Сельк.Кет. (С 65; стр. 195).

<i>kudi-nni-n-assi</i>	<i>matta-m</i>	<i>ikki</i>	<i>nü-kke!</i>
кто-LAT2-NPI-NEG	дверь-ACC	NEG.IMP	открыть-IMP.2SG.sub

‘Никому дверь не открывай!’

206 Юж.Сельк.Сондр.гов. (Т 21; стр. 293).

<i>kud-n-äs</i>	<i>kiban'äza-m jass</i>	<i>jü-yul-g-attə.</i>
кто-NPI-NEG	ребенок-ACC	NEG тащить-MLTPL-HAB-3PL

‘Никто его (ребенка) не вытаскивает’.

Далее приведем пример использования отрицательного местоимения в эллиптическом контексте, где наблюдается отсутствие предиката:

207 Юж.Сельк.Кет. (С 65; стр. 195).

na ma:t kudi-n-n-assi.

это дом кто-GEN-NPI-NEG

‘Этот дом ничей’.

Данный пример показывает, что клитика *-naj*, редуцированная до *-n*, не является отрицательной, и отрицание данного местоимения происходит за счет «приклеившейся» частицы стандартного отрицания *assi*. Это позволяет нам рассматривать клитику *-naj* в подобных местоимениях и наречиях как единицу отрицательной полярности, появляющейся в контексте отрицания.

Подводя итоги исследования южных диалектов селькупского языка, следует сделать вывод о том, что, с одной стороны, имеются примеры, доказывающие наличие местоимений и наречий отрицательной полярности, сопровождающихся дополнительным маркером отрицания. С другой стороны, имеются примеры, демонстрирующие двойное отрицание и сформированность самостоятельных отрицательных местоимений и наречий.

2.4.2.3 Отрицательные местоимения и наречия в центральных и южных диалектах селькупского языка

В центральных и южных диалектах селькупского языка отрицательные местоимения и наречия уже были описаны И.А. Ильяшенко и В.В. Быконя [Беккер и др. 1995а: 129–133, 177–179]. Однако в рамках исследования нам необходимо рассмотреть их еще раз и дополнить существующий анализ.

Рассмотрим сначала основные вопросительные местоимения, обозначающие персону *kuti* ‘кто’ и вещь *qaji* ‘что (кто)’ [Alatalo 2004: 251, 252, 302], и соответствующие отрицательные местоименные конструкции *kuti-naj* +NEG ‘никто’, *qaj-naj* +NEG ‘ничто (никто)’. Местоимение, обозначающее вещь, имеет более широкую дистрибуцию, чем местоимение, обозначающее персону, и может также обозначать персону.

208 Центр.Сельк.Нарым. № 70 [Сказки нарымских селькупов 1996: 119].

kudi tö-ll-a, wes^j ab-di-mb-it!
кто прийти-FUT-3SG.sub все еда-VBLz-DUR-IMP.2SG.ob
'Кто придет, всех накорми!'

209 Юж.Сельк.Кет. Снежная девочка (С 56; стр. 63).

nadek me-ʒp-ad qaj nada ma:t-qit.
девочка сделать-IPFV-3SG.ob что нужно дом-LOC1
'Девочка делает, что надо дома'.

210 Центр.Сельк.Вас. Сказка про мальчика (С 61; стр. 249).

kudi-nnaj miznit aya kondzir-n-ad.
кто-NPI 2PL.ACC NEG видеть-PRS-3SG.ob
'Никто нас не видит'.

211 Центр.Сельк.Нарым. Сказка про брата и сестру (С 65; стр. 64).

qaj-naj a: a:d-a.
что-NPI NEG виднеться-3SG.sub
'Ничего не видно'.

Вопросительные и отрицательные местоимения могут принимать суффикс двойственного *-qi, -ja, -štja* или множественного числа *-t, -n, -la*.

212 Центр.Сельк.Вас. [Беккер и др. 1995б: 110].

kude-R poRin ning-aR.
кто-DU на.улице стоять-3DU.sub
'Кто-двое на улице стоят'.

213 Центр.Сельк.Нарым. [Беккер и др. 1995б: 132].

man on-ek pel-galk warg-ak, kudi-la-naj
1SG REFL-NOM.1SG половина-CAR жить-1SG.sub кто-PL-NPI
nietu.
нету
'Я одна живу, никого многих нет'.

Вопросительные и отрицательные местоимения могут нести на себе суффиксы посессивности.

214 Центр.Сельк.Нарым. [Беккер и др. 1995б: 114].

<i>qajo-l</i>	<i>e-j-a,</i>	<i>iyi</i>	<i>edir-t...</i>
что-POSS.2SG	быть-PRS-3SG.sub	NEG.IMP	бережь-3SG.ob

‘Что твое есть, не жалея...’

215 Юж.Сельк.Ср-об. [Беккер и др. 1995б: 133].

<i>tanap</i>	<i>qajo-l-naj</i>	<i>n'etu.</i>
2SG-LOC2	что-POSS.2SG-NPI	нету

‘У тебя ничего твоего нет’.

Перед тем как перейти к дальнейшему рассмотрению местоимений и наречий отметим, что образование наречий может происходить при помощи: 1) местоимения, означающего вещь *qaj* ‘что’, осложненного падежными показателями; 2) местоименной основы *ku*, осложненной дополнительными формантами и падежными показателями. Могут одновременно встречаться семантически сходные наречия, образованные от разных основ. Специфика местоимений и наречий зависит от диалектных особенностей языка.

Представленные вопросительные и отрицательные местоимения склоняются по падежам, так же как и личные местоимения (и существительные), например: в аккузативе (ACC примеры 216–219), генитиве (GEN примеры 220, 221), локативе (одуш.) (LOC2) и локативе-аблативе (LOC.ABL примеры 222–224), лативе (одуш.) (LAT2 примеры 225, 226), комитативе-инструментативе (COM.INSTR примеры 227–230).

216 Центр.Сельк.Вас. Сказка про мальчика (С 61; стр. 247).

<i>tat</i>	<i>kudi-p</i>	<i>tadi-mb-and.</i>
2SG	кто-ACC	привести-PSTN-2SG.sub

‘Ты кого привел?’

217 Юж.-Центр.Сельк.Кет.-Тым. Дом зайца (С 56; стр. 59).

qanaŋ ma:də-p ače-ʃp-ad, qu:di-naja-p a:
собака дом-ACC охранять-IPFV-3SG.ob кто-NPI-ACC NEG
ü:də-ku-t.

пустить-HAB-3SG.ob

‘Собака дом караулит, никого не пускает’.

218 Центр.Сельк.Вас. Сказка про мальчика (С 61; стр. 256).

tab qaj-m mʲe-ll-a mas-se?
3SG что-ACC сделать-FUT-3SG.sub 1SG-COM.INSTR

‘Она что сделает со мной?’

219 Юж.Сельк.Ср-об. (С 58; стр. 58).

tat pokk-la-n-d-ze mat kaj-m-naj
2SG сеть-PL-GEN-POSS.3SG-COM.INSTR 1SG что-ACC-NPI
aza kwan-n-ap.

NEG добыть-PRS-1SG.ob

‘Твоей сетью я ничего не поймал’.

220 Центр.Сельк.Вас. [Беккер и др. 1995б: 112].

kudi-n adia-t i amba-t, nelgu-t ili
кто-GEN отец-POSS.3SG и мать-POSS.3SG жена-GEN или
tebe-t?

муж-GEN

‘Чьи родители, жены или мужа?’

221 Юж.Сельк.Сондр.гов. [Ильяшенко 1989: 161] (см. пример 265).

taw ant kudi-n-naj.
эта лодка кто-GEN-NEG

‘Эта лодка ничья’.

222 Юж.Сельк.Кет. (Юрты Широковы) [Беккер и др. 1995б: 112].

tat kudi-n-nan kwili-p taw-al?
2SG кто-GEN-LOC2 рыба-ACC купить-2SG.ob

‘Ты у кого рыбу купил?’

223 Центр.Сельк.Вас. № 79 [Сборник. аннот. текстов 2 2012: 94].

tat čad kudi-n-nan-naj t'ang-a tūi.

2SG из.за кто-GEN-LOC2-NPI отсутствовать-3SG.sub огонь

‘Из-за тебя ни у кого нет огня’.

224 Центр.Сельк.Тым. [Беккер и др. 1995б: 113].

tab kud-ga-n-nan tö-šp-a?

3SG кто-DIM-GEN-LOC.ABL прийти-IPFV-3SG.sub

‘Он от кого идет?’

(Нет примера оппозиции для LOC.ABL)

225 Юж.Сельк.Кет. (Юрты Широковы) [Беккер и др. 1995б: 112].

mat kudi-nni li-p mi-am?

1SG кто-LAT2 кость-ACC дать-1SG.ob

‘Я кому кость бросил?’

226 Центр.Сельк.Вас. [Беккер и др. 1995б: 132].

kudi-n-naj n'aj-em lip-ka-m aya me-ll-adi.

кто-LAT2-NPI хлеб-ACC кусок-DIM-ACC NEG дать-FUT-3DU.ob

‘...они никому куска хлеба не дадут’.

COM.INSTR

227 Центр.Сельк.Тым. [Беккер и др. 1995б: 113].

tat kut-se oro-p-s-ant?

2SG кто-COM.INSTR сила-VBLz-PSTN-2SG.sub

‘Ты с кем вырос?’

228 Юж.Сельк.Кет. (С 65; стр. 202).

tep kutti-ze-n-assi assi kigi-n me-gu

3SG кто-COM.INSTR-NPI-NEG NEG хотеть-3SG.ob сделать-INF

madi-m.

дом-ACC

‘Он ни с кем не хочет дом строить’.

229 Центр.Сельк.Вас. [Беккер и др. 1995б: 113].

mat qaj-he kai-p aw-esp-ak?

1SG что-COM.INSTR суп-ACC есть-IPFV-1SG.sub

‘Я чем суп ем?’

230 Центр.Сельк.Вас. [Ильяшенко 1989: 161].

qaj-he-naj udzi-gu aya t'anu-k.

что-COM.INSTR-NPI работать-INF NEG знать-3SG.sub

‘Он ничем работать не умеет’.

Далее рассмотрим вопросительные и отрицательные наречия. Местоимение, обозначающее вещь, оформленное исходно-продольным (PROL.ABL) и назначительно-превратительным (DEST.TRNSL) падежами, может рассматриваться как местоимение и местоименное наречие в зависимости от контекста его употребления: (PROL.ABL примеры 231–234) *с чего/откуда/по какому месту – ни с чего/ниоткуда/ни по какому месту*, (DEST.TRNSL примеры 235–238) *для чего/зачем – ни для чего/незачем*.

PROL.ABL

231 Центр.Сельк.Вас. Сказка про мальчика (С 61; стр. 252, 253).

tat qaj-mute?

2SG что-PROL.ABL

‘Ты откуда?’

232 Центр.Сельк.Вас. Рассказ охотника (С 61; стр. 14).

qaj-tun-naj mat huru-p aya kondzir-n-ap.

что-PROL.ABL-NPI 1SG зверь-ACC NEG видеть-PRS-1SG.ob

‘Нигде (ниоткуда) я зверя не вижу’.

233 Центр.Сельк.Вас. [Быконя и др. 2005: 66].

tat qaj-mute tedomi-p höde-sp-al?

2SG что-PROL.ABL одежда-ACC сшить-IPFV-2SG.ob

‘Ты из чего одежду шьёшь?’

234 Центр.Сельк.Вас. [Ильяшенко 1989: 161].

qaj-mun-naj kaboryo-p aya hö-lle-b-e.

что-PROL.ABL-NPI платье-ACC NEG шить-OPT-1SG.ob-PART

‘(У меня ткани нет,) не из чего платье шить’.

DEST.TRNSL

235 Центр.Сельк.Вас. Быль – медведь (С 61; стр. 169).

tab qaj-to ede-nde t'io-mb-a?

3SG что-DEST.TRNSL деревня-LAT1 прийти-PSTN-3SG.sub

‘Он зачем (для чего) в деревню пришел?’

236 Центр.Сельк.Вас. [Ильяшенко 1989: 161].

tabə qaj-tqo-naj aya andalb-a.

3SG что-DEST.TRNSL-NPI NEG радоваться-3SG.sub

‘Он ничему не рад’.

Местоимение, обозначающее вещь, оформленное суффиксом местного падежа ((неодуш.) LOC1 *-qen*) воспринимается только как наречие *где* (*нигде*).

237 Центр.Сельк.Вас. Сказка про мальчика (С 61; стр. 255).

qaj-Rin amba natien warg-a, na kore-nde

что-LOC1 мать там жить-3SG.sub этот чум-LAT1

kwın-di-h-ad.

пойти-TR-PST-3SG.ob

‘...где мать там живет, в тот чум повез’.

238 Центр.Сельк.Вас. Рассказ охотника (С 61; стр. 14).

mat hajo-m nej qaj-Rin-naj aya pe-ap.

1SG глаза-POSS.1SG даже что-LOC1-NPI NEG искать-1SG.ob

‘...глазами своими нигде не ищу (зверя)’.

Также отмечены следующие случаи образования наречий от местоимения, обозначающего вещь: *qaji-ntə* (LAT1) ‘куда’ [Alatalo 2004: 302] и *qaj-žik* ‘как’ [Беккер и др. 1995б: 229], однако отсутствие (на данный момент) контекстных примеров и их отрицательных эквивалентов не позволяет нам делать дальнейших выводов.

При помощи местоименной основы *ku* [Alatalo 2004: 251, 152], которая помимо падежных маркеров может быть осложнена дополнительными формантами, образуются наречия, например: Центр.Сельк.Нарым. *kutat* ‘где’/*kutat-naj+NEG* ‘нигде’ (*kun/kuććan* ‘где’ [Alatalo 2004: 152]), Центр.Сельк.Вас. *ku* ‘куда’/*ku-naj+NEG* ‘никуда’ (*ku*: ‘куда’ [Alatalo 2004: 152]), Центр.Сельк.Вас. *quža-qit* ‘когда’/*quža-qit-naj+NEG* ‘никогда’, Центр.Сельк.Нарым. *kundi* ‘откуда’/*kundi-naj+NEG* ‘ниоткуда’ (без примеров), Центр.Сельк.Нарым. *kušak* ‘сколько’/*kušan-naj+NEG* ‘нисколько’ (*kun śāl* ‘сколько’ [Alatalo 2004: 251, 152]), Юж.Сельк.Ср-об. *kutar* ‘как’/*kutar-nej+NEG* ‘никак’ (*kun tar* ‘как’ [Alatalo 2004: 251]) и т. д.

239 Юж.Сельк.Ср-об. [Быконя и др. 2005: 45].

<i>kod-naj</i>	<i>aza</i>	<i>tan-w-at,</i>	<i>kuťan</i>	<i>i-mb-at.</i>
кто-NPI	NEG	знать-PRS-3SG.ob	где	взять-PSTN-3SG.ob

‘Никто не знает, где взял он’.

240 Центр.Сельк.Нарым. № 25 [Сказки нар. сельк. 1996: 112].

qučja-git, *qu:* *qwen-gu* *pe:-gu?*
где-LOC куда пойти-INF искать-INF
‘Где, куда идти искать’ (*qučja* дополнительно осложнено суф. *-git*).

241 Юж.Сельк.Обск.гов.Сюс. (Сондр.гов.) [Быконя и др. 2005: 254].

üdin *sir* *kute-nej* *tʲag-w-an.*
весной снег где-NPI отсутствовать-PRS-3SG.sub
‘Весной снега нигде нет’.

242 Центр.Сельк.Вас. Рассказ охотника (С 61; стр. 12).

tat *ku* *tahtali-ma-nd?*
2SG куда отправляться-PSTN-2SG.sub
‘Ты куда собрался?’

243 Центр.Сельк.Вас. Сказка про Итю и бабушку (С 61; стр. 229).

tab ku-nnaj ad'u-ka-n-de-nnan aya
3SG куда-NPI бабушка-DIM-GEN-POSS.3SG-LOC.ABL NEG
kwın-b-a.

пойти-DUR-3SG.sub

‘Он никуда от бабушки не отходит’.

244 Центр.Сельк.Вас. № 74 [Сборник аннот. текстов 2 2012: 93].

kuza-qın na ne-l-yur i:-m-di
когда-LOC1 этот женщина-ADJz-человек сын-ACC-POSS.3SG
m'ekka m'e-l-d-e.

1SG.LAT дать-FUT-3SG.ob-PART

‘...когда эта женщина мне своего сына отдаст’.

245 Центр.Сельк.Вас. Рассказ охотника (С 61; стр. 13).

mat raja-Rek kuza-kin-naj aya umguldze-mbi-y-ak.
1SG жена-LAT.POSS.1SG когда-LOC1-NPI NEG послушать-DUR-PST-
1SG.sub

‘Я жену никогда не слушал...’

246 Центр.Сельк.Вас. Сказка про домовых (С 61; стр. 238).

kuşşak kiga-nd, mad'e-t ne-l-qır
сколько хотеть-2SG.sub лес-GEN женщина-ADJz-человек
tabi-n me-şp-at.
3SG-LAT2 сделать-IPFV-3SG.ob

‘Сколько захочет, лесная женщина ему делает (так)’.

247 Юж.Сельк.Обск.гов.Сюс. (Сондр.гов.) [Быконя и др. 2005: 102].

tan kuşşan-nij as era-m-m-ant.
2SG сколько-NPI NEG старик-VBLz-PSTN-2SG.sub

‘Ты нисколько не постарел’.

248 Юж.Сельк.Ср-об. Два барана (С 58; стр. 311).

kutar m'eka tabi-p set na a:md-la-md to:
как 1SG.LAT 3SG-ACC два этот рог-PL-ACC.POSS прочь
mi-gu.

взять-INF

‘Как мне его два рога убрать’.

249 Юж.Сельк.Обск.гов.Сюс. (Сондр.гов.) [Быконя и др. 2005: 227].

tap kuntar-nej qabizi-gu tad'al-b-an.
3SG как-NPI насытиться-INF не.мочь-DUR-3SG.sub

‘Он никак насытиться не может’.

2.4.3 Некоторые способы выражения отрицания при атрибутивных конструкциях в центральных и южных диалектах селькупского языка

В центральных и южных диалектах селькупского языка отрицание при атрибутивных конструкциях, в которых атрибутив выражен местоименным прилагательным, вопросительным местоимением или числительным один, происходит при помощи клитики *-naj* и отрицательного предиката. Отрицание в прочих атрибутивных конструкциях выражается при помощи предшествования атрибутивной конструкции стандартной частицы отрицания, поэтому рассматриваться здесь не будет.

В некоторых диалектах от вопросительного местоимения *qaji* ‘что (кто)’ путем прибавления суффикса прилагательного *-l (-j)* образуются местоименные прилагательные, например *qaji-l* ‘какой’. Также вопросительные местоимения, например *qaji* ‘что (кто)’, могут использоваться в качестве местоименного прилагательного.

250 Центр.Сельк.Нарым. Сказка про брата и сестру (С 65; стр. 71).

qaj-l nil'dzi zenih.
что-ADJz такой жених

‘Какой такой жених’.

251 Центр.Сельк.Нарым. Три брата (С 42; стр. 150).

qaj ruʃ e:-l-a?

какой русский быть-FUT-3SG.sub

‘Какой тут (будет) русский?’

Местоименные прилагательные, в свою очередь, могут быть подвергнуты отрицанию при добавлении к ним клитики *-naj* ‘NPI/NEG’, обычно сопровождающейся в предложении отрицательным предикатом, например *qaji-l-naj* + *NEG* ‘никакой’, *qaji-naj* + *NEG* ‘никакой’. При этом между его составными частями, например *qaji-(l)* ‘какой’ и *-naj* ‘NPI/NEG’, может стоять существительное, к которому это местоименное прилагательное относится. Это еще раз подтверждает факт использования элемента *-naj* в качестве клитики. Данное явление относится ко всем представленным нами центральным и южным диалектам.

252 Центр.Сельк.Нарым. [Ильяшенко 1989: 157].

naʃa-ʏindī qaj-li-naja tica

там-ABL1 что-ADJz-NPI/(NPI-NEG) птица

waʃe-mbi-dil ti a: tö-ll-adi.

взлететь-DUR-PRS.PTCP сюда NEG прийти-FUT-3SG.ob

‘Оттуда никакая птица сюда не прилетит’.

253 Центр.Сельк.Вас. [Ильяшенко 1989: 158].

na watto-ute qaj-li qum-nej aya

это дорога-PROL.ABL что-ADJz человек-NPI NEG

kwen-gu-k.

пойти-HAB-3SG.sub

‘По этой дороге никакой человек не пройдет’.

254 Юж.Сельк.Сондр.гов. (Т 23; стр. 48).

kaj kwäl-näji vāk-g-u.

какой рыба-NPI отсутствовать-3SG.sub

‘Никакой рыбы не было’.

255 Юж.Сельк.Ср-об. (Т 10; стр. 227).

kaj-l loge-naj t̪äŋgi-mb-a p̥ö-got.
что-ADJz оса-NPI отсутствовать-PSTN-3SG.sub камень-LOC
'Никакой осы не было на камне'.

Далее будет приведен пример отрицания с числительным *один* – *okkir-naj* + *NEG* 'ни один'.

256 Центр.Сельк.Тым. В тайге (С 56; стр. 187).

ukkir qur qige-t qanna-ut ča:dz-a.
один человек речка-GEN берег-PROL.ABL идти-3SG.sub
'Один человек по берегу реки идет'.

257 Юж.Сельк.Обск.гов.Сюс. [Быконя и др. 2005: 166].

okkir-nej taften t̪aŋku-s.
один-NEG здесь отсутствовать-PST
'Ни один здесь не бывал'.

2.4.4 Дополнительные стратегии отрицания при местоимениях и наречиях в центральных и южных диалектах селькупского языка

Согласно И.А. Ильяшенко, отрицательные местоимения и наречия в кетском диалекте, среднеобских говорах (нарымский диалект), а также в тазовском диалекте (северный диалект) [Беккер и др. 1995б: 129] могут образовываться путем осложнения местоимения или наречия префиксальным элементом *n̪i-/n̪e-* 'NEG'. Данная стратегия отрицания не является стандартной для центральных и южных диалектов.

В соответствии с результатами нашего исследования, а также проанализировав примеры, представленные И.А. Ильяшенко [Ильяшенко 1989: 155], отметим, что местоимения и наречия, зафиксированные в центральных и южных диалектах, отличаются от местоимений и наречий, представленных северными диалектами. Вследствие анализа выяснилось, что все подобные примеры, представленные кетским и нарымским диалектами, являются

полукальками с русского языка, где первый элемент – отрицательная частица *nʲe-* – заимствована из русского языка, второй – селькупское вопросительное местоимение или наречие. Данные местоимения и наречия в русском языке называются отрицательными местоимениями- и наречиями-предикативами, такими как *некого, нечего, негде, некуда*, например: *Тогда же мне просто было от него некуда деваться* [Отрицательные местоимения: http://rusgram.ru/Местоимение#sm_neg]. Как и в русском языке, данные селькупские местоимения и наречия не требуют дополнительного отрицания при глаголе.

258 Центр.Сельк.Нарым. [Беккер и др. 1995б: 129, 130].

okkʲir tu:n-e nʲe-ɣaj te-ʂpu-gu.
 один палец-COM.INSTR NEG-что сделать-IPFV-INF
 ‘Одним пальцем нечего делать’.

259 Юж.Сельк.Кет. Сказка про Итю (С 36. стр. 541).

men nʲe-kutʲtʲa kattʲu-gu.
 1SG.LAT NEG-куда деться-INF
 ‘Мне некуда спрятаться’.

Одной из основных стратегий отрицания местоимений (и наречий) в северных диалектах является использование отрицательной частицы *nʲi* и вопросительного местоимения (наречия), например *nʲi qaj* ‘ничто’ [Кузнецова и др. 1980: 298]. Данные местоимения и наречия являются обычными отрицательными местоимениями и наречиями, которые согласуются с приглагольным отрицанием.

260 Северные селькупы. Тазовский диалект. [Кузнецова и др. 1980: 299].

tapʂe:li mat nʲi qaji-m ej aʂʂa te:-ta-p.
 сегодня 1SG не что-ACC даже NEG сделать-IPFV-1SG.ob
 ‘Сегодня я ничего не делаю’.

Использование отрицательных местоимений с формантом *-naj*, например *qaj-naj* + *?Vneg?* ‘ничто’, в северных диалектах является редким. Данные местоимения обладают не полной парадигмой – имеют только форму именительного падежа [Селькупский язык 2002: 283].

2.4.4.1 Эволюция отрицательных местоимений и наречий в центральных и южных диалектах селькупского языка

Согласно предложенной гипотезе, источником формирования местоимений и наречий отрицательной полярности и, далее, отрицательных местоимений и наречий в центральных и южных диалектах селькупского языка является эмфатическая частица *naj* ‘даже, тоже, также’.

261 Центр.Сельк.Тым. Сказка про дом зайца (С 56; стр. 193).

loʝa-n nej mat-ti tʲaŋg-a.

лиса-GEN тоже дом-POSS.3SG отсутствовать-3SG.sub

‘У лисы тоже дом отсутствует’.

262 Центр.Сельк.Нарым. Сказка про брата и сестру (С 65; стр. 70).

udo-m naj wesʲ hiro-m kado-n-n-am.

руки-ACC даже все снег-ACC коготь-VBLz-PRS-1SG.ob

‘Руки даже все снегом поцарапала’.

263 Центр.Сельк.Вас. Как мы с дочерью смородину собирали (С 61; стр. 209–214).

undo naj lʲamalʲdze-ll-a.

затем EMPH.PTCL замолчать-FUT-3SG.sub

‘Сразу же замолчит’.

Мы рассмотрим процесс грамматикализации эмфатической частицы *naj* в составляющую местоимений и наречий отрицательной полярности и, далее, отрицательных местоимений и наречий на примере вопросительного местоимения *kuti* ‘кто’. Для анализа воспользуемся формами, данными в словаре Я. Алатало: *kuti* ‘кто’; *naj* ‘также’; *aśa* ‘NEG.PTCL’ [Alatalo 2004: 251, 252, 31, 38].

Изначально отрицание местоимений и наречий происходило путем прибавления отрицательной частицы или сказуемого к вопросительному местоимению или наречию – *kuti* + *aśa*. Постепенно, в рамках цикла Есперсена, эмфатическая частица *naj* присоединяется к местоимениям и наречиям с целью усиления отрицания – *kuti* + *naj* + *aśa*. Она начинает фиксироваться в данной

позиции, превращаясь в клитику, а сама конструкция *kuti + naj* превращается в местоимение отрицательной полярности, появляется только в сфере действия отрицания и не может использоваться самостоятельно. У нас нет примеров, позволяющих засвидетельствовать первую стадию выражения отрицания с местоимениями и наречиями – *kuti + aśa* и сравнить ее с последующей – *kuti + naj + aśa*, так как отсутствуют достаточная диахроническая глубина доступных данных, однако примеры подобного развития обнаружены в других смежных языках обско-енисейского ареала, например хантыйском (см. раздел 2.4.1.1).

Как мы говорили ранее, самостоятельные отрицательные местоимения и наречия уже существуют в некоторых диалектах селькупского языка. С одной стороны, это может быть связано с доминирующим влиянием русского языка. Скорее всего, в некоторых случаях семантика русских отрицательных местоимений и наречий калькируется на селькупские местоимения и наречия отрицательной полярности носителями языка – билингвами. Например:

264 Центр.Сельк.Нарым. (SelNeg2; стр. 1).

kučat-naj.

где-NEG

‘Нигде’.

С другой стороны, этот феномен может быть результатом естественных языковых изменений. Дж. Ван дер Аувера и Л. Ван Алсеной выделяют различные типы диахронических изменений в системе неопределенных местоимений, в том числе процесс перехода местоимений отрицательной полярности в отрицательные местоимения (см. разделы 1.3, 1.6) [Van der Auwera, Van Alsenoy 2011]. Возможно, что элемент *naj* в конструкции *kuti + naj + NEG* на определенной стадии может рассматриваться как одновременно эмфатический и отрицательный. Как утверждает Дж. Лавлер в отрицательной полярности используются неотрицательные элементы, способные иногда принимать «отрицательное значение по ассоциации» и появляться без выраженного отрицания [Lawler 2007: <http://www-personal.umich.edu/~jlawler/CELS-Negation.pdf>]. В этом случае отрицательная полярность может рассматриваться как разновидность

отрицательного согласования (например французское *Je ne regretted rien*. ‘Я ни о чем не жалею’.) [Там же]. М. Хаспельмат в свою очередь утверждает, что цикл Есперсена является одним из способов формирования отрицательных местоимений, приводя в пример французское местоимение отрицательной полярности *personne* ‘кто-то’, которое может использоваться как отрицательное местоимение в эллиптическом контексте [Haspelmath 1997: 203–210]. Более того, Дж. Ван дер Аувера и Л. Ван Алсеной, основываясь на диахронических данных, приводят пример развития датского местоимения отрицательной полярности *enig* ‘некоторый, какой-то’ в отрицательное неопределенное местоимение [Van der Auwera, Van Alsenoy 2011]. У нас нет специальных данных, позволяющих провести диахроническое исследование, однако возможно представить перспективу развития местоимения отрицательной полярности *kuti* + *naj* в самостоятельное отрицательное местоимение. Тем более данные, позволяющие это увидеть, представлены на синхронном срезе.

265 Юж.Сельк.Сондр.гов. [Ильяшенко 1989: 161] (см. пример 221).

taw ant kudi-n-naj.

эта лодка кто-GEN-NEG

‘Эта лодка ничья’.

Принимая во внимание результаты исследования в центральных и южных диалектах селькупского языка, мы выделим три омонимичных элемента *naj*: 1) эмфатическая «автономная» частица *также, тоже, EMPH.PTCL*; 2) эмфатическая клитика как составная часть местоимений и наречий отрицательной полярности (она же отрицательная клитика как составная часть самостоятельных отрицательных местоимений и наречий); 3) отрицательный элемент отрицательных местоимений и наречий как результат русского контактного влияния.

2.4.4.2 Восстановление этимологии эмфатического элемента *naj*

Нами была предпринята попытка восстановления этимологии эмфатического элемента *naj*.

Возможные направления в попытках установления этимологии эмфатического элемента *naj* должны учитывать анализ материала всех центральных, южных и северноселькупских данных.

И.А. Ильяшенко допускает, что словообразовательный «отрицательный» элемент *-na(j)* восходит к *n*-вой указательно-местоименной основе [Беккер и др. 1995б: 130]. В.В. Быконя отмечает, что постпозитивная энклитическая частица *na* (и ее варианты: *naj*, *ne*, *nej*, *nə*) имеет, вероятно, то же происхождение, что и аналогичная частица в финно-угорских языках – отрицательная частица **ne*, которая восходит к уральскому местоимению **nä* [Беккер и др. 1995б: 247, 248].

В словаре Е.А. Хелимского, который затрагивает только северные диалекты, согласно авторским пометкам и комментариям, также обнаруживается элемент *naj*. При рассмотрении данного элемента Е.А. Хелимский приводит северноселькупские параллели к формам, найденным в южноселькупском словаре Н.П. Григоровского. Е.А. Хелимский помечает элемент *nej* как слово, которое недостаточно полно отражено в рассмотренных им источниках по северным диалектам селькупского языка. Из данных и заметок, собранных в этом словаре, можно доанализировать элемент *nej* следующим образом. Приведем комментарий Е.А. Хелимского: «Возможно, $nej < ne \sim ni (\sim nu) + ej$ (см. $aj \sim ej$); однако допустимо и рассмотрение $ne \sim ni$ как редуцированных вариантов к *nej*» [Хелимский 2007б: 126]. Есть также ряд примеров из того же словаря, позволяющих лучше рассмотреть направление анализа: $na aj \sim naj$ ‘и вот, вот как’; $aj \sim ej$ ‘еще, и, опять, тоже, даже’ [Хелимский 2007б: 8]. Аналогичный подход отмечается и в словаре Я. Алатало aj ‘еще, и’ $> naj < na + aj$ ‘еще’ [Alatalo 2004: 31]. Я. Алатало также приводит примеры элемента *naj* ‘также, тоже’ как восходящего к слиянию двух элементов *na* ‘?’ и *aj* ‘еще, и’ [Alatalo 2004: 31]. Кроме того, Е.А. Хелимский выделяет следующий возможный вариант стяжения с

участием элемента *пѣј*: «*пу пѣј: епу пу ај ~ пу пѣј ~ пу пу ѣј ~ пу пѣј* ‘и тогда, и тут, сразу же, еще’» [Хелимский 2007б: 135]. Отмечается, что форма взята из словаря С.И. Ирикова *нынай* ‘опять, сразу’ [Ириков 1988: 46]. В центральных и южных диалектах также встречаются возможные варианты интеграции элемента *пѣј* в новые лексемы, например частица *оланѣј* ‘так, итак’, состоящая из двух частиц *ола* ‘зря, напрасно’ и *пѣј* ‘тоже, даже’ [Беккер и др. 1995б: 236].

Последние наблюдения В.В. Быконя также подтверждают эту точку зрения. Так, она отмечает, что частица *пѣј* образовалась из сочетания местоимения *па* с частицей *ај*, которая является более древней по происхождению и имеет более абстрактные значения *снова, уже*, выполняет роль союза *и*, а также входит в структуру междометия *ајгои* ‘ой! (обжегся)’ [Быконя 2014: 63].

Согласно нашим наблюдениям и анализу материала по теме исследования, элемент *пѣј ~ пѣј* ‘тоже, также’ встречается повсеместно в центральных и южных диалектах селькупского языка как эмфатический элемент. В северных диалектах ситуация не вполне ясна, так как нам не удалось найти примеров с *пѣј ~ пѣј* в качестве эмфатического элемента. В то же время эмфатический элемент *ај ~ ѣј* ‘еще, и, опять, тоже, даже’ встречается во всех селькупских словарях и материалах, представленных выше.

2.4.3 Сопоставительный анализ отрицания при местоимениях и наречиях в анализируемых диалектах

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка наблюдается разнообразие стратегий для выражения отрицания при местоимениях и наречиях. Результаты сопоставительного анализа в анализируемых диалектах обоих языков представлены в таблице № 10.

Таблица № 10. Стратегии отрицания местоимений и наречий

Хантыйский язык			Селькупский язык	
Ваховский и васюганский диалекты			Центральные и южные диалекты	Центральные диалекты
<i>qoji</i> 'кто'	<i>qoji-prə</i> <i>əntə/NEG</i> 'никто'	<i>qoji</i> <i>əntə/NEG</i> 'никто' (редкие случаи)	<i>kuti</i> 'кто'	1) <i>kuti-naj</i> 'никто' 2) ? <i>kuti-naj(a)</i> 'никто'? 3) <i>kuti-naj + a/NEG</i> 'никто' Предполагается одновременное существование самостоятельных отрицательных местоимений и наречий № 1, 2 и местоимений и наречий отрицательной полярности в контексте отрицания № 3
				1) <i>kuti-naj+assi/NEG</i> 'никто' 2) <i>kuti-naj-(assi)</i> 'никто' Дополнительная стратегия в кетском диалекте 3) <i>kuti-naj-assi+assi/NEG</i> 'никто' Согласно стратегиям № 1 и № 2 отмечается существование местоимений и наречий отрицательной полярности в контексте отрицания, однако стратегия № 2 может быть трактована и как стратегия использования самостоятельных отрицательных местоимений и наречий; Согласно стратегии № 3 можно предположительно выделить существование самостоятельных отрицательных местоимений и наречий
	Асимметрия при утверждении и отрицании	Симметрия при утверждении и отрицании		Асимметрия при утверждении и отрицании

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка при отрицании местоимений и наречий используются следующие стратегии: 1) отрицание путем использования базовой (утвердительной) формы местоимения или наречия в конструкции с маркером отрицания (периферийная стратегия); 2) отрицание путем присоединения к базовой (утвердительной) форме местоимения или наречия клитики / единицы отрицательной полярности в конструкции с маркером отрицания (основная стратегия). Процесс развития отрицания при местоимениях и наречиях происходит в данных диалектах в рамках цикла Есперсена.

В центральных диалектах селькупского языка отмечается использование местоимений и наречий отрицательной полярности, сопровождающихся маркерами отрицания, а также присутствие самостоятельных отрицательных местоимений и наречий. В южных диалектах селькупского языка также имеются примеры, подтверждающие существование местоимений и наречий отрицательной полярности, сопровождающихся дополнительным маркером отрицания, и примеры, демонстрирующие сформированность самостоятельных отрицательных местоимений и наречий. Процесс развития отрицания при местоимениях и наречиях происходит в данных диалектах в рамках цикла Есперсена. Также в центральных и южных диалектах селькупского языка зафиксированы нечастотные примеры образования отрицательных местоимений и наречий предикативов при помощи префиксальных/препозитивных отрицательных частиц.

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка стандартные несамостоятельные отрицательные местоимения и наречия демонстрируют асимметрию по отношению к утвердительным *qoji* 'кто' / *qoji-pə əntə* 'никто'. И лишь в редких случаях, когда отрицание местоимений и наречий происходит путем добавления лишь маркера отрицания, наблюдается симметрия *qoji* 'кто' / *qoji əntə* 'никто'.

Согласно первой стратегии отрицания, в центральных диалектах селькупского языка наблюдается симметрия отрицательных местоимений и наречий по отношению к их утвердительным эквивалентам *kuti* 'кто' / *kuti naj*

‘никто’. Согласно второй стратегии отрицания, в южных и центральных диалектах селькупского языка наблюдается асимметрия *kuti* ‘кто’/*kuti-naj*+NEG ‘никто’. Согласно третьей стратегии отрицания, наблюдается асимметрия *kuti* ‘кто’/*kuti-naj(assi/a)*+ (NEG) ‘никто’.

2.5 Морфологическое отрицание в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка

В данном разделе представлен анализ морфологических показателей отрицания в рассматриваемых диалектах хантыйского и селькупского языков. Хотя данные показатели являются не вполне «отрицательными», а лишь указывают на отсутствие качества или признака предмета, тем не менее их часто рассматривают в рамках морфологического отрицания.

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка наблюдается использование морфологического отрицания в виде суффикса абессива (каритива) *-ləγ/-läγ*, обозначающего отсутствие признака предмета. Данный суффикс участвует в образовании новых единиц главным образом от существительных *tin-läγ* ‘бесплатный’ (*tin* ‘цена’), в редких случаях от глаголов *mas-ləγ* ‘ненужный’ (*mas-* ‘быть нужным’) [Терешкин 1961: 57], а также от местоимений *män-ləγ* ‘без меня’ (*mä* ‘я’). Н.И. Терешкин относит лексемы, оформленные данным суффиксом, к прилагательным (не учитывая местоимения с данным суффиксом) [Терешкин 1961: 57]. В целом суффикс абессива в хантыйском правильнее рассматривать как падежный маркер [Castren 1858: 28; Фильченко 2010: 97, 98; Cserpegi 2011: 16].

266 Вост.Хант.Вас. На берегу чертовой речки (У 1; стр. 317).

rätʲ *äj-ləγ-köl-ləγ* *amis-wəl.*

старик маленький-ABESS-слово-ABESS сидеть-PRS.3SG

‘Старик молча сидит’.

267 Вост.Хант.Вах. [Gulya 1966: 76].

män-ləγ *wer-wəl.*

1SG-ABESS сделать-PRS.3SG

‘(Он) без меня работает’.

Использование суффикса абессива *-ləγ/-läγ* наблюдается во всех восточных диалектах хантыйского языка [Терешкин 1961: 57; Gulya 1966: 54; Фильченко 2010: 97, 98; Cserpegi 2011: 16]. Однако М.А. Кастрен отмечал также

использование суффикса каритива (абессива), имеющего форму *-dax/-tax* для сургутского (восточного) диалекта (и *-da/-ta* для иртышского (южного)) [Castren 1858: 24, 28].

Морфологическое отрицание в центральных и южных диалектах селькупского языка происходит при помощи суффикса каритива (абессива) *-galik/-galin*. Имя, оформленное данным суффиксом, указывает на отсутствие кого-либо/чего-либо, без кого, без чего совершается, совершалось или должно совершиться действие [Беккер и др. 1995а: 274]. Суффикс каритива может присоединиться как к существительным, так и к некоторым местоимениям. К показателю каритива могут присоединяться суффиксы притяжательности (предшествуя ему). Имя, маркированное данным суффиксом, может иметь детерминанты в виде указательных местоимений и прилагательных, находящиеся в препозиции к нему [Беккер и др. 1995а: 273]. Предполагается, что суффикс *-galik/-galin* является заимствованием из тюркских языков [Беккер и др. 1995а: 273]. Необходимо отметить, что в северных диалектах селькупского языка используется такой же суффикс каритива *-ko:lin* [Кузнецова и др. 1980: 175, 176]. Э.Г. Беккер относит данный морфологический маркер к падежным маркерам [Беккер и др. 1995а: 274].

268 Центр.Сельк.Вас. Сказка про Никитку. (С 61; стр. 269).

tab haj-galin e-j-a i mazik kondzir-n-ad.

3SG глаза-CAR быть-PRS-3SG.sub и 1SG.ACC видеть-PRS-3SG.ob

‘Он слепой, а меня видит’.

269 Центр.Сельк.Нарым. Я в свою деревню приехал. (С 65; стр. 102).

mat-kalk koşkal-k elli-mb-aR.

1SG-CAR плохой-ADVz жить-PSTN-3DU.sub

‘...без меня плохо жили (они двое)’.

В центральных и южных диалектах селькупского языка можно выделить отрицательный суффикс *-gidi(l)*. Слово, оформленное данным суффиксом, может быть рассмотрено как относительное прилагательное (обозначающее качество

предмета опосредованно, через отношение одного предмета, понятия, действия к другому), обозначающее отсутствие какого-либо качества [Беккер и др. 1995б: 31], прилагательное со значением необладания [Быконя и др. 2005: 339]. Использование данного суффикса отмечается и в северных диалектах селькупского языка – *-qətəl* [Прокофьев 1937: 111].

270 Центр.Сельк.Вас. Сказка про Никитку. (С 61; стр. 266).

n'ate-Rit wiri-l haj-gidil ära.

туда-LOC1 разбойник-ADJz глаз-CAR.ADJz старик

‘Там злой одноглазый старик’.

271 Центр.Сельк.Вас. № 70 [Сборник аннот. текстов 2 2012: 92].

tab qaj-to tan-gidil na-di-p m'e:-y-ad.

3SG что-DEST.TRNSL ум-CAR.ADJz этот-PL-ACC сделать-

PST-3SG.ob

‘Она зачем, глупая, это сделала?’

Согласно Н.Д. Ермаковой и Н.Г. Кузнецовой, кроме перечисленных суффиксов в сфере именной деривации в диалектах селькупского языка функционируют суффиксы *-qilim/-qulim*, образующие глаголы со значением лишиться кого-(чего)-либо, и *-qilti/-qulti* (серерные), *-qilimčī/-qulimčī* (центральные и южные) со значением лишить кого-либо кого-(чего)-либо, например: *sai-qilim-gu* ‘ослепнуть’ (кетский, тымский диалект), *or-qilti-qo* ‘лишить сил, сделать бессильным’ (тазовский, енисейский диалект), *sai-qilimdzu-gu* (кетский, тымский диалект) [Ермакова, Кузнецова 1988: 136–137]. В южном языковом ареале данный суффикс функционирует в пределах определенного семантического поля (части тела человека, предметы, необходимые для жизни человека) [Там же]. Вполне очевидно, что все представленные суффиксы имеют составную природу: 1) *-qili+m/-quli+m* – CAR+VBLz, например *sai-qili-m-gu* ‘глаз-CAR+VBLz-INF’; 2) *-qil+ti/-qul+ti* – CAR+VBLz.TR, например *or-qil+ti-qo* ‘сила-CAR+VBLz.TR-INF’; 3) *-qili+m+čī/-quli+m+čī* – CAR+VBLz+TR *sai-qili+m+dzu+gu* ‘глаз-CAR+VBLz+TR-INF’.

2.5.1 Сопоставительный анализ морфологического отрицания в анализируемых диалектах

В рассматриваемых диалектах каждого из языков присутствует морфологическое отрицание. Результаты сопоставительного анализа морфологического отрицания в анализируемых диалектах представлены в таблице № 11. В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка таким показателем является суффикс *-ləγ/-lǽγ*. В центральных и южных диалектах селькупского языка такими показателями являются *-galik/-galin* и *-gidi(l)*. Также в центральных и южных диалектах селькупского языка существительные, осложненные суффиксом *-galik/-galin*, могут вербализовываться. Морфологическое отрицание в исследуемых диалектах хантыйского и селькупского языков в целом осуществляется по одной стратегии.

Таблица № 11. Морфологическое отрицание

Хантыйский язык – ваховский и васюганский диалекты	Селькупский язык – центральные и южные диалекты	
<i>-ləγ/-lǽγ</i> – каритив/абессив	<i>-galik</i> – каритив/абессив	<i>-gidi(l)</i> – каритив/абессив (VBLz) Формирует прилагательные, обозначающие отсутствие какого-либо качества

2.6 Отрицательные вспомогательные модальные глаголы в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка наблюдается использование специальных отрицательных вспомогательных модальных глаголов, выражающих имплицитное отрицание.

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка используется отрицательный вспомогательный модальный глагол *koř-/kür-* ‘не смочь/быть не способным’, который несет на себе все основные деривационные и словоизменительные суффиксы.

Отрицательный вспомогательный модальный глагол обычно следует за основным глаголом в форме инфинитива, занимая финальную позицию в предложении, типичную для языков со следованием основных элементов SOV. Однако в последнее время под влиянием русского языка данный вспомогательный глагол может занимать и альтернативные позиции в предложении, например следовать за субъектом/подлежащим, в то время как основной глагол в форме инфинитива занимает финальную позицию.

272 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 5; стр. 83).

nin kắt-kən árəy-ta kúr-t-ətən.

2DU два-DU петь-INF NEG.AUX-DER-2DU

‘Вы двое не можете петь’.

273 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 8; стр. 83).

nəŋ kúr-t-ətəy wájəy lök kās-tä.

2PL NEG.AUX-DER-2PL зверь след искать-INF

‘Вы не можете найти след зверя’.

В утвердительных модальных конструкциях подобного типа используется утвердительный модальный глагол *onəl-* ‘знать/уметь/мочь’. Можно предположить, что данный модальный глагол, используясь вместе с частицей

стандартного отрицания, может составлять функциональный эквивалент отрицательного вспомогательного модального глагола *koř-/kür-* ‘не смочь/быть не способным’.

274 Вост.Хант.Вас. № 42в [Фильченко 2013: 76].

qat wer-tä on-wəl.

дом делать-INF знать/уметь-PRS.3SG

‘(Он(а)) может дом построить’.

275 Вост.Хант.Вах. [Gulya 1966: 139].

əntə onəl-γas-ən qul-oy tin wə-tä.

NEG мочь-PST3-2SG рыба-PROL выкуп взять-INF

‘(Ты) не смог взять у рыбки выкуп!’

Использование отрицательного вспомогательного модального глагола *kor-/kur-* также наблюдается в других восточных, северных и южных диалектах хантыйского языка [Karjalainen, Toivonen 1948: 435, 436; Wagner-Nagy 2011: 127].

276 Вост.Хант.Тром-юган. [Karjalainen, Toivonen 1948: 435].

a:ləm-tayʒ kört-əm.

поднять-INF не.мочь-1SG.ob

‘Я не могу это поднять’.

277 Северн.Хант.Казым. [Karjalainen, Toivonen 1948: 435].

a:ləm-ti körs-s-əm.

поднять-INF не.мочь-PST-1SG.ob

‘Я не смог поднять’.

В центральных и южных диалектах селькупского языка используется отрицательный вспомогательный модальный глагол *taćal-* ‘не мочь/быть не способным’ [Alatalo 204: 169], который может нести на себе все основные деривационные и словоизменительные суффиксы.

Отрицательный вспомогательный модальный глагол обычно следует за основным глаголом в форме инфинитива, занимая финальную позицию в предложении, типичную для языков со следованием основных элементов SOV.

278 Центр.Сельк.Вас. Сказка про домовых (С 61; стр. 237).

mener-til *qur* *mad'o-yit* *aste-p,* *peqqa-p*
охотиться-PRS.PTCP человек лес-LOC1 олень-ACC лось-ACC
kwat-ku *čedzal-gu-k.*
добыть-INF не.мочь-HAB-3SG.sub

‘Охотник в лесу оленя, лося добыть не может...’

279 Юж.Сельк.Обск.гов.Сюс. (Сондр.гов.) [Быконя и др. 2005: 226].

man ade-lz-aŋ *i* *ado-lzö-gu* *t'adal-b-aŋ.*
1SG ждать-TR-1SG.sub и ждать-TR-INF не.мочь-DUR-1SG.sub
‘Я жду и дожждаться не могу’.

В северноселькупском диалектном ареале используется тот же самый отрицательный вспомогательный модальный глагол.

280 Северные селькупы. Тазовский диалект [Кузнецова и др. 1980: 362].

mat timti ili-qo *tačal-pa-k.*
я здесь жить-INF не.мочь-DUR-1SG
‘Я не могу жить здесь’.

В утвердительных модальных конструкциях подобного типа используется утвердительный модальный глагол *t'inəmə-* [Alatalo 2004: 167] ‘знать/уметь/мочь’. Данный модальный глагол, используясь вместе с частицей стандартного отрицания, может составлять функциональный эквивалент отрицательного вспомогательного модального глагола *tačal-* ‘не мочь/быть не способным’.

281 Юж.Сельк.Ср-об. [Быконя и др. 2005: 231].

tab tanw-at *n'aj-p* *me:-gu.*
3SG мочь-3SG.ob хлеб-ACC сделать-INF
‘Она умеет печь хлеб’.

282 Центр.Сельк.Нарым. Сказка про брата и сестру (С 65; стр. 70).

tat *tolidzio-n-d-a* *konne*
2SG.GEN лыжи-GEN-POSS.3SG-COM.INSTR на.гору

čandze-gu *a:* *tianw-ak.*
подняться-INF NEG мочь-1SG.sub

‘На твоих лыжах в гору идти не могу (не умею)’.

В центральных и южных диалектах селькупского языка зарегистрированы случаи использования «бытийного» глагола *e:-* ‘быть/мочь’ с предшествующей ему стандартной частицей отрицания, передающие модальное значение, вместо соответствующих модальных глаголов. Как утверждает Л.В. Морева, данный вспомогательный глагол может выражать физическую возможность выполнения действия, которая зависит от условий, связанных с волей или состоянием человека [Морева 1972: 80].

283 Юж.Сельк.Ср-об. (Т 9; стр. 326).

a:mde-kou-mbi-ku *aza* *e-j-an,* *ara-m-b-an.*
сидеть-FREQ-DUR-INFNEG быть-EP-1SG.sub старик-VBLz-DUR-1SG.sub
‘Царствовать не могу, старый я’.

284 Юж.Сельк.Ср-об. (Т 9; стр. 696, 697).

l'aga-bāba *aza* *e-ŋ* *t'atdz'ə-gu* *tü:-nt*
Баба-Яга NEG быть-3SG.sub бросить-INF огонь-LAT1
wihor'ka-m.

Вихорька-ACC

‘Баба-Яга не могла (может) бросить в огонь Вихорьку’.

2.6.1 Сопоставительный анализ выражения отрицания при модальных глаголах в анализируемых диалектах

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка наблюдаются разные стратегии для

выражения модального отрицания. Результаты сопоставительного анализа в анализируемых диалектах обоих языков представлены в таблице № 12.

Таблица № 12. Модальное отрицание

Хантыйский язык – ваховский и васюганский диалекты	Селькупский язык – центральные и южные диалекты
<i>koř-/küř-</i> ‘не смочь/быть не способным’	<i>tačal-</i> ‘не мочь/быть не способным’
<i>onəl-</i> ‘знать/уметь/мочь’ (NEG + <i>onəl-</i>)	<i>t'inəmə-</i> ‘знать/уметь/мочь’ (NEG + <i>t'inəmə-</i>)
	<i>e:-</i> ‘быть/мочь’ (NEG + <i>e:-</i>)
Модели использования вспомогательных модельных глаголов (V-INF – глагол в инфинитиве; NEG.AUX – отр. вспомог. гл.)	
V-INF + NEG.AUX/NEG.AUX + V-INF	V-INF + NEG.AUX

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка используется специальный вспомогательный отрицательный глагол *koř-/küř-* ‘не смочь/быть не способным’, в центральных и южных диалектах селькупского языка – *tačal-* ‘не мочь/быть не способным’. Функцию отрицательного вспомогательного глагола также могут выполнять соответствующие утвердительные модальные глаголы путем предшествования им стандартного маркера отрицания: вах., вас. хант. *onəl-* ‘знать/уметь/мочь’ (NEG + *onəl-*) и центр., юж. сельк. *t'inəmə-* ‘знать/уметь/мочь’ (NEG + *t'inəmə-*).

В центральных и южных диалектах селькупского языка можно выделить случаи использования бытийного глагола в качестве вспомогательного с предшествующей ему стандартной частицей отрицания – *e:-* ‘быть/мочь’ (NEG + *e:-*). Данный глагол может передавать модальное значение – физическую возможность выполнения действия, которая зависит от условий, связанных с волей или состоянием человека.

Подводя итоги, также необходимо отметить, что рассматриваемое имплицитное отрицание (судя по проанализированным примерам) в ваховском и васюганском диалектах происходит по модели V-INF + NEG.AUX/NEG.AUX + V-

INF; в центральных и южных диалектах селькупского языка только по модели V-INF + NEG.AUX (где V-INF – глагол в инфинитиве; NEG.AUX – отр. вспомог. гл.).

2.7 К проблеме множественного отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка

В данной части работы обсуждается вопрос о наличии в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка множественного отрицания.

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка прототипичной стратегией отрицания является единичное отрицание.

285 Вост.Хант.Вах. [Терешкин 1981: 277].

mä mätäli antə werləm.

1SG что-то NEG делать-PRS-1SG

‘Я ничего не делаю’.

286 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 021; стр. 23).

jüy quntə-p antə jü-wel.

3SG когда-NPI NEG приходить-PRS.3SG

‘Он никогда не придет’.

При эмфатическом отрицании может наблюдаться использование как единичного, так и множественного отрицания. С одной стороны, это может демонстрировать естественные языковые процессы, где для усиления используются два и более маркеров отрицания. С другой стороны, на говорящего может оказывать влияние русский язык, в котором используется двойное отрицание как в обычных конструкциях, так и в эмфатических. Причем точно сказать в каждом отдельном случае, является ли это естественными процессами или влиянием русского языка, невозможно.

287 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 46; стр. 98).

pütʃki əj zvuk-p antə tʃéleytə-γás.

птица один звук-NPI NEG прокричать-PST3.3SG

‘Птичка не прокричала ни звука’.

288 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 1; стр. 41).

qoji-p əntə, qoj-a-p əntə, matäli-p əntə ärn-əŋ.
кто-NPI NEG кто-ILL-NPI NEG что-то-NPI NEG долг-ADJ

‘Никто никому ничего не должен’.

289 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 4а; стр. 98).

pütski əntə tšéleytə-γás əj zvuk-p əntə.
птица NEG прокричать-PST3.3SG один звук-NPI NEG

‘Птичка не прокричала ни звука’.

290 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 7; стр. 99).

mă-nə əntím əj selkóva-p əntím.
1SG-LOC NEG.EX один целковый-NPI NEG.EX

‘У меня нет ни рубля (целкового)’.

291 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 22; стр. 90).

matánal-p əntə qul qarəmtə-nta kurt-em.
"как-то"-NPI NEG рыба схватить-INF не.мочь-PRS.1SG

‘Никак не могу поймать рыбу’.

Приведем также пример множественного эмфатического отрицания, появившегося под контактным влиянием русского языка с использованием заимствованной отрицательной частицы.

292 Вост.Хант.Вас. № 75 [Фильченко 2013: 84].

a temi ni möytək, ni pətʃt̪, ni ayərnəŋ, ni sart
а DET ни елец ни окунь ни язь ни щука
əntəm wəl- 'qal.
NEG.EX быть-PST1.3SG

‘А там нет (не было) ни ельца, ни окуня, ни язя, ни щуки’.

В центральных и южных диалектах селькупского языка согласно типичным стратегиям присутствует как единичное, так и множественное отрицание.

293 Центр.Сельк.Вас. Как мы с дочерью смородину собирали (С 61; стр. 213).

qaj-naj mi-Re-n-it aya t'o-ll-a.
 что-NPI 1PL-LAT-GEN-POSS.1PL NEG прийти-FUT-3SG.sub
 ‘...никто к нам не придет’.

294 Юж.Сельк.Кет. (С 65; стр. 197).

kutti-n-assi u-r-u-a.
 кто-NPI-NEG поплыть-CHAR-EP-3SG.sub
 ‘Никто не купается’.

295 Центр.Сельк.Нарым. (С 65; стр. 12).

mi-Re-ni-t kudi-nnaja a: tō-ll-a.
 1DU-LAT-GEG-POSS.3SG кто- NPI/(NPI-NEG) NEG прийти-FUT-3SG.sub
 ‘К нам двоим никто не придет’.

296 Юж.Сельк.Кет. (С 65; стр. 194).

tep kutt'a-n-assi kobde-m assi i:-dze-t.
 3SG откуда-NPI-NEG деньги-ACC NEG взять-FUT-3SG.ob
 ‘Он ниоткуда денег не возьмет’.

В селькупском языке при эмфатическом отрицании может наблюдаться использование как единичного, так множественного отрицания. Примеры с множественным отрицанием могут быть как естественного происхождения, так и возникшие под влиянием русского языка, однако точно сказать не представляется возможным.

297 Юж.Сельк.Кет. (Т 17; стр. 81) (см. пример 203).

kuttə-m-na kai-m-n-assi kat-ku-t.
 кто-ACC-NPI что-ACC-NPI-NEG сказать-НАВ-3SG.ob
 ‘Никто (никому) ничего не говорит’.

298 Центр.Сельк.Вас. Рассказ охотника (С 61; стр. 13, 14).

<i>kuza-kin-naj</i>	<i>aya</i>	<i>hurup-galik uguldze-Rit</i>	<i>aya tö-k-k-ak.</i>
когда-LOC1-NEG	NEG	зверь-CAR домой-LAT	NEG прийти-

HAB-PST-1SG.sub

‘Никогда без зверя домой не приходил’.

Помимо этого имеются примеры множественного эмфатического отрицания, появившегося под контактным влиянием русского языка с использованием заимствованной отрицательной частицы.

299 Центр.Сельк.Нарым. Сказка про Черного царя (С 13; стр. 105–107).

<i>nač'a-yəndo</i>	<i>n'ie</i>	<i>qwar'ie,</i>	<i>n'i</i>	<i>qa:za,</i>
там-ABL1	ни	ворона	ни	сорока
<i>qai-l-naj-a</i>		<i>kitsa</i>		<i>waše-mbə-dəl</i>
что-ADJz-NPI/(NPI-NEG)		птица		взлететь-DUR-PRS.PTCP
<i>tī:</i>	<i>a:</i>	<i>tö:-l-ad-e.</i>		

сюда NEG прийти-OPT-3SG.ob-PTCL

(Иван Царевич сюда пришел,) откуда ни сорока, ни ворона, ни какая-нибудь птица летающая сюда не придет.

2.7.1 Сопоставительный анализ выражения единичного и множественного отрицания в анализируемых диалектах

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка наблюдается как единичное, так и множественное отрицание (отрицательное согласование). Результаты сопоставительного анализа данных явлений в анализируемых диалектах обоих языков представлены в таблице № 13.

Таблица № 13. Единичное и множественное отрицание

Хантыйский язык – ваховский и васюганский диалекты	Селькупский язык – центральные и южные диалекты
Прототипичное отрицание	
Единичное отрицание <i>Вопр.мест./нареч. + NEG</i> <i>Вопр.мест./нареч.-рə(NPI) + NEG</i>	Единичное отрицание <i>Вопр.мест./нареч.-naj(NPI) + NEG</i> <i>Вопр.мест./нареч.-naj(NPI)-assi(NEG)</i> Множественное отрицание <i>Вопр.мест./нареч.-naj(NEG) + NEG</i> <i>Вопр.мест./нареч.-naj(NPI)-assi(NEG) + NEG</i>
Экспрессивное отрицание	
Единичное отрицание <i>Вопр.мест./нареч.-рə(NPI) +</i> <i>Вопр.мест./нареч.-рə(NPI) + NEG</i> Множественное отрицание (влияние русского языка? vs естественное явление языка?) <i>Вопр.мест./нареч.-рə(NPI) + NEG +</i> <i>Вопр.мест./нареч.-рə(NPI) + NEG</i>	Единичное отрицание <i>Вопр.мест./нареч.-naj(NPI) +</i> <i>Вопр.мест./нареч.-naj(NPI) + NEG</i> Множественное отрицание (влияние русского языка? vs естественное явление языка?) <i>Вопр.мест./нареч.-naj(NPI) + NEG +</i> <i>NEG</i>
Экспрессивное отрицание как результат влияния русского языка	
<i>ни (рус.) + NEG</i>	

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка типичной стратегией является единичное отрицание. В центральных и южных диалектах селькупского языка типичны как единичное, так и множественное отрицание (наблюдается отрицательное согласование).

При экспрессивном отрицании как в хантыйском, так и в селькупском языке может использоваться как единичное, так и множественное отрицание. Не представляется возможным с уверенностью утверждать, является ли множественное отрицание в экспрессивных целях естественным явлением или результатом русского контактного влияния. Однако следует отметить, что в эмфатических целях в обоих языках возможно множественное отрицание с использованием заимствованных русских отрицательных частиц.

2.8 Семантические и синтаксические типы отрицания в предложении, сфера действия отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка

В этом разделе продемонстрированы семантические и синтаксические типы отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка. Также описаны различные сферы действия отрицания.

С семантической точки зрения можно выделить общее и частное отрицание. Отрицание является общим, если предложение имеет перефразировку с оборотом «неверно, что» [Падучева 1974: 145]. В таком предложении сферой действия отрицания является все предложение.

Одним из ярких примеров является отрицательный ответ, относящийся ко всему высказыванию, например:

300 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 004; стр. 27).

əntə, mā əntə i-l-əm.

NEG 1SG NEG кушать-PRS-1SG

‘Нет, я не буду есть’. = ‘Неверно, что я буду есть’.

301 Юж.Сельк.Ср-об. [Беккер и др. 1995б: 238].

a:s, man tidam as titə-me-nz-an.

NEG 1SG теперь NEG подраться-DUR-FUT-1SG.sub

‘Нет, я (теперь) не буду драться’. = ‘Неверно, что я буду драться’.

В то же время довольно часто общее отрицание свойственно предложениям с отрицательным сказуемым. Однако предложения с отрицательным сказуемым не всегда являются общеотрицательными (см. раздел 1.2). В приведенных примерах можно увидеть общеотрицательные предложения, использующие: отрицательный бытийный глагол; отрицательный модальный глагол; стандартную отрицательную частицу, предшествующую сказуемому/глаголу. С синтаксической точки зрения отрицание при финитном глаголе является еще и фразовым [Падучева 2013: 292].

302 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 9; стр. 74).

lowátʃ entím.

дождь NEG.EX

‘Дождя нет’. = ‘Неверно, что дождь есть’.

303 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 3; стр. 83).

ämp kurt-äyi wájəy kās-tä.

собака NEG.AUX-PST0.3SG зверь искать-INF

‘Собака не может найти зверя’. = ‘Неверно, что собака может найти зверя’.

304 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 25; стр. 3).

äm-nə əntə joŋqer-l-ətə ləy.

собака-LOC NEG грызть-PRS-3SG/SG кость

‘Собака не сгрызет кость’. = ‘Неверно, что собака сгрызет кость’.

305 Центр.Сельк.Тым. Сказка 2 дом зайца (С 56; стр. 193).

nö:ma-n mat-ti ʈaŋg-a...

заяц-GEN дом-POSS.3SG отсутствовать-3SG.sub

‘У зайца дом отсутствует...’ = ‘Неверно, что у зайца есть дом...’

306 Центр.Сельк.Вас. Рассказ охотника (С 61; стр. 11).

mat ukkir köde-Rit uguldze-Rin-d amdī-gu

1SG один промежуток-LOC1 дома-LOC1-POSS.3SG сидеть-INF

čidzas-s-ak...

не.мочь-PST-1SG.sub

‘Я однажды дома усидеть не мог...’ = ‘Неверно, что я мог усидеть дома...’

307 Центр.Сельк.Нарым. (SelNeg № 023).

kanaka: mala-l-b-l-a li-p.

собака NEG сгрызть-MLTOB-DUR-FUT-3SG кость-ACC

‘Собака не сгрызет кость’. = ‘Неверно, что собака сгрызет кость’.

Также, с семантической точки зрения отрицание всего предложения может быть имплицитным. Отрицательное содержание часто подразумевается, хотя в предложении нет отрицания в собственном смысле слова. Структура предложений может иметь, например, вопросительный характер, а само

предложение надо понимать в значении, противоположном тому, которое передается буквальным смыслом слов.

308 Вост.Хант.Вас. № 5 [Сборник аннот. текстов 2 2012: 27].

qoj-nə nōŋ-ä pun-əŋ lök sawələ-l töyi
кто-LOC 2SG-ILL шерсть-ADJz глухарь шея-3SG.POSS прочь
öyäl-ətə?
резать-PRS-3SG/SG

‘Кто тебе, мохнатому глухарю, на шее горло перережет?’ = ‘Никто тебе, мохнатому глухарю, на шее горло не перережет’.

309 Юж-Центр.Сельк.Кет-Тым. Снежная девочка. (С 56; стр. 61).

(qe:q qindi-n e:di-l-oj) qudi me:zə-wi
очень старый-PRD стать-FUT-1DU кто 1DU.ACC-POSS.1DU
kus-se wargə-l-oj?
кто-COM.INSTR жить-FUT-1DU

‘(Шибко старые станем), кто нас (двоих) будет держать?’ = ‘Никто нас (двоих) не будет держать’.

Общеотрицательные предложения с имплицитным отрицанием также могут формироваться при помощи следующих лексем: ваховский и васюганский диалекты хантыйского языка – *kätf* ‘почти’; центральные и южные диалекты селькупского языка – *qer* ‘едва, почти, чуть не’. Данное явление относится к периферийной области отрицания и может быть названо полуотрицанием. Существует и альтернативная трактовка представленной хантыйской лексемы, согласно которой она может рассматриваться как перспектив [Кошкарева 2014]. Тот же анализ можно применить и к селькупской лексеме.

310 Вост.Хант.Вас. № 70 [Фильченко 2013: 83].

mä-n kätf qayrəmta-yal, kätf il nirimtə-yal.
1SG-ACC почти поймать-PST1.3SG почти низ схватить-
PST1.3SG

‘Он(а) чуть не поймал(а) меня, чуть не затащил(а) (туда) вниз’. = ‘(Он(а) не поймал(а) меня, не затащил(а) (туда) вниз)’.

311 Центр.Сельк.Обск.гов.Чум. [Быконя 2005: 109].

mat qer al'č'ak.

1SG почти упасть-1SG.sub

‘Я чуть не упал’. = ‘Я не упал’.

При частном отрицании оборот «неверно, что» подчиняет только часть предложения. Сферой действия такого отрицания является лишь часть предложения, которой предшествует отрицательный элемент (сферой действия такого отрицания может быть как один элемент, так и целая фраза). В таком предложении стандартная отрицательная частица обычно предшествует любому другому элементу предложения, кроме сказуемого, хотя и не всегда (см. раздел 1.2). С синтаксической точки зрения отрицание, несущее главное отрицание не при финитном глаголе, называется присловным [Падучева 2013: 292].

312 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 078; стр. 11).

tem ämp äntä onäl-t-əm küt'käl-tä

этот.PROX собака NEG привыкнуть-TR-PP охотиться-INF

ämp.

собака

‘Эта собака – не обученная охотиться собака’.

313 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 009; стр. 53).

juu qul wel-'ki-j-äyi äntä amäs-min qanəŋ-nə.

3SG рыба убивать-?-EP-PST0.3SG NEG сидеть-CVB берег-LOC

‘Он ловил рыбу, не сидя на берегу, (а пlying на лодке)’.

314 Центр.Сельк.Вас. Быль – старуха, замерзшая в лесу (С 61; стр. 200).

ninde a kundaе-k.

здесь NEG далеко быть-3SG.sub

‘Тут уж недалеко’.

315 Центр.Сельк.Вас. Быль – медведь (С 61; стр. 168).

qai-li-da *hir*, *aya hir*, *ti-elle* *pakte-γ-a*.
что-ADJz-INDEF корова NEG корова сюда-APROX прыгнуть-

PST-3SG.sub

‘Какая-то корова, не корова, сюда скакнула’.

В хантыйском и селькупском языках только часть отрицательной пропозиции может попадать под сферу действия отрицания, в то время как другая ее часть не отрицается, являясь пресуппозицией. В приведенных ниже примерах главное предложение подвергается отрицанию, в то время как подчиненное предложение является пресуппозицией и не входит в сферу действия отрицания.

316 Вост.Хант.Вас. (KhNeg № 004; стр. 35).

ənt onəl-qas-im *wajəγ* *jü-wəl*.
NEG узнать-PST3-1SG/SG медведь приходить-PRS.3SG

‘Я не знал, что медведь идет’.

‘Я не знал’ и ‘Медведь идет’.

317 Центр.Сельк.Вас.-Тым. [Быконя и др. 2005: 14].

manⁱ *amⁱam* *ase tenimi-s-(it)*, *tanⁱ* *telⁱtelⁱ*
1SG.GEN мать-POSS.1SG NEG знать-PST-1SG.sub 2SG вчера

tü-s^j-alⁱ.

приехал-PST-2SG.ob

‘Моя мать не знала, что ты вчера приехал’.

‘Моя мать не знала’ и ‘Ты вчера приехал’.

На основе приведенных примеров нами были рассмотрены основные виды семантического и синтаксического отрицания, а также сферы действия таких видов отрицания в предложении.

С семантической точки зрения мы проанализировали общее и частное отрицание. Общее отрицание помимо эксплицитного выражения может быть выражено имплицитно – предложение надо понимать в значении, противоположном тому, которое передается буквальным смыслом слов. Также имплицитное отрицание всего предложения может быть выражено с помощью

следующих лексем, которые могут быть рассмотрены как полуотрицание: ваховский и васюганский диалекты хантыйского языка – *kätf* ‘почти’, *potfti* ‘почти’ (заимствование из русского); центральные и южные диалекты селькупского языка – *qer* ‘едва, почти, чуть не’.

С синтаксической точки зрения были рассмотрены фразовое отрицание при финитном глаголе и присловное отрицание, несущее главное отрицание не при глаголе.

ВЫВОДЫ

1) В восточных диалектах в целом и в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка в частности используется стандартная частица отрицания *əntə*, в западных диалектах – *ant* или *an/at*. В селькупском языке используется стандартная частица отрицания *aśa*, представленная в виде алломорфов в центральных и южных диалектах как *a:*, *ja*, *aŋa*, *aza*, *asa*, *jas* и т. д., в северных диалектах – в виде *aŋsa*, *aŋ*. Этимологически стандартная частица отрицания в хантыйском языке восходит к протоугорскому и, вероятно, далее к протоуральскому отрицательному глаголу *e ~ ä*. В селькупском языке существуют две версии происхождения стандартной частицы отрицания: 1) этимологически восходит к уральскому отрицательному глаголу *e ~ ä*; 2) является заимствованием из эвенского языка.

2) В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка наблюдается использование прохибитива и императива 2-го и 3-го л. В васюганском диалекте хантыйского языка наблюдается использование прохибитива и императива 1-го л. В хантыйском языке в разных диалектах используются разные частицы прохибитива – *at* и *äl*. В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка при отрицании в императиве используется специальная частица отрицания *äl*. В селькупском языке стратегии использования прохибитива и императива 2-го и 3-го л. проявляет схожесть во всех диалектах (оптативные формы не берутся во внимание). При отрицании императива и оптатива в селькупском языке используется специальный маркер отрицания *iki/iki*. В селькупском языке было зарегистрировано использование отрицательной частицы прохибитива с глаголом в форме инфинитива, что является заимствованной из русского языка стратегией. Этимологически отрицательные частицы прохибитива в хантыйском и селькупском языках восходят к уральскому отрицательному глаголу *e ~ ä*.

3) Комплексный анализ бытийного отрицания показал, что в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка в утвердительных конструкциях

используется копула, проявляющая себя как обычный бытийный финитный глагол, в отрицательных конструкциях – отрицательный бытийный глагол *əntim*, который, с одной стороны, в большинстве случаев не согласуется с подлежащим, а с другой – иногда может принимать предикативный суффикс единственного числа *-äki* и суффикс множественного числа *-ätə*. В южных диалектах селькупского языка в утвердительных предложениях используется копула, проявляющая себя как обычный бытийный финитный глагол, в отрицательных – отрицательный бытийный глагол *śāŋku-*, проявляющий себя как обычный финитный глагол. В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка для отрицания в прошедшем времени используется специальная аналитическая конструкция, состоящая из отрицательного бытийного глагола *əntim* и вспомогательного глагола, несущего на себе основные глагольные суффиксы – *wəl-* ‘быть’ или *jə-* ‘становиться’. В центральных и южных диалектах селькупского языка для отрицания в настоящем и прошедшем времени используются одинаковые отрицательные бытийные предикаты, маркированные разными временными суффиксами. В нарымском и среднеобском диалектах селькупского языка наблюдается использование отрицательного бытийного глагола *n'etu-* ‘отсутствовать’, который принял парадигму селькупского глагола, а также способность присоединять некоторые деривационные и модальные суффиксы. В данных диалектах также отмечается использование отрицательного бытийного предиката *n'etu* ‘нету’, который, будучи заимствованным, не подвергся каким-либо изменениям со стороны селькупского языка.

4) В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка при отрицании местоимений и наречий используется элемент отрицательной полярности, клитика *-pə*, превращая анализируемое местоимение или наречие в единицу отрицательной полярности, которое используется только в совокупности с маркером отрицания. В данных диалектах не существует самостоятельных отрицательных местоимений и наречий. Процесс становления несамостоятельных отрицательных местоимений и наречий происходил в данных диалектах в рамках цикла Есперсена посредством эмфатической клитики *-pə*. Также были

зафиксированы нечастотные случаи использования утвердительных местоимений и наречий, использующихся вместе с маркером отрицания в качестве отрицательных местоимений и наречий.

В центральных и южных диалектах селькупского языка самостоятельные и несамостоятельные отрицательные местоимения и наречия сформировались из соответствующих вопросительных при помощи эмфатической частицы *naj* ‘даже, тоже’, которая в результате цикла Есперсена превратилась в клитику – элемент отрицательной полярности и далее начала реанализироваться в элемент отрицания, создавая самостоятельные отрицательные местоимения и наречия. Также в центральных и южных диалектах зафиксированы нечастотные примеры образования отрицательных местоимений и наречий предикативов при помощи префиксальных/препозитивных отрицательных частиц. Этимология эмфатического маркера **nej*, предположительно, связана с местоименной основой **ne* и эмфатическим элементом **aj* – $*nej < *ne + *aj$.

5) Анализ морфологического отрицания показал, что в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка показателем морфологического отрицания является суффикс *-ləγ/-ləy*, указывающий на отсутствие признака. В центральных и южных диалектах селькупского языка показателем морфологического отрицания является *-galik/-galiŋ* и *-gidi(l)*. Слово, оформленное суффиксом *-galik/-galiŋ*, указывает на отсутствие кого-либо/чего-либо, без кого, без чего совершается действие, а также может иметь детерминанты в виде указательных местоимений и прилагательных, находящихся в препозиции к нему. Существительные, осложненные суффиксом *-galik/-galiŋ*, могут вербализовываться. Слово, оформленное суффиксом *-gidi(l)*, может быть рассмотрено как относительное прилагательное, обозначающее отсутствие какого-либо качества либо как прилагательное со значением необладания.

6) В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка используется вспомогательный модальный отрицательный глагол *koř-/kür-* ‘не смочь/быть не способным’, в южных диалектах селькупского языка – *tačal-* ‘не мочь/быть не способным’. Функцию отрицательного вспомогательного глагола также могут

выполнять соответствующие утвердительные модальные глаголы путем предшествования им стандартного маркера отрицания: вах., вас. хант. *onəl-* ‘знать/уметь/мочь’ (NEG + *onəl-*) и центр., юж., сельк. *tinəmә-* ‘знать/уметь/мочь’ (NEG + *tinəmә-*), *e:-* ‘быть/мочь’ (NEG + *e:-*).

7) В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка типичной стратегией является единичное отрицание. В центральных и южных диалектах селькупского языка в типичных стратегиях используется как единичное, так и множественное отрицание.

При экспрессивном отрицании как в хантыйском, так и в селькупском языке может использоваться как единичное, так и множественное отрицание.

8) На основе ваховского и васюганского диалектов хантыйского и южных диалектов селькупского языка были проанализированы семантические и синтаксические типы отрицания в предложении, а также сфера действия отрицания. С семантической точки зрения было проанализировано общее и частное отрицание. С синтаксической точки зрения было рассмотрено фразовое и присловное отрицание.

9) Все основные стратегии отрицания были рассмотрены с позиции симметрии/асимметрии. Стандартное отрицание в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, южных и центральных диалектах селькупского языка демонстрирует полную симметрию с их утвердительными эквивалентами, так как в отрицательных конструкциях не наблюдается каких-либо структурных различий при сравнении с соответствующими утвердительными конструкциями, за исключением присутствия маркера отрицания.

Использование прохибитива для вторых и третьих лиц в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка демонстрирует полную симметрию при сравнении с императивом, не наблюдается каких-либо изменений, кроме присутствия отрицательного маркера прохибитива. Стратегии отрицания при индикативе и императиве в рассматриваемых диалектах обоих языков для вторых и третьих лиц

демонстрируют асимметрию. Используются разные отрицательные частицы, а также различные суффиксы при глаголе (суффиксы индикатива и императива).

В рассматриваемых диалектах обоих языков в бытийных конструкциях наблюдается асимметрия при утверждении и отрицании в настоящем времени. Для утверждения используется бытийный глагол-копула, для отрицания – специальный отрицательный бытийный глагол или предикат. При бытийном отрицании в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка для отрицания в прошедшем времени используется специальная аналитическая конструкция, состоящая из отрицательного бытийного предиката *əntim* и вспомогательного глагола, несущего на себе основные глагольные суффиксы – *wəl-* ‘быть’ или *jə-* ‘становиться’. Бытийное отрицание настоящего и прошедшего времени является асимметричным по отношению друг к другу. В центральных и южных диалектах селькупского языка для отрицания в настоящем и прошедшем времени используются одинаковые отрицательные бытийные глаголы, маркированные разными временными суффиксами. Стратегия бытийного отрицания в настоящем времени симметрична стратегии отрицания в прошедшем времени.

В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка стандартные несамостоятельные отрицательные местоимения и наречия демонстрируют асимметрию по отношению к утвердительным *qoji* ‘кто’/*qoji-pə əntə* ‘никто’. И лишь в редких случаях, когда отрицание местоимений и наречий происходит путем добавления лишь маркера отрицания, наблюдается симметрия *qoji* ‘кто’/*qoji əntə* ‘никто’. Согласно первой стратегии отрицания в центральных диалектах селькупского языка наблюдается симметрия отрицательных местоимений и наречий по отношению к их утвердительным эквивалентам *kuti* ‘кто’/*kuti naj* ‘никто’. Согласно второй стратегии отрицания в южных и центральных диалектах селькупского языка наблюдается асимметрия *kuti* ‘кто’/*kuti-naj+NEG* ‘никто’. Согласно третьей стратегии отрицания наблюдается асимметрия *kuti* ‘кто’/*kuti-naj(assi/a)+ (NEG)* ‘никто’.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвистическое отрицание представляет собой сложное и многоаспектное явление, способы выражения которого различаются в разных языках. Проведенное исследование позволило описать, проанализировать способы выражения отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка в сопоставлении с центральными и южными диалектами селькупского языка. Данные языки являются родственными и располагаются в одном лингвистическом ареале. Оба языка подвергаются сильному влиянию со стороны русского языка.

Лингвистическое отрицание на материале анализируемых диалектов хантыйского и селькупского языков может выражаться с помощью:

- 1) отрицательных частиц: хант. *əntə*, сельк. *a*·, *ja*, *aʏa*, *aza*, *asa*, *jas*; 2) показателей прохибитива: хант. *äl* + глагол в императиве, сельк. *iki/iki* + глагол в императиве;
- 3) отрицательных бытийных глаголов и предикатов: хант. *əntim* ‘отсутствовать’, сельк. *čāŋki*- ‘отсутствовать’, *nietu*- ‘отсутствовать’ и *nietu* ‘нету’;
- 4) несамостоятельных и самостоятельных отрицательных местоимений и наречий: хант. *qoji-pə(NPI)* + *əntə/NEG* ‘никто’, *qoji* + *əntə/NEG* ‘никто’, сельк. *kuti-naj(NEG)* ‘никто’, *kuti-naj(NPI)* + *a/assi/NEG* ‘никто’, *kuti-naj(NPI)-a/assi* + *a/assi/NEG* ‘никто’;
- 5) отрицательных модальных глаголов: хант. *koř-/kür*- ‘не смочь/быть не способным’, сельк. *tačal*- ‘не мочь/быть не способным’;
- 6) лексем, выражающих полуотрицание: хант. *kätf* ‘почти’, сельк. *qer* ‘едва, почти, чуть не’;
- 7) морфологических средств: суффиксов абессива/каритива хант. *-ləʏ/-läʏ*, сельк. *-galik/-galiŋ* и *-gidi(l)*;
- 8) аналитических средств: отрицательных частиц (стандартная, прохибитива), отрицательных местоимений и наречий, отрицательных модальных глаголов, лексем, выражающих полуотрицание;
- 9) различных средств выражения имплицитного отрицания: высказывание может иметь вопросительный или иной характер, но подразумеваться как отрицательное.

Повсеместно встречаются элементы выражения отрицания, заимствованные из русского языка, или явления, возникшие под контактным влиянием русского

языка – отрицательные частицы, предикаты / глаголы, местоимения и наречия-предикативы, обретение местоимениями и наречиями отрицательной полярности отрицательного значения (как одно из объяснений данного явления).

Эволюционные этапы формирования отрицательных местоимений и наречий в исследуемых диалектах представляют собой континуум в виде цикла Есперсена. Анализ теоретической литературы, рассматривающей цикл Есперсена на примерах языков с давней письменной традицией, в сопоставлении с имеющимися выводами относительно эволюции отрицания в уральских языках, позволил выяснить, что в отношении формирования единиц, выражающих отрицание, данный процесс может считаться в определенной степени универсальным, происходящим в определенные промежутки времени во всех языках мира, и в частности в уральских языках. Процессы, характеризующие цикл Есперсена, подробно описываются многими учеными, не используя, однако, сам термин. Для полного прохождения цикла требуется длительное время, в связи с чем в бесписьменных языках представляется возможным зафиксировать лишь определенные его этапы с последующей реконструкцией предыдущих и прогнозированием последующих.

Результаты сопоставления способов выражения отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка показали, что в отрицание в них во многом осуществляется по схожим стратегиям. Как в селькупском, так и в хантыйском языках при стандартном отрицании используются отрицательные частицы, а отрицание демонстрирует признаки морфосинтаксической симметрии с утвердительными конструкциями. В большинстве уральских языков стандартное отрицание происходит с использованием отрицательного глагола, однако существует общая тенденция к появлению в них отрицательных частиц. Отрицание при императиве в рассматриваемых языках происходит по одинаковой модели с использованием отрицательных частиц прохибитива и специальных суффиксов для глаголов в императиве вторых и третьих лиц. В ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка

используются суффиксы абессива/каритива, а также модальные отрицательные глаголы.

Определенное разнообразие демонстрирует бытийное отрицание и отрицание при местоимениях и наречиях. В диалектах анализируемых языков имеются специальные отрицательные бытийные предикаты и глаголы. Если в хантыйском языке это отрицательный бытийный предикат, то в селькупском используется в основном отрицательный бытийный глагол. Бытийное отрицание в прошедшем времени в хантыйском происходит при помощи вспомогательного глагола, который принимает суффиксы прошедшего времени, а в селькупском эти суффиксы принимаются самим отрицательным бытийным глаголом.

Отрицание при местоимениях и наречиях также имеет разнообразные планы выражения. Как в хантыйском, так и в селькупском языках наиболее распространенной стратегией является использование вопросительного или неопределенного местоимения и наречия с добавлением клитики, усиливающей отрицание, и маркера отрицания в эллипсе или отрицательного предиката. Остальные стратегии в рассматриваемых языках отличаются друг от друга. В хантыйском языке отрицание неопределенных местоимений и наречий может происходить при помощи предикативного отрицания и базовой формы местоимения или наречия. В селькупском языке, в свою очередь, отмечается существование самостоятельных отрицательных местоимений и наречий.

Прототипичным отрицанием как в селькупском, так и в хантыйском языках является единичное отрицание. Однако в некоторых диалектах селькупского языка множественное отрицание также стало прототипичным. В экспрессивном контексте отрицание в обоих языках возможно как единичное, так и множественное.

По теме диссертации опубликовано 10 научных работ, из них 4 – в журналах, рецензируемых ВАК.

Статьи ВАК:

1) Ковылин, С.В. Бытийное отрицание в восточнохантыйском и центрально-селькупском диалектах // Вестник Томского государственного педагогического

университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2013. Вып. 3 (131). С. 99–105.

2) Ковылин, С.В. К проблеме множественного отрицания в восточных диалектах хантыйского и южных диалектах селькупского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2014. Вып. 10 (151). С. 106–113.

3) Ковылин, С.В. Об отрицании при местоимениях и наречиях в центральных диалектах селькупского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2015. Вып. 4 (157). С. 36–42.

4) Ковылин, С.В. Отрицательные бытийные предикаты *n̄etu* ‘отсутствовать’ и *n̄etu* ‘нету’ в центральных и южных диалектах селькупского языка // Сибирский филологический журнал. 2016. Вып. 4. С. 255–264.

Прочие статьи:

5) Ковылин, С.В. Двойное отрицание в языках мира // Наука и образование. II Всероссийский фестиваль науки: XVI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященная 110-летию ТГПУ (23–27 апреля). Т. II: Филология. Ч. 2: Актуальные проблемы современной лингвистики. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2012. – С. 287–292.

6) Ковылин, С.В. Прохибитив в селькупском и хантыйском языках // Наука и образование. III Всероссийский фестиваль науки. XVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (22–26 апреля 2013 г.) Т. II: Филология. Ч. 2: Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2013. – С. 176–181.

7) Ковылин, С.В. Отрицательные местоимения в селькупском и хантыйском языках // Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа и алтаиста М.А. Кастрена (1813–1852) (Абакан, 25–28 сентября 2013 г.) / отв. ред. А.Д. Каксин. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2013. – С. 100–105.

8) Ковылин, С.В. К вопросу об отрицании при вопросительных и неопределенных местоимениях и наречиях в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2014. Вып. 2 (4). С. 17–28.

9) Ковылин, С.В. К проблеме реконструкции эмфатического элемента / элемента отрицательной полярности / отрицательного элемента *-naj* в центральных и южных диалектах селькупского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2015. Вып. 2 (8). С. 49–54.

10) Kovylin, S. Negative Pronouns and Adverbs in the Central and Southern Dialects of Selkup // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2016. 40. S. 47–71.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Условные сокращения диалектов и говоров

- Вост.Хант.Вас. – Восточные ханты, васюганский диалект;
Вост.Хант.Вах. – Восточные ханты, ваховский диалект;
Вост.Хант.Тром-юган. – Восточные ханты, тром-юганский говор сургутского наречия;
Центр.Сельк.Вас. – Центральные селькупы, васюганский диалект;
Центр.Сельк.Нарым. – Центральные селькупы, нарымский диалект;
Центр.Сельк.Тым. – Центральные селькупы, тымский диалект;
Центр.Сельк.Вас.-Тым. – предположительно смешанный диалект; центральные селькупы, васюганский/тымский диалект;
Центр.Сельк.Обск.гов.Чум. – Южные селькупы, обские говоры чумылькупов (по: Быконя В.В., 2005).
Юж.Сельк.Кет. – Южные селькупы, кетский диалект;
Юж.Сельк.Ср-об. – Южные селькупы, среднеобской диалект;
Юж.Сельк.Сондр.гов. – Южные селькупы, сондровские говоры;
Юж.Сельк.Обск.гов.Сюс. – Южные селькупы, обские говоры сюсюкумов (по: Быконя В.В., 2005); то же самое, что и сондровские говоры;
Юж.-Центр.Сельк.Кет.-Тым. – предположительно смешанный диалект; южные/центральные селькупы, кетский/тымский диалект.

Условные сокращения глоссов

- 1 – 1-е лицо;
2 – 2-е лицо;
3 – 3-е лицо;
ABESS – абессив;

ABL2 – аблатив (сформировавшийся из показателя местно-исходного падежа и дополнительного форманта с аблативной нагрузкой);

ACC – аккумулятив;

ADJz – аджективайзер;

ADV – наречие;

ADVz – адвербализатор;

ALL – аллатив;

APROX – приблизительность;

CAR – каритив;

CAR.ADJz – каритив-аджективайзер;

CLIT – клитика;

COM – комитатив;

COM.INSTR – комитатив-инструментатив;

CVB – деепричастие;

DER – деривация;

DEST.TRNSL – тестинатив-транслатив;

DET – детерминант;

DIM – диминутив;

DU – двойственное число;

DUR – дуратив;

EMPH – эмфаза;

EMPH.PTCL – эмфатическая частица;

EP – эпинтеза;

EVID – эвиденциальность;

FOC – фокус;

FUT – будущее время;

GEN – генитив;

HAB – хабитуальность;

ILL – иллатив;

IMP – императив, частица императива;

IMPP – имперфектное причастие (причастие настоящего времени);
 INF – инфинитив;
 INDEF – неопределенность;
 INTNS – интенсификатор;
 INTR – интранзитивность;
 INVIS.PROX – невидимый, в непосредственной близости;
 IPFV – имперфектность;
 LAT1 – латив (для неодушевленных предметов);
 LAT2 – латив (для одушевленных предметов);
 LOC – локатив;
 LOC1 – локатив (для неодушевленных предметов)/местно-временной падеж;
 LOC2 – локатив (для одушевленных предметов)/местно-личный падеж;
 LOC.ABL – локатив аблатив;
 LOC.ADJz – локатив-аджективайзер;
 MLTOb – мультиобъектность;
 MMNT – моментатив;
 NEG – стандартная частица отрицания, отрицательный суффикс;
 NEG.AUX – отрицательный вспомогательный модальный глагол;
 NEG.EX – отрицательный бытийный предикат;
 NEG.IMP – отрицательная частица императива (оптатива);
 NMLz – номинализатор;
 NOM – номинатив;
 NPI – единица отрицательной полярности;
 ob – объектное спряжение;
 OPT – оптатив;
 PART – частица;
 PASS – пассив;
 PFV – перфектность;
 PL – множественное число;

POSS – посессивность;
PP – перфектное причастие (причастие прошедшего времени);
PRD – предикатив;
PROL – пролатив;
PROL.ABL – пролатив-аблатив;
PRS – настоящее время (в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка настоящее-будущее время);
PRS.PTCP – причастие настоящего времени;
PST – прошедшее время;
PST0 – давно прошедшее, определенное;
PST1 – давно прошедшее, неопределенное;
PST2 – недавно прошедшее, определенное;
PST3 – недавно прошедшее, неопределенное;
PST.PTCP – причастие прошедшего времени;
PSTN – прошедшее повествовательное;
REFL – рефлексив;
SG – единственное число;
sub – субъектное спряжение;
TR – транзитивность;
TRNSL – транслатив;
VBLz – вербализатор;
VIS.PROX – видимый, в непосредственной близости.

Прочие условные сокращения

CHCC – Сказки народов сибирского севера;
Аннот. фолькл. тексты – аннотированные фольклорные тексты;
Сборник. аннот. текстов – сборник аннотированных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксянова, Г.А., Соколова, З.П. Ханты. Ханты. Общие сведения // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии СО РАН. – Москва: Наука, 2005. – С. 57–67.
2. Алатало, Я. Сўссығўй эҗипсан. Қэтқый қўланни. Селькупский словарь. Кетский диалект. Национальный клуб «Максимоярочка». Максимкин Яр – Хельсинки, 1998. – 149 с.
3. Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала / отв. ред. А.Ю. Фильченко – Томск: Ветер, 2010. – 336 с.
4. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – Москва: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
5. Балли, Шарль. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. Е.В. Вентцель, Т.В. Вентцель, ред., авт. ст., примеч. Р.А. Будагов. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
6. Бахарев, А.И. Отрицание в русском языке (сущность, способы выражения, история развития и современное состояние): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ташкент: ТГУ, 1996. – 43 с.
7. Беккер, Э.Г. Категория падежа в селькупском языке. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. – 208 с.
8. Беккер, Э.Г. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 1 / Э.Г. Беккер, Л.А. Алиткина, В.В. Быконя, И.А. Ильяшенко. – Томск: ТГУ, 1995а. – 292 с.
9. Беккер, Э.Г. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 2 / Э.Г. Беккер, Л.А. Алиткина, В.В. Быконя, И.А. Ильяшенко. – Томск: ТГУ, 1995б. – 292 с.
10. Блумфилд, Л. Язык / пер. с англ. Е.С. Кубрякова, В.П. Мурат. – Москва: Прогресс, 1968. – 608 с.

11. Богуславский, И.М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. – Москва: Наука, 1985. – 176 с.
12. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-е (репринтное) издание «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 года / гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
13. Борщев, В. Бытийные и локативные предложения – что их различает? Тема-рематическая структура или диатеза? [Электронный ресурс] / В. Борщев, В. Partee; Handout – семинар ИПИРАН, 23 марта 2007. – 14 с. – Режим доступа: http://people.umass.edu/partee/docs/Handout_Borschev-Partee_IPIRAN.pdf (дата обращения: 03.09.2013).
14. Быконя, В.В. Селькупско-русский диалектный словарь / В.В. Быконя, Н.Г. Кузнецова, Н.П. Максимова. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. – 348 с.
15. Быконя В.В. Происхождение средств выражения категории отрицания в селькупском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2014. Вып. 4 (145). С. 61–66.
16. Быконя, В.В. Шарватплэнд шешкуй шэндсэ! Говори по-шёшкупски! (русско-селькупский разговорник). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – 110 с.
17. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / Перевод с английского А.К. Жолковского // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. – Москва: Прогресс, 1972. – С. 25–60.
18. Вайнрайх, У. Языковые контакты / пер. с англ. языка и комментарии Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1979. – 268 с.
19. Гусев, В.Ю. Типология императива. – Москва: Языки славянской культуры, 2013. – 336 с.
20. Григоровский, Н.П. Описание Васюганской тундры // Записки западно-сибирского отдела Императорского русского географического общества, н. VI. – Омск, 1884. – 69 с.

21. Добрушина, Н.Р. Наклонение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. – Москва, 2012. – Режим доступа: <http://rusgram.ru/Наклонение> (дата обращения: 03.07.2015).
22. Ермакова, Н.Д., Кузнецова, Н.Г. Суффиксальное отрицание в селькупском языке // *Linguistica uralica* 2. 34; 1998. – С. 134–139.
23. Есперсен, О. Философия грамматики / пер. с англ. В.В. Пасека и С.П. Сафроновой; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ильиша. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 400 с.
24. Животиков, П.К. Очерк грамматики хантыйского языка: средне-обской диалект / под ред. Ю.Н. Русской. – Ханты-Мансийск: Окружная комиссия по разработке литературного хантыйского языка при Исполкоме Ханты-Мансийского окрсовета депутатов трудящихся Омской области, 1942. – 122 с.
25. Ивин, А.А., Никифоров, А.Л. Словарь по логике. – Москва: Владос, 1997. – 384 с.
26. Ильина, Л.А. Структурные изменения в селькупском языке как следствие языкового контакта // Проблемы документации исчезающих языков и культур. Материалы международной конференции «21-е Дульзоновские чтения» (Ч. 1). – Уфа–Томск: Восточный университет, 1999. – С. 84–90.
27. Ильяшенко, И.А. Местоименные слова в южных диалектах селькупского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Тарту: Тартуский государственный ун-т, 1989. – 193 с.
28. Ириков, С.И. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский: пособие для учащихся начальных школ. – Ленинград: Просвещение. Ленинградское отделение. 1988. – 224 с.
29. Казакевич, О.А. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / О.А. Казакевич, Е.М. Будянская; под ред. О.А. Казакевич. – Екатеринбург: Баско, 2010. – 368 с.
30. Кошкарева, Н.Б. Средства выражения перспективности в хантыйском и русском языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 13. – Вып. 2. – 2014. – С. 5–27.

31. Кузнецова, Н.Г. Грамматические категории южноселькупского глагола. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. – 285 с.
32. Кузнецова, А.И. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 1 / А.И. Кузнецова, Е.А. Хелимский, Е.В. Грушкина. – Москва: Изд-во МГУ, 1980. – 411 с.
33. Кузьмина, А.И. Грамматика селькупского языка, ч. 1. Селькупы и их язык. – Новосибирск, 1974. – 266 с.
34. Кулемзин, В.М., Лукина, Н.В. Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск: Наука, 1992. – 136 с.
35. Купер, Ш., Пустаи, Я. Селькупский разговорник (нарымский диалект). *Specimina Sibirica. Redigit Janos Puszta. Tomus 7. Savariae*, 1993. – 80 с.
36. Майтинская, К.Е. Местоимения в языках разных систем. – Москва: Наука, 1969. – 312 с.
37. Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках / отв. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., испр. – Москва: Либроком, 2010. – 186 с.
38. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / пер. с франц. Н.Д. Андреева. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 438 с.
39. Могутаев, М.К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). – Томск: Томский госпедуниверситет, 1996. – 352 с.
40. Морев, Ю.А. Звуковой строй среднеобского (ласкинского говора) селькупского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1973. – 260 с.
41. Морева, Л.В. Некоторые способы выражения модальности в среднеобских говорах селькупского языка // Языки и топонимия Сибири. V. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1972. – С. 79–84.
42. Надь, Золтан. Васюганские ханты. Изменение религиозной системы в XIX–XXI веках / пер. с венг. Дианы Пушкеш, отв. ред. Н.В. Лукина. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. – 294 с.
43. Наречие [Электронный ресурс] // Русская грамматика. Т. 1. Фонетика, словообразование, морфология; Академия наук СССР, Институт русского языка.

– Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/1645-1668.html#1645> (дата обращения: 01.05.2013).

44. Отрицательные местоимения [Электронный ресурс] // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). – Режим доступа: [http://rusgram.ru/Местоимение#sm_neg] (дата обращения: 07.06.2015).

45. Падучева, Е.В. Бытие и восприятие в семантике генитивной конструкции отрицания [Электронный ресурс] / Е.В. Падучева; Грамматическая комиссия. Санкт-Петербург, 12–14.09.2007. – 7 с. – Режим доступа: http://rusgram.ru/sites/default/files/liter/bezl/paducheva_bivgen.pdf (дата обращения: 03.09.2013).

46. Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. – Москва: Наука, 1974. – 292 с.

47. Падучева, Е.В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. – Москва, 2014. – Режим доступа: <http://rusgram.ru/Модальность#12> (дата обращения: 03.07.2015).

48. Падучева, Е.В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. – Москва, 2014. – Режим доступа: http://rusgram.ru/Модальность#m1_1 (дата обращения: 03.07.2015).

49. Падучева, Е.В. Русское отрицательное предложение. – Москва: Языки славянской культуры, 2013. – 304 с.

50. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.

51. Плунгян, В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – Москва: Российский государственный гуманитарный ун-т, 2011. – 672 с.

52. Прокофьев, Г.Н. Селькупская грамматика, ч. 1. – Ленинград: Изд-во Института Севера ЦИК СССР, 1935. – 136 с.

53. Прокофьев, Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов севера. Ч. I. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов / под ред. Г.Н. Прокофьева. – Ленинград: Гос. уч.-пед. изд-во, 1937. – С. 91–124.

54. Прокофьева, Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. ТИЭ. Вып. 1. Т. 18. – Москва–Ленинград, 1952. – С. 88–107.

55. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 2-е. изд., испр. и доп. – Москва: Просвещение, 1985. – 399 с.

56. Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 2. – Томск: Аграф-Пресс, 2012. – 247 с.

57. Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Коллективная монография. Т. 3. – Томск: Вайар, 2013. – 386 с.

58. Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Коллективная монография. Т. 4. – Томск: ТМЛ-Пресс, Вайар, 2015. – 344 с.

59. Селькупский язык. Учебное пособие для педагогических колледжей и высших учебных заведений / И.А. Кузнецова, О.А. Казакевич, Е.В. Грушкина, Е.А. Хелимский; под ред. А.И. Кузнецовой. – Санкт-Петербург: Филиал Изд-ва «Просвещение», 2002. – 395 с.

60. Селькупы [Электронный ресурс] // Энциклопедия Сибири; Интеграционный проект СО РАН “Историческая энциклопедия Сибири” № 7.1. – Режим доступа: <http://russiasib.ru/selkupy/> (дата обращения: 03.09.2013).

61. Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка: монография / Н.А. Тучкова, С.В. Глушков, Е.Ю. Кошелева и др.; Томский политехнический университет; 2-е изд. испр. и доп. – Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2013. – 318 с.

62. Сказки народов сибирского Севера 2 / отв. ред. Т.И. Поротова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1967. – 139 с.
63. Сказки народов сибирского севера 4: Сборник статей. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. – 190 с.
64. Сказки нарымских селькупов: книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык / записи, перевод, комментарии В.В. Быконя, А.А. Ким, Ш.Ц. Купер, Н.П. Максимовой, И.А. Ильяшенко. – Томск: Изд-во НТЛ, 1996. – 187 с.
65. Соловар, В.Н., Черемисина, М.И. Выражение отрицания в хантыйском языке // *Linguistica Uralica* 1. 30; 1994. – С. 35–46.
66. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А.В. Бондарко. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 229 с.
67. Терешкин, Н.И. Ваховский диалект хантыйского языка (фонетика и морфология): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1967. – 20 с.
68. Терешкин, Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. Часть первая. Ваховский диалект. – Москва/Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 205 с.
69. Терешкин, Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. – Ленинград: Наука, 1981. – 544 с.
70. Терещенко, Н.М. Синтаксис самодийских языков: Простое предложение. – Ленинград: Наука, 1973. – 324 с.
71. Фильченко, А.Ю. Аспекты грамматики восточно-хантыйских диалектов: Монография. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2010. – 553 с.
72. Фильченко, А.Ю. Отрицание в восточнохантыйских и южноселькупских диалектах // *Урало-алтайские исследования. Научный журнал*. 2013. – № 1 (8). С. 55–99.
73. Фильченко, А.Ю. Асимметричное отрицание в восточно-хантыйском и южно-селькупском // *Томский журнал лингвистических и антропологических*

исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2013б. – Вып. 2 (2). – С. 29–49.

74. Хелимский, Е.А. К исторической диалектологии селькупского языка // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. – Москва: Языки славянской культуры, 2004 – С. 68–79.

75. Хелимский, Е.А. Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского. Sudselkupisches Wörterbuch von N.P. Grigorovski / Institut für Finnougristik-Uralistik der Universität Hamburg; обраб. и изд-во Е.А. Хелимского. – Hamburg: Institut für Finnougristik/Uralistik der Universität Hamburg, 2007а. – 225 с.

76. Хелимский, Е.А. Северноселькупский словарь (Тазовский диалект). Незаконченный, изданный посмертно (PDF file), 17.05.2007б. – 349 с.

77. Шаргородский, Л.Т. Селькупы // Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы. Культура народов России. Т. 6. – Новосибирск: Наука, 2002. – С. 155–174.

78. Шмелев, Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания 6. Академия наук СССР. Институт языкознания. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – С. 63–75.

79. Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки. – Москва, 1966. – 464 с.

80. Alatalo, Jarmo. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. SOCIÉTÉ FINNO-UGRIENNE HELSINKI, 2004. – 465 S.

81. Anderson, R. Stephen, Zwicky, M. Arnold. Clitics // International Encyclopedia of Linguistics: 4-Volume Set. Volume 1, Second Edition; Editor in Chief: William J. Frawley. – Oxford: University Press, 2003. – pp. 325–328.

82. Brandtler, Johan. On Aristotle and Baldness – Topic, Reference, Presupposition of Existence, and Negation // Working Papers in Scandinavian Syntax, volume 77. – Lund University, 2006. – pp. 177–204.

83. Bybee, Joan. L. Morphology: a study of the relation between meaning and form. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1985. – 235 p.
84. Bybee, Joan L. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world / Joan L. Bybee, Revere Perkins, William Pagliuca. – Chicago: The University of Chicago Press, 1994. – 398 p.
85. Castren, M. Alexander. Versuch einer ostjakischen Sprachlehre. Nebst kurzem Wörterverzeichnis. – St.-Petersburg, 1858. – 126 S.
86. Castren, M. Alexander. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen / Bearbeitet von Anton Schiefner. – St.-Petersburg, 1855. – 404 S.
87. Croft, W. Explaining language change: an evolutionary approach. – London: Longman linguistics library, 2000. – 287 p.
88. Croft, W. The evolution of negation // Journal of Linguistics 27, 1991. – pp. 1–27 .
89. Dahl, Osten. Typology of sentence negation // Linguistics 17. – Mouton Publishers, 1979. – pp. 79–106.
90. Devos, M., Van der Auwera J. Jespersen cycles in Bantu: double and triple negation [Electronic resource] // Journal of African Languages and Linguistics 34, 2013. – pp. 205–274 (52 p.). – URL: <http://uahost.uantwerpen.be/vdauwera/Bantu%20Jespersen%20May%202012.pdf> (accessed on 2014-04-06).
91. Dryer, S. Matthew. Negative Morphemes [Electronic resource] // In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. – 2013. (Available online at <http://wals.info/chapter/112>, Accessed on 2017-01-22.)
92. Dulson, A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение, VII. – Таллин, 1971. – С. 35–43.
93. Erdélyi, István Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas Dialect. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1969. – 316 S.

94. Filchenko, A.Ju. Negation in Eastern Khanty // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – 2012. – Вып. 1 (116). – С. 38–44.
95. Filchenko, A.Ju. Negation in Eastern Khanty // Negation in Uralic Languages ed. by. M. Miestamo, B. Wagner-Nagy & A. Tamm. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2015. – pp. 159–190.
96. Fries, Norbert. Prohibitiv [Electronic resource] // Norbert Fries: Online Lexikon Linguistik. – Berlin. – URL: <http://www2.hu-berlin.de/linguistik/institut/syntax/onlinelexikon/P/prohibitiv.htm> (accessed on 2014-04-06).
97. Giannakidou, Anastasia. Positive polarity items and negative polarity items: variation, licensing, and compositionality // Semantics: an international handbook of natural language meaning. Volume 2. Second edition; ed. by K. von Stechow, C. Maienborn, P. Portner. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. – pp. 1660–1712.
98. Givon, Talmy. Syntax: An introduction, Volume I. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. – 500 p.
99. Gulya, Janos. Eastern Ostyak Chrestomathy. Uralic and Altaic Series. Indiana University, Mouton & Co, Bloomington, The Hague, 1966. – 209 p.
100. Hajdu, Peter. Die Uralischen Sprachen und Literaturen / Peter Hajdu, Peter Domokos. – Hamburg: Buske, 1987. – 608 S.
101. Haspelmath, Martin. Lexical borrowing: concept and issues // Loanwords in the world's languages. A comparative handbook; ed. by Martin Haspelmath, Uri Tadmor. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2009. – pp. 35–54.
102. Haspelmath, Martin, Sims D. Andrea. Understanding morphology: 2nd edition (Understanding language). – London, 2010. – 366 p.
103. Haspelmath, Martin. Indefinite pronouns. Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory. – Oxford: Clarendon Press, 1997. – 364 p.
104. Haspelmath, Martin. Negative Indefinite Pronouns and Predicate Negation [Electronic resource] // In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute

for Evolutionary Anthropology. – 2013. (Available online at <http://wals.info/chapter/115>, accessed on 2017-01-24).

105. Honti, Laszlo. Die Negation im Uralischen I // *Linguistica uralica* 2. 33; 1997. – C. 81–96.

106. Honti, Laszlo. Die Negation im Uralischen II // *Linguistica uralica* 3. 33; 1997. – C. 161–176.

107. Honti, Laszlo. Die Negation im Uralischen III // *Linguistica uralica* 4. 33; 1997. – C. 241–252.

108. Honti, Laszlo. *Chrestomathia Ostiacica*. – Budapest, 1984. – 285 p.

109. Horn, Laurence. R. *A natural history of negation*. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 637 p.

110. H. Paasonens *Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan* // *Zusammengestellt new transskribiert und herausgegeben von Kai Donner*. – *Lexica Societatas Fenno-Ugricae* II. Helsingfors, 1926. – 334 S.

111. Janhunen, Juha. *Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien*. – Helsinki, 1977. – 186 S.

112. Janhunen, Juha. *Uralic languages* // *International Encyclopedia of Linguistics: 4-Volume Set. Volume 4, Second Edition*, Editor in Chief William Frawley. – Oxford: University Press, 2003. – pp. 326–329.

113. Janurik, T.A. *Szölkup nyelvjárások osztályozása* // *Nyelvtudományi Közlemények*. – 1978, 80. – O. 77–104.

114. Jespersen, Otto. *Negation in English and Other Languages* / Otto Jespersen; København, A.F. Høst, Cornell University Library, 1917. – 159 p.

115. Katz, H. *Selkupische Quellen. Lesebuch*. – Wien, 1979. – 231 S.

116. Katz, H. *Zwei Etymologien* // *Nyelvtudományi Közlemények* S. 72; 1970. – S. 147–150.

117. Kiparsky, P., Condoravdi, C. *Tracking Jespersen's Cycle*. In Mark Janse, Brian D. Joseph, and Angela Ralli (eds.) *Proceedings of the Second International Conference on Modern Greek Dialects and Linguistic Theory*. – Mytilene: Doukas, 2006. – pp. 172–179.

118. K.F. Karjalainen's ostjakisches Wörterbuch / Bearbeitet und herausgegeben von Y. H. Toivonen. I, II. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1948. – 1199 S.

119. Lawler, John M. Negation and Negative Polarity [Electronic resource] // The Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences, 2007. – URL: <http://www-personal.umich.edu/~jlawler/CELS-Negation.pdf> (accessed on 2014-06-02).

120. Miestamo, Matti. Negation – an overview of typological research // Language and Linguistics Compass. Volume 1, Issue 5. 2007. – pp. 552–570.

121. Miestamo, Matti. On the complexity of standard negation. A Man of Measure: Festschrift in Honour of Fred Karlsson on His 60th Birthday // SKY Journal of Linguistics (Special Supplement); Vol. 19. – Turku: The Linguistic Association of Finland, 2006. – pp. 345–356.

122. Miestamo, Matti. Standard negation: The negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective. – Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2005. – 490 p.

123. Miestamo, Matti. Towards a typology of standard negation // Nordic Journal of Linguistics 23. 2000. – pp. 65–88.

124. Negation in Uralic languages / ed. by M. Miestamo, B. Wagner-Nagy & A. Tamm. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2015. – 667 p.

125. Payne, John. Negation // International Encyclopedia of Linguistics: 4-Volume Set. Volume 3, Second Edition, Editor in Chief William Frawley. – Oxford: University Press, 2003. – pp. 131–133.

126. Payne, John. Negation // Language typology and syntactic description. Volume I. Clause structure / ed. by Timothy Shopen. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – pp. 197–242.

127. Payne, Thomas. Describing morphosyntax. A guide for field linguists. University of Oregon and summer Institute of linguistics. – Cambridge University Press, 1997. – 413 p.

128. Padučeva, E.V. Между предложением и высказыванием: субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость // Revue des études slaves, Tome 62, Fascicule 1–2. En hommage à Roger L'Hermitte. 1990. – pp. 303–320.

129. Polarity [Electronic resource] // English Collins Dictionary – English Definition & Thesaurus. – URL: <http://dictionary.reverso.net/english-definition/polarity%20protection> (accessed on 2014-04-06).

130. Polarity [Electronic resource] // Grammarpedia. Online English grammar resource. – URL: <http://languagetools.info/grammarpedia/polarity.htm> (accessed on 2014-04-06).

131. Redei, Karoly. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band 1. Uralische und finisch-ugrische Schicht. Akademiai Kiado. – Budapest, 1988. – 593 S.

132. Redei Karoly. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band 2. Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. Akademiai Kiado. – Budapest, 1988. S. 597–906.

133. Redei, Karoly. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band 3. Register. Akademiai Kiado. – Budapest, 1988. – 275 S.

134. Samojedische Sprachmaterialien / Gesammelt von M. A. Castren und T. Lehtisalo. Herausgegeben von T. Lehtisalo. – Helsinki, 1960. – 463 S.

135. Schmidt, Éva. Serkáli osztják chrestomathia / Published by László Fejes. MTA Nyelvtudományi Intézet. Budapest, 2008. – 250 o.

136. Sosa, Sachiko. Negation in Eastern Khanty narratives from the perspective of information flow // Negation in Uralic Languages / ed. by M. Miestamo, B. Wagner-Nagy & A. Tamm. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2015. – pp. 615–632.

137. Steinitz, Wolfgang. Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache – DEWOS. Akademie – Verlag – Berlin, 1966–1993. – 2023 S.

138. Steinitz, Wolfgang. Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis. 2 Verbesserte Auflage. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. – 170 S.

139. Van Alsenoy, L., Van der Auwera, J. Indefinite pronouns in Uralic languages // Negation in Uralic Languages ed. by M. Miestamo, B. Wagner-Nagy & A. Tamm. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2015. – pp. 519–546.

140. Van der Auwera, J. On the diachrony of negation [Electronic resource] // The Expression of negation; ed. by L.R. Horn. – Berlin: Mouton, 2010. – pp. 73–101 (24 p.). – URL:

http://uahost.uantwerpen.be/vdauwera/vdA_DiachronyNegation_LHedit_JvdA.pdf
(accessed on 2014-04-06).

141. Van der Auwera, J. Prohibition: constructions and markers [Electronic resource] // *Contrasting meaning in languages of the East and West* / ed. by D. Shu & K. Turner. – Tübingen: Narr, 2010. – pp. 443–475 (21 p.). – URL: <http://uahost.uantwerpen.be/vdauwera/ProhJaszczoltTurner%20revised.pdf> (accessed on 2014-04-06).

142. Van der Auwera, J. The Jespersen cycles // *Cyclical change* / ed. by E. van Gelderen. – Amsterdam: Benjamins, 2009. – pp. 35–71.

143. Van der Auwera, J., Devos, M. Irrealis in positive imperatives and prohibitives [Electronic resource] // *Language Sciences* 34, 2012. – pp. 171–183 (20 p.). – URL: <http://uahost.uantwerpen.be/vdauwera/Irrealis%20in%20positive%20imperatives%20and%20in%20prohibitives%20rev1.pdf> (accessed on 2014-04-06).

144. Van der Auwera, J., Lejeune, L., Goussev, V. The Prohibitive [Electronic resource] // In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. – 2013 (Available online at <http://wals.info/chapter/71>, accessed on 2017-01-25).

145. Van der Auwera, J., Van Alsenoy, L. Indefinite pronouns, synchrony and diachrony – comments on Willis // *The evolution of negation: Beyond the Jespersen cycle* / ed. by P. Larrivée & R. Ingham. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. – pp. 325–346.

146. Vertes, Edith. *Die ostjakischen Pronomina*. Akademiai Kiado. – Budapest, 1967. – 272 S.

147. Wagner-Nagy, Beata. *On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages*. Société Finno-Ougrienne. – Helsinki, 2011. – 336 p.

148. Wierzbicka, A. *Semantics: Primes and Universals*. – Oxford; N. Y: Oxford UP, 1996.

149. Zeijlstra, Hedzer Hugo. Sentential Negation and Negative Concord: Thesis (doctoral). – Amsterdam: LOT, 2004. – 315 p.

АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ

Хантыйский

У 1–7 Ханты (данные экспедиций); Васюган, 1956–1998. Архив ЯНС ТГПУ.

KhNeg: Опросник «Отрицание», записан – август 2012, июль 2013; село Новый Васюган, С.В. Ковылин. Архив ЯНС ТГПУ.

KhText: Баба-Яга. Записан – июль 2013; село Новый Васюган, С.В. Ковылин. Архив ЯНС ТГПУ.

Селькупский

С 1–66 Селькупы (данные экспедиций). Центральные и южные диалекты. 1952–2013. Архив ЯНС ТГПУ.

Т 1–36 Селькупы. 1962–1977. Архивы А.И. Кузьминой. Институт финно-угорских и уральских исследований, Гамбургский университет.

SelNeg: Опросник «Отрицание», записан – 2011, село Парабель, А.Ю. Фильченко. Полевой архив ТГПУ.

SelNeg2: Опросник «Отрицание», записан – 2012, село Парабель, С.В. Ковылин. Полевой архив лаборатории ЯНС ТГПУ.

SelText: Рассказ Коробейниковой И.А. о себе. – 2013, село Парабель, С.В. Ковылин. Полевой архив лаборатории ЯНС ТГПУ.

Приложение 1

KhNeg: Опросник «Отрицание»²², записан – август 2012, село Новый Васюган, С.В. Ковылин. Архив ЯНС ТГПУ.

Информант: Миллимов Петр Михайлович. Владение русским языком ограничивается сильной интерференцией со стороны хантыйского языка. Активно владеет хантыйским языком, однако в языке информанта находит отражение контактное влияние русского языка. Проживает в поселке Новый Васюган Каргасокского района Томской области. Владеет васюганским диалектом хантыйского языка.

001

Ämp uwəl qəsija.

Собака лает на человека.

002

Ämp uwəl mätä wajqa.

Собака лает на какого-то зверя.

003

Ämp ənt uwəl.

Собака не лает.

004

Ämp uyəl.

Собака лаяла.

005

Ämp uyəl məlayəl i tem qotəl.

Собака лаяла вчера и сегодня.

006

(Ämp) uyantawəl mätä wajqa.

Собака лает на какого-то зверя.

²² Представлена часть опросника, параллельная опроснику по селькупскому языку.

007

Ämp äntə uyantyəs.

Собака не лаяла.

008

Tem ämp quntəp äntə uwəl.

Эта собака никогда не лает.

009

Ämp uwəyətəwəl.

Собака будет лаять.

010

Ämp äntə uwəyətəwəl.

Собака не будет лаять.

011

Tem ämp quntəp äntə uwəyətəwəl.

Эта собака никогда не будет лаять.

012

Tət wəlwəl ämp, ämp qatəlnə.

Здесь живет собака, в конуре.

013

Mänə wəlwəl ämp.

У меня есть собака.

014

Mänə əntim ämp.

У меня нет собаки.

015

Ämp, uya!

Собака! Гавкай!

016

Pərɪ.

Кусай!

017

Alaq.

Не кусай!

018

Tʃeʃ.

Не кусай!

019

Äl uʒa.

Не лай!

020

Ämp joŋqerwəl løy (løyi päjä).

Собака грызет кость.

021

Ämp əntə joŋqerlətə løy.

Собака не грызет кость.

022

Ämnə joŋqertətə løy (løyi päjä).

Собака сгрызла кость.

023

Ämnə əntə joŋqertə løy.

Собака не сгрызла кость.

024

Ämnə joŋqerlətə løy.

Собака сгрызет кость.

025

Ämnə əntə joŋqerlətə løy.

Собака не сгрызет кость.

026

Ämnə joŋrəqətəltə løy.

Собака будет грызть кость.

027

Ämnə əntə joŋqerlətə ləy.

Собака не будет грызть кость.

028

Ämnə əntə joŋqertə ləy, jüyən neləytətə.

Собака не грызла кость, она ее проглотила.

029

Ilin joŋqerlin ləy ili əntə?

Будешь грызть кость или не будешь?

030

Tem ləy ewəstəki.

Эта кость вкусная.

031

Tem ləy əntə ewəstəki.

Эта кость не вкусная.

032

Tem ləy wəlqas səl'məŋ (ewəstə).

Эта кость была вкусной.

033

Tem ləy wələyətəwəl səl'məŋkə.

Эта кость будет вкусной.

034

Tfi ləy əntə səl'məŋ.

Эта кость не вкусная.

035

Ämnə wəlwəl ləy.

У собаки есть кость.

036

Ämnə əntim ləy.

У собаки нет кости.

037

Ämnə wəlqas løy.

У собаки была кость.

038

Ämnə əntim wəlqas løy.

У собаки не было кости.

039

Ämnə əntə wələqətəwəl løy.

У собаки не будет кости.

040

Esli ämnə wəlwəl løy jüy mənwel joŋqerta (inta).

Если у собаки есть кость, она идет ее грызть.

041

Esli ämnə løy əntiməki (əntim) jüyən əntə joŋqerlətə (ənt iltə).

Если у собаки нет (вообще нет) кости, она ее не сгрызет (не съест).

042

Ämnə wəlmal ba løy jüyən joŋqersətə pa (joŋqerqastə).

Если бы у собаки была кость, она бы ее сгрызла.

043

Esli ämnə wəlmal ba løy jüyən əntə joŋqerqastə.

Если бы у собаки была кость, она бы ее не сгрызла.

044

Ämpä masli løy.

Собаке нужна кость.

045

Ämpä əntə masli løy.

Собаке не нужна кость.

046

Ämpä əntə masli løy a n'oyi.

Собаке нужна не кость, а мясо.

047

Ämp qojwəl løy.

Собака хочет кость.

048

Ämp əntə qojwəl løy.

Собака не хочет кость.

049

Ämp onlayi løy jonqerta.

Собака научилась разгрызать кость.

050

tʃi ämnə wəlayi ämmoq.

У этой собаки был щенок.

051

Tʃi ämnə əntim wəlqas ämmoq.

У этой собаки не было щенка.

052

Jiɣətəyi jüyən wəlwəl ämmoqət.

Смотри, у нее есть щенки.

053

Jiɣətəyi tʃi ämnə əntim ämmoqət.

Смотри, у этой собаки нет щенков.

054

Qollin tʃi ämp jonqerwəl løy.

Слышишь, собака грызет кость.

055

Əntə sätʃwəl ämp jonqerwəl løy.

Не слышно, чтоб собака грызла кость.

056

Quntə ämp iwəl jüy ənt uwəl.

Когда собака ест, она не гавкает.

057

Iyəs ämp ənt uwəl.

Поев, собака не гавкает.

058

Quntə ämp əntə iwəl jüy uwəl.

Когда собака не ест, она гавкает.

059

Əntə iyäyi ämp uwəl.

Не поев, собака гавкает.

060

Pirti ämp untala.

Заставь собаку гавкать.

061

Pirti ämp əntə untala.

Заставь собаку не гавкать.

062

Sätfwəl ämp uwəl.

Слышно гавкающую собаку.

063

Mä uyasım untə ämp.

Я увидел гавкающую собаку.

064

Jəy jotqalət əntə untə ämp.

Они купили не гавкающую собаку.

065

Ämnə until sayi qolla jay nuy werəytətə.

Гавкая, собака всех людей разбудила.

066

Ämp aməsqaş qa puyəlnə joqən əntə uyas.

Собака сидела возле дома, не гавкая.

067

Mänə uyasım ämp jüyäs.

Я видел, что собака пришла.

068

Mänə uyasım ämp əntə jüyäs.

Я видел, что собака не пришла.

069

Mänə uyasım ämp estfö joq əntə jüyäs.

Я видел, что собака еще не пришла домой.

070

Mänə qolqasım ämp iyəs.

Я слышал, что собака ела.

071

Mä küm lüyəkäsəm ämp əntə iyäyi.

Я вышел наружу, собака не ела.

072

Mänə qolqasım ämp estfö pənt iyäyi.

Я слышал, что собака еще не ела.

073

Temī kütškəltə ämp.

Это охотничья собака.

074

Temī əntə kütškəl'tə ämp.

Это не охотничья собака.

075

Temī mǎ ämpətm.

Это моя собака.

076

Tfi əntə mǎ ämpətm.

Это не моя собака.

077

Tem ämp onəltəm kütskəl'tä ämp.

Это обученная охотиться собака.

078

Tem ämp əntə onəltəm kütskəl'tä ämp.

Это не обученная охотиться собака.

079

Tfi ämp əntə onəltəm kütskəl'tä wajqa.

Эта собака не обучена охотиться на зверя.

080

Ämp uwəqatayɨ qolla wajqa.

Собака стала лаять всем зверям.

081

Ämp oyrɨjuɲnə alawəl.

Собака лежит на крыльце.

082

Wajqa əntə uwəl.

Зверям не лает.

083

Ämp (əntə) oyrɨjuɲnə jüy qonuralnə alawəl.

Собака не на крыльце, она лежит в конуре.

084

Jüy naverno əntə wajqəɲ.

Она, наверно, не звериная.

085

Jüy təjawəl ämp.

Она держит собаку.

086

Jüyä masli naverno.

Ей надо, наверно.

087

Jüy əntə təjawəl ämp təjawəl mes'.

Она не держит собаку, держит корову.

088

Puyəlnə wəlwəlt ämpət.

В деревне есть собаки.

089

Puyəlnə əntim ämpət.

В деревне нет собак.

090

Tem puyəlnə əntə ämpət a köşkət wəlwəlt.

В этой деревне есть не собаки, а кошки

091

Mänə wəlwəl niğət.

У меня есть жена.

092

Mänə əntim niğət.

У меня нет жены.

093

Nuğən wəlwəl ni ili əntim.

У тебя есть жена или нет.

094

Da wəlwəl.

Да, есть.

095

Əntə əntim.

Нет, нету.

096

Tem tşöyət.

Это снег?

097

Tem əntə tşöyət temi kelä.

Это не снег, это роса.

098

Temi iy tşəl'qəs.

Это медведь рычал.

099

Tfi əntə iy tşəl'qəs.

Это не медведь рычал.

100

Qoltəŋ ətškäy jəwəl.

Завтра похолодает.

101

Wännə tşöywəl.

Скоро будет снег.

102

Qoltəŋ əntə ətškäy jəwəl.

Завтра не похолодает.

103

Jəŋk ətşəyəki ili əntə.

Вода холодная или нет?

104

Qartoq pontsayi ili əntə.

Картошка сварилась или нет?

105

Pontsayi.

Сварилась.

106

Qartosqa pontsayi ili estfö əntə.

Картошка сварилась или еще нет?

Приложение 2

**SelNeg: Опросник «Отрицание», записан – 2011, село Парабель,
А.Ю. Фильченко. Полевой архив ТГПУ.**

Информант: Ирина Анатольевна Коробейникова. Полноценно владеет русским языком. Ее селькупский язык частично ревитализован на базе академических ресурсов и является определенной стадией развития селькупского языка. Проживает в селе Парабель Парабельского района Томской области. Владеет нарымским диалектом селькупского языка.

001

Kanak muda.

Собака лает.

002

Kanak a: muda.

Собака не лает.

003

Kanak mudiya.

Собака лаяла.

004

Kanak a: mudiya.

Собака не лаяла.

005

Na kanak quzannaj (a:) mudiya.

Эта собака никогда не лает.

006

Na kanak mudla.

Собака будет лаять.

007

Na kanak a: mudla.

Собака не будет лаять.

008

Na kanak quzannaj a: mudla.

Эта собака никогда не будет лаять.

009

Nind warga kanak, kanat pedoyit.

Здесь живет собака, в конуре.

010

Manan kanak eja.

У меня есть собака.

011

Manan kanak čangwa.

У меня нет собаки.

012

Manan kanak netuk.

У меня нет собаки.

013

Mudlend!

Лай!

014

A: mudlend!

Не лай!

015

A: mudeş!

Не лай!

016

İg mudlend!

Не лай!

017

Aya mudlend!

Не лай!

018

Kanak malaləspa lîp.

Собака грызет кость.

019

Kanak a: malaləspa lîp.

Собака не грызет кость.

020

Kanak malalbat lîp.

Собака сгрызла кость.

021

Kanak a: malalbat lîp.

Собака не сгрызла кость.

022

Kanak malalbla lîp.

Собака сгрызет кость.

023

Kanak a: malalbla lîp.

Собака не сгрызет кость.

024

Kanak malaleşpa lîp.

Собака будет грызть кость (факт. Собака грызет кость).

025

Kanak a: malaleşpa lîp.

Собака не будет грызть кость (факт. Собака не грызет кость).

026

Kanak lîp a: malalbat, kanak lîp...

Собака не грызла кость, она ее (проглотила).

027

Tat malallende lîp, ali a: malallende?

Будешь грызть кость или не будешь?

028

Na li nüik.

Эта кость вкусная.

029

Na li a: nüik.

Эта кость не вкусная.

030

Na li nüik e:dzəya.

Эта кость была (стала) вкусная.

031

Na li nüik a: e:dzəya.

Эта кость была (стала) не вкусная.

032

Na li nüik e:dz-l-a.

Эта кость будет вкусной.

033

Na li a: nüik e:dz-l-a.

Эта кость не будет вкусной.

034

Kana-nan li e:ja/e:k.

У собаки есть кость.

035

Kana-nan li čangwa/netuk.

У собаки нет кости.

036

Kana-nan li e:ya.

У собаки была кость.

037

Kanaknan li netuyi/netuya.

У собаки не было кости.

038

Kananan li a: e:dzla.

У собаки не будет (станет) кость.

039

Eşəli kananan li e:dzla, kanak...

Если у собаки будет (станет) кость, собака (ее сгрызет).

040

Eşəli kananan li e:dzla, tab lip a:

Если у собаки будет (станет) кость, она кость не (сгрызет).

041

Eşəli kananan bi li e:ya, kanak bi lip malalbat.

Если бы у собаки была кость, она бы ее сгрызла.

042

Eşəli kananan bi li e:yi, kanak bi lip...

Если бы у собаки была кость, она бы кость (не сгрызла).

043

Kananan li nuşna.

Собаке нужна кость.

044

Kananan li ne nada.

Собаке не нужна кость.

045

Kanakan nada a: li, nada wadz'p.

Собаке нужна не кость, а мясо.

046

Kanak lip kiga.

Собака хочет кость.

047

Kanak lip a: kiga.

Собака не хочет кость.

048

Kanak tänud lip malalgu.

Собака умеет разгрызать кость.

049

Adnaka na kananan e:dzəya kiba...

Кажется, у этой собаки был (стал) маленький (щенок).

050

Adnaka na kananan e:dzəya kiba kanak.

Кажется, у этой собаки не было (стало) щенка.

051

Manəmbled nil'dzik i e:ja, na kananan e:ja kiba kanala.

Смотри, оказывается у собаки есть щенки.

052

Manəmbled nildzik i e:ja, na kananan a: e:ja kiba kanala / čangwa kiba kanala / netuk.

Смотри, оказывается у этой собаки нет щенков.

053

Ingəldzəmbled, na kanak lip malalešpet.

Слышишь, собака грызет кость.

054

A: ingəldzəmba, na kanak lip a: malalešpet.

Не слышно, чтоб собака грызла кость.

055

Kuzat kanak awərle, tab a: muda.

Когда собака поест, она не гавкает.

056

Awərle, kanak a: muda.

Поев, собака не гавкает.

057

Kuzat kanak a: awərle, tab muda.

Когда собака не поест, она гавкает.

058

A: awərle, kanak muda.

Не поев, собака гавкает.

059

Koraldzlel kanak mudəgu!

Заставь собаку гавкать!

060

Koraldzlel kanak a: mudəgu.

Заставь собаку не гавкать!

061

Üngoldzəmba mudəspəl kanak.

Слышно гавкающую собаку.

062

Tabla towadat a: mudəspəl kanak.

Они купили не гавкающую собаку.

063

Mudlə, kanak şədəmbat wəs kulap.

Гавкая, собака всех разбудила.

064

A: mudlə, kanak amdiya madat kögit.

Не гавкая, собака сидела возле дома.

065

Mat kondzırnam kanak töya.

Я видел, что собака пришла.

066

Mat kondzırnam kanak a: töya.

Я видел, что собака не пришла.

067

Mat kondzırnam kanak tara: töya.

Я видел, что собака все еще не пришла.

068

Mat üngəldzimbam kanak awreşpi.

Я слышал, что собака ела.

069

Mat üngəldzimbam kanak aya awreşpi.

Я слышал, что собака не ела.

070

Mat üngəldzimbam kanak a: awreşpi.

Я слышал, что собака не ела.

071

Mat üngəldzimbam kanak tara: awreşpi

Я слышал, что собака все еще не ела.

072

Na (kanak) – madzil kanak.

Это – охотничья собака.

073

Na (kanak) – a: madzil kanak.

Это – не охотничья собака.

074

Na (kanak) – man kanak.

Это моя собака.

075

Na (kanak) – a: man kanak.

Это не моя собака.

076

Na (kanak) – ogololdzəmbəl kanak.

Это собака обученная.

077

Na (kanak) – a: ogololdZEmbEl kanak.

Эта собака не обученная (совсем).

078

Na (kanak) – tara: ogololdžəmbəl kanak.

Эта собака все еще не обучена.

079

Kanak madat pučogit amda.

Собака – на крыльце.

080

Kanak a: madat pučogit amda, tab kanat pedond.

Собака не на крыльце, она в конуре.

081

Tab kanalip warit.

Она держит собак.

082

Tab kanalip a: warit, hirip warit.

Она не держит собак, держит корову.

083

E:dəget kanala e:ja.

В деревне есть собаки.

084

Na e:dəget kanala netuk.

В этой деревне нет собак.

085

Na e:dəget kanala čangwa.

В этой деревне нет собак.

086

**** E:dəget kanala a: e:ja.***

В этой деревне не есть собаки.

087

Manan raja e:ja.

У меня есть жена.

088

Manan paja čangwa/netuk.

У меня нет жены.

089

Tanan paja e:ja, ali čangwa/netuk?

У тебя жена есть или нет?

090

Na (qaj) hær?

Это (что) снег?

091

Na – a: hær, na – čapt.

Это – не снег, это – роса.

092

Na korg parkiya?

Это медведь рычал?

093

Na a: korg parkiya.

Это не медведь рычал.

094

Tal'dzil täšä e:dzla?

Завтра будет холодно?

095

Tal'dzil täšəla.

Завтра похолодает.

096

Tal'dzil a: täšəla.

Завтра не похолодает.

097

Üt kanimba, ali a: (kanimba)?

Вода холодная или нет?

098

Tartoška muzəmba, ali a?

Картошка сварилась или нет?

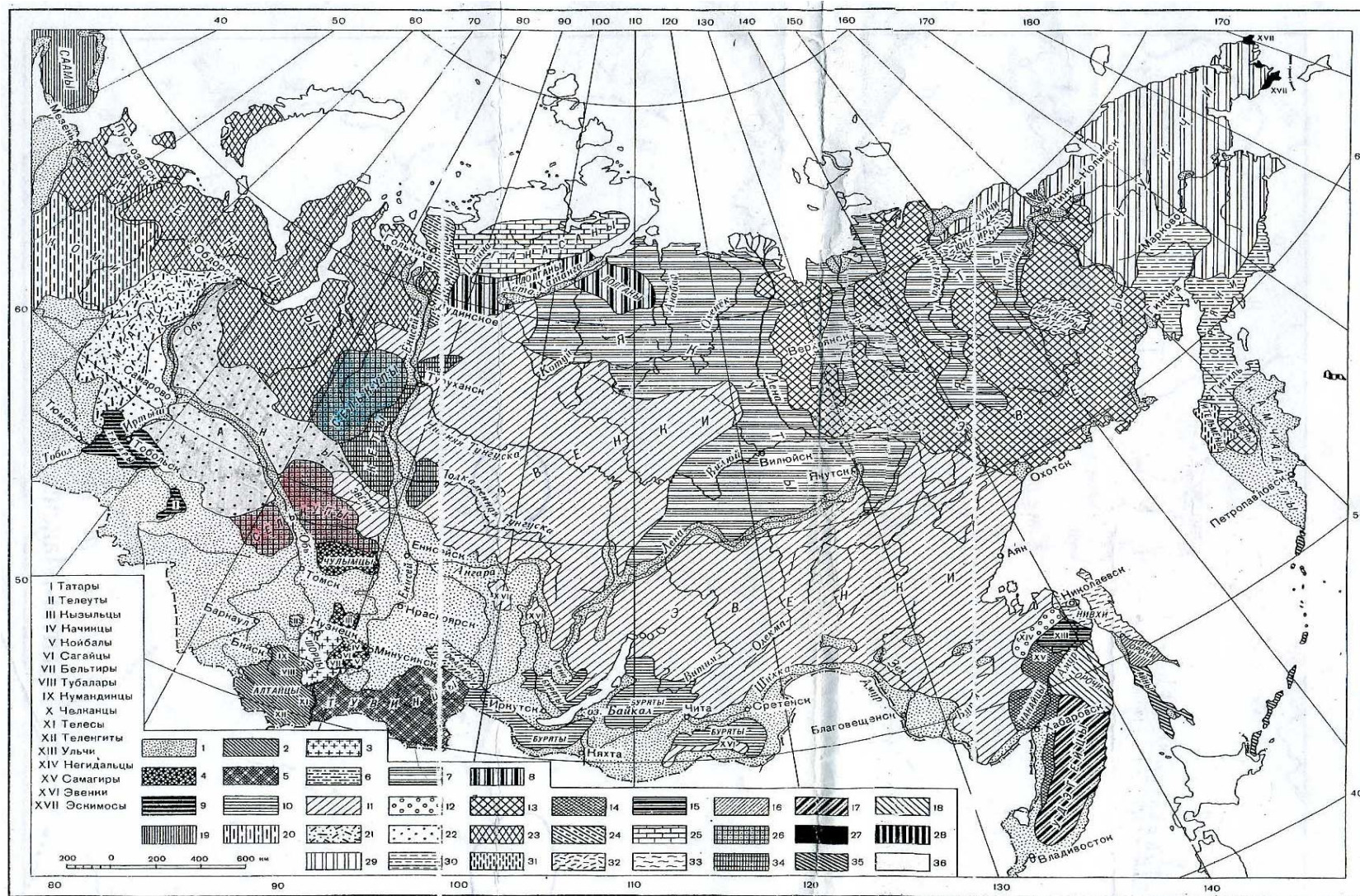
099

Tartoška muzəmba, ali tara: muzəmba?

Картошка сварилась или еще нет?

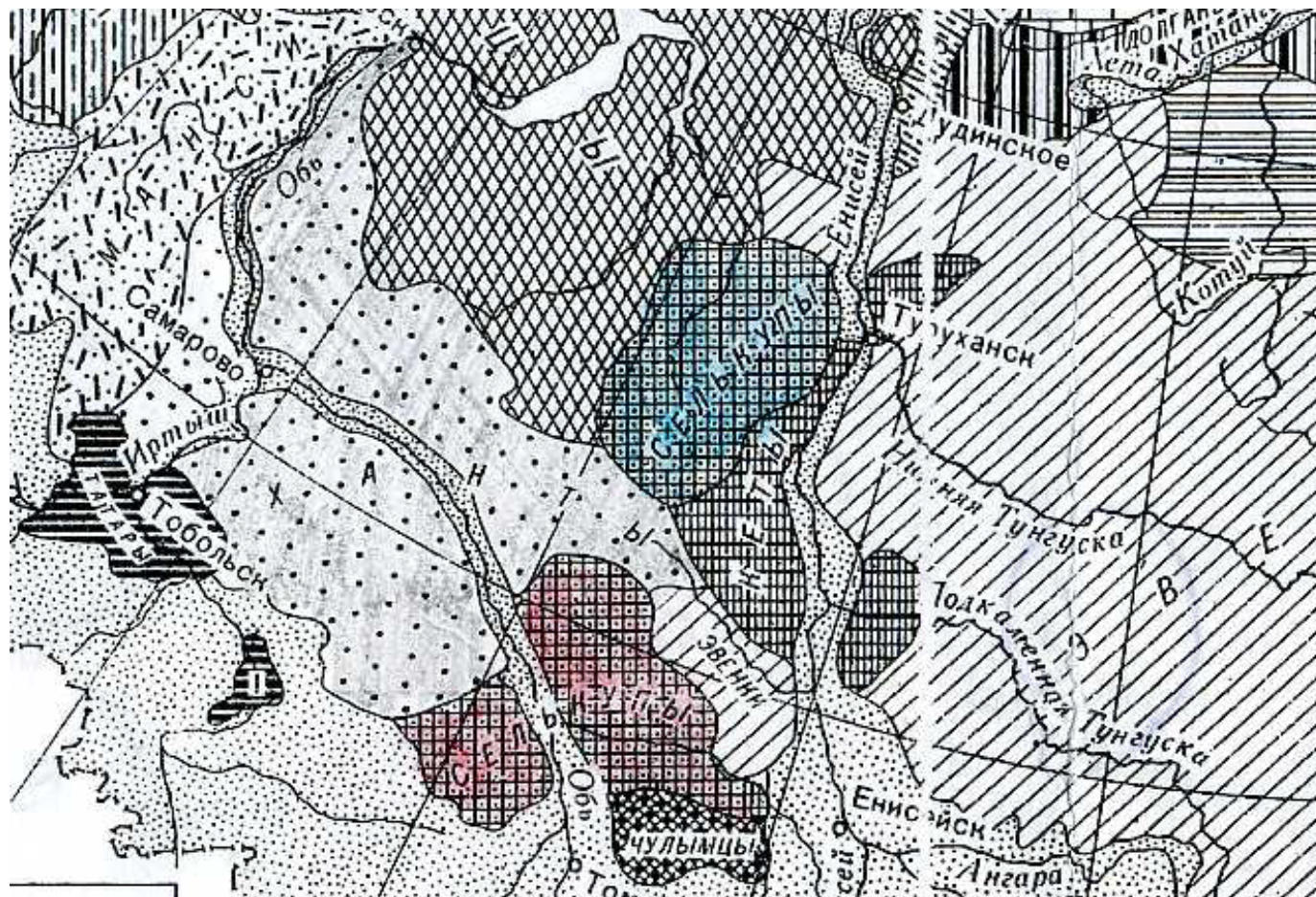
ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Этническая карта Сибири (Алатало 1998)

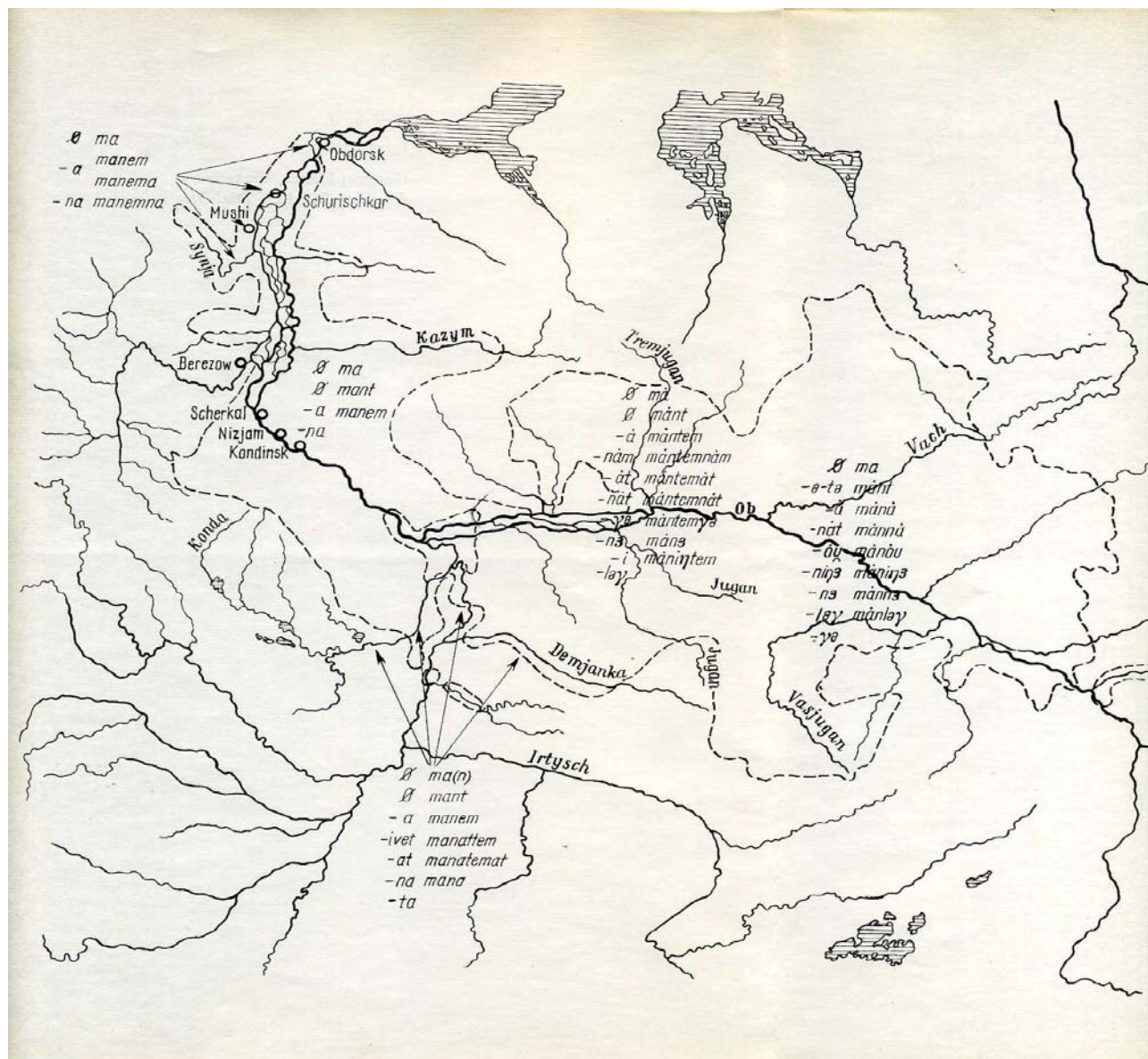

Народы славянской языковой группы: 1 — русские (и камчадалы). Народы тюркской языковой группы: 2 — алтайцы (алтай кизи, телеуты, тубалары, кумандинцы, челканцы, телесы, теленгиты); 3 — шорцы; 4 — хакасы (кызыльцы, качинцы, койбалы, сагайцы, бельтиры) и чулымцы; 5 — тувинцы; 6 — тофалары; 7 — якуты; 8 — долганы; 9 — татары сибирские. Народы монгольской языковой группы: 10 — буряты. Народы тунгусо-маньчжурской языковой группы: 11 — эвенки; 12 — негидальцы; 13 — эвены; 14 — нанайцы (и самагиры); 15 — ульчи; 16 — ороки; 17 — удэгейцы; 18 — орочи. Народы финской языковой группы: 19 — саамы; 20 — коми. Народы уорской языковой группы: 21 — манси; 22 — ханты. Народы самодийской языковой группы: 23 — ненцы; 24 — энцы; 25 — иганасаны; 26 — селькупы. Народы эскимско-алеутской языковой группы: 27 — эскимосы; 28 — алеуты. Народы других языковых групп: 29 — чукчи; 30 — коряки; 31 — ительмены (северо-восточные палеосианцы); 32 — юкагиры; 33 — нивхи; 34 — кеты; 35 — айны. 36 — незаселенные места.

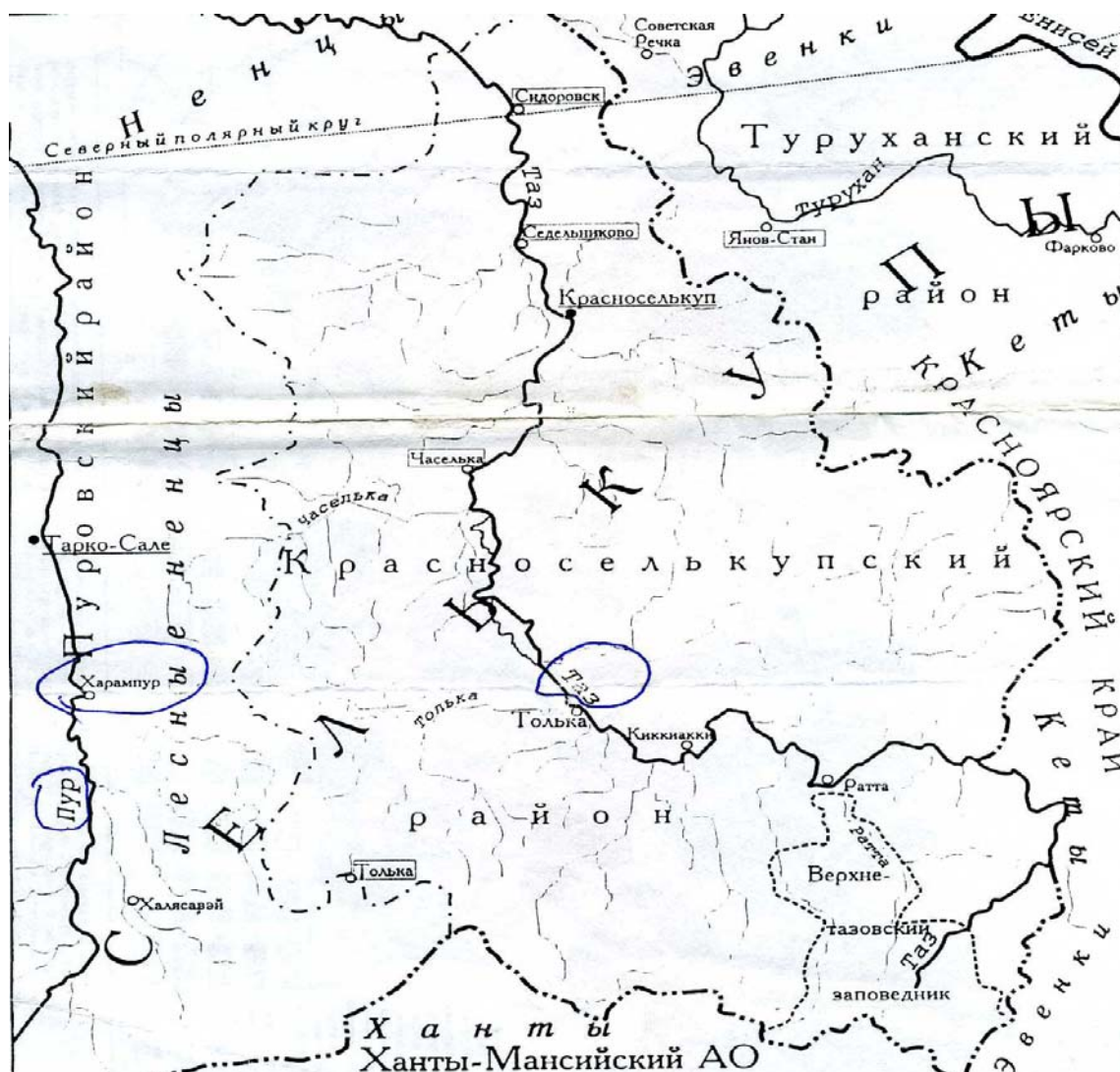
Карта расселения хантов и селькупов (Алатало 1998)

Карта распространения диалектов хантыйского языка (Vertes 1967)

Северные селькупы (Красноселькупский и Пуровский районы Ямало-Ненецкого А.О. и Туруханский район Красноярского края) (Алатало 1998)

Центральные и южные диалекты селькупского языка (Томская область).

Составитель Н.А. Тучкова (Селькупы 2013: 53)

